CTPAHA II MIIP

odas land und die welt our country and the world ole pays et le monde oel pais y el mundoo

- жизнь сахарова в опасности
- ВРЕД И ПОЛЬЗА ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ
- ВЕСТИ С АФГАНСКОГО ФРОНТА
- БАЛ-МАСКАРАД ВО ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ
- ЧТО ТАКОЕ ФИНЛЯНДИЗАЦИЯ
- ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ
- ПЛЮШЕВЫЙ ТИГР НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ
- СССР ПРОСИТСЯ В АТЛАНТИЧЕСКИЙ БЛОК
- ЛЕНИН И СЕЙЧАС ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ
- СТО ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ ЗА ПОВЕШЕННОГО
- ОБЛИК СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- РУССКАЯ ЕВРОПЕЯНКА НА СВИДАНИИ СО СЛАВЯНОФИЛОМ
- САМОЕ МОДНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ СКИТАЛЬЦА

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучиньский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), А.Мильман (Тель-Авив), П.Брукингс (Гонконг), П.Ростин (Рабат). Цена одного номера 6 нем. марок, стоимость годовой подписки 60 нем. марок (25 долларов). Журнал доставляется подписчикам бесплатно. Подписка по адресу редакции в течение всего года. Подписная плата принимается в виде чека, а также перечислением на банковский или почтовый счет. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

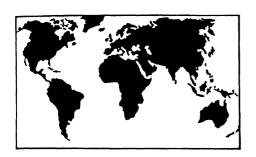
Политический дневник 1	L
С.Максудов. Августейший Верховный Совет	2
Выборы и выборы)
Архив. "При подборе кандидатур обеспечить"	2
И президентам ставят отметки 23	3
Вести из СССР	1
<i>М.Шпербер.</i> Многократная смерть Владимира Ильича)
Архив. "Печатать не следует" 39)
Архив. "Премия: 100 000 рублей за повешенного." 41	L
$A.Б$ узоглы. Столетие терпения, мужества и труда $\dots \dots $	3
<i>Б.Вайль</i> . Тигр на ватных ногах)
Из газет: 30 лет назад 53	3
А.Шатравка. Как это происходит	1
E.Эткинд. О литературной лжи и косвенной литературе	2
Γ . Π омерани. Страстная односторонность и бесстрастие духа.	
Статьи третья и четвертая	7
Из газет: 50 лет назад 91	L
В.Войнович. Единственно правильное мировозрение	

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.

Tel. 272 18 99; 272 28 99.

Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.). Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

CTPAHA II MIIP

ПОЛИТИЧЕСКИЙ **ДНЕВНИК**

самое употребительное слово в газетах демократических стран. Что и говорить, всякая сводка новостей по определению содержит лишь выходящие из ряда вон события. Газеты, радио, телевидение всегда уделяют куда больше внимания тому, что не в порядке, чем тому, что идет нормально, хотя при этом они рискуют исказить картину общества и придать ей преувеличенно зловещий характер. Даже в пору, которая позднее покажется "золотым веком" или "прекрасной эпохой", чувствительные современники ощущают прежде всего симптомы кризиса.

Это не исключает того, что в последнее десятилетие кризис действительно наступил. Общий кризис начался, когда арабские страны, желая пригрозить Израилю и дать первое предупреждение Западу, спровоцировали кризис нефтяной. Эта мера, которая в 1973 г. могла показаться временной, вызвала общее смятение. Владельцы нефтяных скважин вдруг осознали, что за свой товар они не получают того дохода, какой могли бы; индустриальные державы по дешевке выкачивают их ресурсы, к тому же грозящие иссякнуть. В то же время нефтяные страны почувствовали свою мощь. Постепенно цены на нефть, главный источник промышленной энергии в современном обществе, выросли непомерно. Экономическое равновесие было нарушено, и вот уже десять лет предпринимаются безуспешные попытки его восстановить.

На Западе первым ощутимым последствием этого потрясения оказалась все углублявшаяся инфляция, все возраставшее число банкротов, одно за другим разорялись предприятия, кото-

Любой компьютер покажет, что "кризис" - рые не поспевали за ритмом жизни и оказались неспособными выдерживать конкуренцию. Многие предприниматели сократили, а то и вовсе приостановили капиталовложения. Экономическая жизнь стала хиреть. Банкротства или даже просто финансовые трудности, распространивниеся почти на все фирмы, привели к опасному увеличению безработицы, которая в некоторых районах охватывает до 20% трудоспособного населения. Пришлось пойти на ликвидацию целых отраслей экономики. Этой весной мы стали свидетелями волнений среди французских металлургов и английских шахтеров — их шахты и заводы перестали приносить доход и оказались перед угрозой закрытия.

Нынешний кризис не стал причиной такого количества личных драм, какие вызвала депрессия начала тридцатых годов. Дело не в том, что он менее глубок, а в том, что демократические государства создали и постепенно усовершенствовали систему социального обеспечения, которой полвека назад не существовало. Современная система социальной помощи нередко даже вызывает злоупотребления. Наряду с настоящими безработными, которые хотели бы работать, появляются бездельники, предпочитающие получать пособие, вместо того, чтобы искать работу. Тем не менее безработица - отнюдь не мнимое зло; безусловно нужно, когда обстановка позволяет, ее пресекать или, по меньшей мере, смягчать ее последствия.

Развитые страны Запада тем более болезненно воспринимают кризис восьмидесятых годов, что он наступил после довольно длительного периода процветания. Постоянный рост производительности труда сопровождался подъемом общего благосостояния. Чтобы наглядно представить себе этот подъем, достаточно сравнить один день жителя сельской местности тридцать лет назад и сейчас. Французский экономист Жак Фурастье, который всегда проводит отпуск в одной и той же деревне, попробовал это сделать. Он сравнивает 1946 и 1976 годы.

За этот период уровень жизни обитателей села вырос в 4-5 раз. Изменился и стиль жизни. В 1946 г. в этой деревне было 534 жителя, из них 208 крестьян, 20 рабочих, 17 государственных служащих, 12 торговцев, 2 инженера или техника. Сейчас осталось всего 53 крестьянина. между тем как в банках, в торговле и апминистративных учреждениях работают 102 человека. Почти все дома отремонтированы. Многие виллы стали дачами для горожан, тогда как сразу после войны дач было очень мало, разве что на берегу моря. Раньше домашнее хозяйство велось примитивно, нынче 230 из 243 семей пользуются достижениями современного комфорта. В 1946 году в деревне было 5 телефонов, в 1976 - 110. В 1946 г. было пять автомобилей, в 1976 – 280. За этот же период, при уменьшении количества крестьян на три четверти, число тракторов возросло с пвух по сорока.

Примеры можно умножить. Кризис как правило не лишает население главных завоеваний
"славного десятилетия" — тридцатых годов.
Но он остановил повышение уровня жизни;
иногда потребителям приходится сокращать
свои запросы; естественно, они встревожены.
В настоящее время в хорошем положении
находятся те, у кого постоянное место работы,
например, государственные чиновники. Остальные боятся не сегодня—завтра потерять работу.
И даже те, кому увольнение непосредственно не
угрожает, боятся строить планы на будущее.

Нынешний кризис резко отличается от кризиса 1968 г. Тогда мятежная молодежь, как ей казалось, восстала против "потребительского общества" — впрочем, она не слишком отдавала себе отчет в том, что такое "непотребительское общество". На самом деле, — и в этом оправдание ее протеста, — она восставала против бесхозяйственного использования общественных средств. Производители всячески старались сбыть потребителю товары, изготовленные с таким расчетом, чтобы довольно скоро выйти из строя, — это позволяет увеличить товарооборот. Фирмы, снабжавшие население газом, электроэнергией, нефтяными продуктами, побуждали клиентов рекламой и снижением цен потреблять все больше и больше их "товара". Предприятия переманивали друг у друга инженеров и рабочих. Они вербовали иностранных рабочих, предоставляя им непривлекательную работу, которой местное население заниматься не желало. Бурные события 1968 г. принесли пользу и тем, чго привлекли внимание общества к загрязнению природы и разбазариванию ее богатств. Из этого внимания к природе родилось общественное движение в защиту окружающей среды.

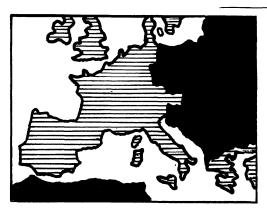
Кризис 1968 г. был экономическим, но это лишь один из его аспектов. Он вызвал перестройку сознания, потрясение всех устоев, всех, казалось бы, наиболее прочных социальных институтов. Последствия его заметны и сейчас. Что же касается нынешнего кризиса, то и он не только экономический. Прежде всего, одним из его естественных последствий оказался рост преступности; впрочем, не крупных преступлений, а мелких и средних, которые неизбежно вызывают чувство неуверенности у всех граждан; обычно их совершают молодые безработные, лишенные средств к существованию. Рост преступности часто влечет за собой усиление расистских настроений. В период процветания мало кто считал присутствие в стране десятков тысяч иностранных рабочих явлением ненормальным. Кризис резко изменил отношение к нему. Иностранных рабочих обвиняют в том, что они заняли рабочие места французов. Заявляют, что рост преступности происходит прежде всего из-за них (и в самом деле, поскольку иностранцы беднее других, они чаще других нарушают законы). Новоявленные расисты не обязательно принадлежат, как это утверждают поверхностные идеологи, к потребительским кругам, к буржуазии, к правым. Это зло возникает во всех слоях общества, среди пролетариата паже, пожалуй, чаше, чем среди пругих слоев населения. Да и может ли быть иначе, если иностранцев считают соперниками в получении работы?

Кризис принес и политические последствия. Чередование партий у власти — нормальное и необходимое явление, но после нефтяного кризиса замена одних другими ускорилась. Уже несколько месяцев спустя после прихода к власти новых государственных деятелей престиж тех, которые совсем недавно были избраны обеспечить хозяйственное возрождение, даже огромным большинством голосов, начинает падать: им не прощают ни малейшей ошибки. Во Франции президент-социалист и социалистическое правительство, одержавшие триумфальную победу в мае 1981 г., уже осенью того же года стали терять популярность. Год назад в Великобритании Маргарет Тэтчер победила партию лейбористов. Новейшие опросы показывают, что теперь лейбористы одержали бы верх над консерваторами. В Испании правительство Суареса, которое установило демократический режим, очень быстро потеряло свой престиж и на выборах в 1982 г. потерпело катастрофическое поражение. Сменившие его социалисты тоже начинают выдыхаться. С другой стороны, правительство может устоять в условиях современной бури, если оно способно

осуществляя довольно жесткую социальную политику, - таков случай президента Рейгана.

обычное время всякий гражданин, если не по душе власть имущие, возлагает свои надежды на оппозицию, напряженно ожидая изменений. В настоящий период мы отчетпиво различаем, кто именно недоволен правительством. Но можно ли утверждать, что надежпы избирателей на спасительные перемены оправданы? Кризисы - это исторически необходимые периоды, наступающие независимо от политических режимов. В конце концов любой кризис можно преодолеть, если только осознать его природу. Но во имя такого преодоления следует справиться со скептицизмом, который порожден тем же кризисом.

Г.Ферон

ЗАБАСТОВКА БРИТАНСКИХ ШАХТЕРОВ

9 марта началась забастовка британских горняков, которая побила все рекорды продолжительности всеобщей забастовки 1926 г. Забастовка была вызвана тем, что Государственное управление по делам угольной промышленности объявило о своих планах закрытия некоторых нерентабельных шахт. Тем самым Управление надеялось сделать угольную промышленность страны более экономной и продуктивной.

В настоящее время около четверти всех шахт в Великобритании работают в убыток. Некоторые из них настолько неприбыльны, что угольной промышленности было бы выгоднее прекратить все работы на этих шахтах, сохранив при этом полную зарплату шахтерам, чем продолжать добычу угля. На некоторых старых шахтах одна

только стоимость добычи превышает рыночную цену на уголь. Управление по делам угольной промышленности решило в этом году закрыть двадцать таких шахт и снизить добычу угля на 4 миллиона тонн в год. Это неизбежно повлечет за собой сокращение штатов - 20 000 человек потеряют работу. Но, как заявил председатель Управления по делам угольной промышленности Макгрегор, увольнения будут проводиться на добровольных началах, желающие уйти получат выходное пособие из расчета тысяча фунтов за каждый отработанный на шахте год. Остальные будут переведены на другие шахты. Одновременно Управление намерено финансировать развитие новых каменноугольных бассейнов.

Профсоюз шахтеров считается наиболее демократичным из всех британских профсоюзов. С момента его основания в 1945 г. рядовые шахтеры принимали активное участие в принятии всех его решений. Одно из основополагающих правил профсоюза шахтеров касалось порядка объявления забастовки. Всеобщая забастовка могла быть объявлена лишь в результате тайного голосования с участием всех членов профсоюза. И только в том случае, если 55 процентов шахтеров высказались за забастовку, она могла быть объявлена. Профсоюзы каждого бассейна решали, бастовать им или нет, опросив предварительно своих членов. В районах, по традиции настроенных воинственно, как например в северном графстве Йоркшир, призыв к забастовке и теперь получил массовую поддержку. Для многих рядовых шахтеров этих районов, чьи отцы и нального профсоюза шахтеров Артур Скаргилл нависла угроза закрытия, это человеческая тра- Для него, как он неоднократно подчеркивал, это гедия, это борьба за старый, привычный уклад жизни. Сейчас они готовы бастовать, поступившись своей зарплатой и живя на скудные пособия социального страхования, в отчаянной попытке спасти обреченные шахты.

Шахтеры Ноттингемшира и ряда других районов традиционно придерживаются умеренных ВЗГЛЯДОВ, ОТЧАСТИ В СИЛУ ТОГО, ЧТО ИХ ШАХТЫ ВСЕГда преуспевали и были более производительными. Планы закрытия нерентабельных шахт коснутся их меньше, чем шахтеров более старых бассейнов в Йоркшире, Шотландии, Южном Уэльсе и других районах. Поскольку всеобщего голосования членов профсоюза проведено не было. углекопы "умеренных" районов провели свое местное голосование, и подавляющее большинство проголосовало против забастовки. Они продолжали работать, не считая себя штрейкбрехерами, поскольку официально всеобщая забастовка шахтеров не была объявлена.

Забастовка, вначале только локальная, быстро расширилась, и сейчас в Великобритании работает треть шахт. Бастующие шахтеры начали пикетировать шахты, где работы продолжались. причем пикетировать повольно активно. Само по себе это так называемое вторичное пикетирование перед чужими предприятиями, пусть даже мирное, согласно недавно принятому закону, непозволительно. Но на этот раз пикетирование было далеко не мирным. Пикетчики препятствовали шахтерам заступить на смену, плевали в них, отталкивали. То там, то здесь вспыхивали безобразные сцены, потасовки и настоящие драки. Правительство направило к работающим шахтам большие наряды полиции, которые пытались обеспечить желающим работать беспрепятственный вход в шахты. С появлением полиции конфликт усложнился. Президент Национального профсоюза шахтеров призвал шахтеров обратить свой гнев на полицию вместо того, чтобы воевать друг с другом. Но пикетчики напали на полицейских и не дожидаясь этого призыва. Только за 15 дней, например, 52 полицейских было ранено; 532 человека арестовано за нарушение общественного порядка.

Между тем ожидания тех, кто хотел всеобщего голосования по поводу забастовки, не оправлались, несмотря на то, что сам президент Нацио-

деды работали на шахтах, над которыми сейчас отказывается даже обсуждать закрытие шахт. классовая, политическая борьба против правительства до победного конца. Вначале А. Скаргилл чуть ли не самолично, но все же при поддержке левых членов исполнительного комитета профсоюза шахтеров решил изменить правила голосования, постановив, что для одобрения решения о забастовке требуется простое большинство голосов, а не положенные 55 процентов. Но и такого голосования решено было не проводить. Вместо этого 19 апреля на особой конференции 130 делегатов от местных профсоюзных организаций было решено объявить всеобшую забастовку по всем шахтам без всякого голосования. Таким образом, А. Скаргиллу и его сторонникам из левого крыла профсоюза, трижды за последние два года безуспешно пытавшимся вывести шахтеров на забастовку путем голосования, удалось, наконец, обойти правила и объявить всеобщую забастовку.

Однако шахты в умеренных районах отказываются подчиниться этому, по их мнению, недемократическому решению и продолжают работать. На одной из шахт в Ноттингемшире, например, шахтеры потребовали, чтобы их профсоюзные боссы, призывающие их к забастовке, подали в отставку. А 1 мая, в день солидарности рабочих в городе Мэнсфилд (Ноттингемшир) прошли крупные демонстрации за право рабо-

Опрос шахтеров после первых двух месяцев забастовки показал, что хотя большинство из них поддерживает забастовку, 63 процента считают, что забастовка не предотвратит закрытия шахт.

Пессимизм шахтеров разделяет и лейбористское руководство. Ни для кого не секрет, что лидер лейбористской партии Нийл Киннок считает, что отказ А. Скаргилла провести всеобщее голосование по вопросу о забастовке нанес ущерб как профсоюзу, так и самой лейбористской партии. Н. Киннок должен понимать, что эта забастовка в политическом смысле обойдется партии недешево, но вынужден, во всяком случае публично, поддерживать горняков.

Роль премьер-министра Маргарет Тэтчер проще, хотя и для нее забастовка шахтеров чрезвычайно важна. Потенциально рабочие шахт обладают большой силой, и, как показывает опыт 1974 г., забастовка шахтеров способна привести к падению правительства. В нынешнем конфликте М. Тэтчер надеется на то, что Управление угольной промышленности окажется сильнее А. Скаргилла и его профсоюза. Запасы угля в стране настолько велики, что даже при нынешнем уровне добычи этих запасов хватит до осени. Профсоюз шахтеров не монолитен; очевидно, что отнюдь не все шахтеры считают планы по снижению добычи угля на 4 млн. тонн в год вызовом рабочему классу и готовы объявить правительству классовую войну, как того желает Артур Скаргилл.

М. Филлимор

В конце марта — начале апреля Советский Союз начал крупные военно-морские маневры в Норвежском море и Северной Атлантике — самые

крупные из когда-либо проводившихся в этом районе. Никакого предварительного уведомления о маневрах сделано не было, и страны НАТО узнали об этом только тогда, когда выяснилось, что в конце марта большое количество советских судов покинуло порты. Тогда маневры были уже в полном ходу.

В маневрах приняло участие более 50 судов, включая крейсер "Киров" водоизмещением 25000 тонн (с атомным двигателем), а также авиация, включая бомбардировщики типа "Бэкфайр", антилодочные самолеты и многое другое. По мнению норвежского министерства обороны, необычная активность авиации указывает на то, что главной целью маневров была отработка нанесения воздушных ударов и организации ПВО.

В прошлом месяце так называемая "война за кресты" в школьных помещениях утихла. Благодаря твердой позиции учеников лицеев в городе Ментне, получивших решительную поддержку со стороны польского епископата и молодежи в Гданьске, Люблине и Торуни, власти вынуждены были пойти на некоторые уступки. Например, они согласились оставить распятия в интернатах и красных уголках школ. Власти пообещали также не запрещать школьной молодежи носить крестики на шее, не преследовать учеников лицея в Ментне и разрешить двумстам из них, в знак протеста бросившим учебу, вернуться в лицей. Власти отказались также от требования, чтобы ученики подписали заявление, подтверждающее светский характер школ. Эта победа, по крайней мере временно, затормозила нажим властей, решивших убрать из всех государственных учреждений распятия. Она продемонстрировала, что массовый протест всегда

дает положительный политический результат. "Война за кресты" — это не священная война фанатичных католиков, а борьба за присутствие в официальной жизни независимого символа, борьба за частицу настоящей Польши в коммунистической Польше.

В начале марта было опубликовано заявление Леха Валенсы об экономике и рабочем самоуправлении. Заявление стало дополнением к одному из четырех пунктов программы, которую лидер профсоюза подготовил в соавторстве с другими активистами и экспертами "Солидарности". После детального обсуждения симптомов и причин кризиса Лех Валенса заявил, что для улучшения состояния народного хозяйства необходима радикальная реформа системы экономического и политического управления страной, приостановленная введением в стране военного положения. Осуществление этой реформы возможно только путем заключения нового политического компромисса, от которого власти отказываются. Однако народное хозяйство база материальной жизни общества и основа национального суверенитета - должно стать предметом забот самих граждан. Если нельзя осуществить самое необходимое, нужно делать хотя бы то, что возможно сделать.

Валенса призывает к использованию самоуправления везде, где оно может быть осуществлено при поддержке рабочих коллективов. Он

призывает также к более активному участию в забастовок. Не исключено, что, благодаря этим работе кооперативов, к организации новых кооперативных предприятий, к избранию в действующих кооперативах таких правлений, которым трудящиеся могли бы доверять.

Лех Валенса призывает к широкой поддержке сельскохозяйственного фонда, созданного католической церковью с целью накопления средств для развития хозяйств крестьян-единоличников. Он предлагает создавать разного рода мастерские, мелкие частные предприятия и т.п. "Нельзя пренебрегать тем. - заканчивает Валенса свой призыв, - что можно осуществить уже сегодня без разрешения (властей - В.К.)... Действуя, мы создаем новые формы общественных отношений, строим крепкую основу для сотрудничества с кредиторами и базу для самостоятельного ведения хозяйства в будущем. Нам предъявят счет будущие поколения, так как принаплежность к экономически развитым народам завоевывается не силой трапиций, а культурой ежедневного труда. Нас ждут долгие годы практической солидарности, годы приобретения навыков, необходимых для того, чтобы быть рачительными хозяевами нашего народного постояния."

Поступают сообщения о кратковременных забастовках на предприятиях. Редко бастуют нелые рабочие коллективы; чаще всего бастуют отдельные цеха. Рабочие добиваются повышения зарплаты, справедливого распределения премий. ограничения принудительного труда в сверхурочное время, свободных суббот и т.п. Министр горнодобывающей и машиностроительной промышленности в феврале нынешнего года в распоряжении, преданном гласности подпольной прессой, признает, что "перерывы в работе, которые имеют характер споров между рабочими и администрацией в связи с требованиями повышения зарплаты, стали общим явлением в стране".

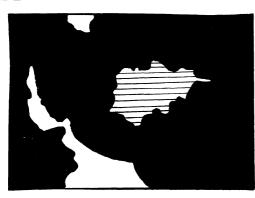
Кратковременные забастовки как правило успешны и администрация не применяет к бастующим никаких санкций. Как известно, забастовки в Польше разрешены, но правовая процедура, которая определяет основания для таких законных забастовок, практически их исключает. Поэтому рабочие часто не придерживаются правил, регулирующих проведение мелким, но успешным забастовкам, постепенно удастся восстановить доверие людей к этому главному оружию рабочего класса. Военное положение значительно подорвало это доверие, поэтому о крупных, всеобщих забастовках в Польше пока не может быть и речи.

С начала нынешнего года власти продолжают свои карательные акции против подполья. Это самое крупное наступление на подполье со времени введения военного положения. Милиция провела сотни обысков, систематически прочесывая целые городские кварталы. За последние месяцы задержано по крайней мере несколько тысяч людей. Количество арестованных, которое, по официальным данным, составило на конец февраля 310 человек, в следующем месяце возросло до 427, а ныне, по всей вероятности, составляет уже около пятисот.

Из последних сообщений следует, что полицейские акции проведены в 30 городах, хотя эта информация далеко не полна. При этом трудно установить организационные и материальные потери подполья. Пока не поступало сообщений об особо крупных случаях разгрома подпольных журналов или об арестах руководителей подполья. После незначительных перебоев подпольная литература прополжает поступать на Запад.

Можно предполагать, чго властям и теперь не удастся сломить сопротивление. Издаваемый Варшавским межзаволским рабочим комитетом "Солидарности" еженедельник ЦДН (сокращение, означающее: "Продолжение следует") так отзывается о последних полицейских акциях: "В нынешней усмирительной стратегии властей преобладает не генеральное наступление, а постоянный полицейский нажим на оппозицию". При этом пресечение конспиративной деятельности начинается всегда, когда она превышает определенный уровень активности. Таким образом, власти надеются, что сопротивление подполья само угаснет или по крайней мере будет иметь ограниченный характер. Сбудутся ли ожидания властей - зависит от сил сопротивления. Однако ныне речь идет не только о том, чтобы выжить, но и о том, чтобы в будущем укреплять и развивать подпольную деятельность в новых условиях.

В.Кучиньский

АФГАНИСТАН: БОИ ЗА ДОЛИНУ ПАНДЖИР

21 апреля объединенные силы советских оккупационных войск и кармалевского режима начали седьмое по счету с начала советской интервенции наступление на один из главных оплотов муджахиддинов — долину Панджир на востоке Афганистана. По своим масштабам это самая мощная кампания за все время афганской войны.

Долина Панджир давно стала символом афганского сопротивления и его главной базой. Широкая долина длиной около 110 км тянется почти от пакистанской границы, выходя на равнину примерно в 80 км к северу от Кабула. Урожаи, собиравшиеся в Панджире, пополняли продовольственные запасы повстанцев. Здесь, где условия особо благоприятны для ведения парти-

занской войны, находится штаб-квартира одного из самых популярных командиров афганских партизан 30-летнего Ахмада Шах Массуда. Ему удалось собрать и объединить под своим руководством более 5000 бойцов из различных групп.

Предыдущие попытки разбить силы Массуда и "умиротворить" Панджир окончились неудачей. С появлением советских войск партизаны уходили в укрытия, избегая вступать в соприкосновение с советскими войсками, а когда те уходили — возвращались вновь. Массуд превратил Панджир в государство в государстве. Была установлена собственная администрация и судебная система, организованы налогообложение, школы для детей и автобусное сообщение по долине. Для муджахилдинов были организованы курсы обучения пользования ракетными установками и тяжелой артиллерией.

16 месяцев назад, отчаявшись совладать с Массудом, советско-кармалевское командование предложило Массуду перемирие. Массуд его принял — и использовал передышку для укрепления своих позиций, накопления арсенала за счет оружия и боеприпасов,перебрасываемых через Пакистан из сочувствующих муджахиддинам государств.

Перемирие, заключенное Массудом, подвергалось в кругах афганских повстанцев резкой критике. Многие боялись, что силы, высвобожденные в Панджире, будут использованы для подав-

Советские бомбардировки в долине Панджир.

Ахмад Шах Массуд совещается с муджахиддинами в долине Панджир.

пения сопротивления в других местах, в частности, в Пактии и Кендахаре. Высказывались также опасения, что пример Массуда может побудить и других командиров заключать с врагом сепаратные соглашения. Но время показало, что Массуд и дело сопротивления скорее выиграли, чем проиграли.

Перегруппировав и укрепив свои силы, Массуд сделал также возможные шаги, чтобы объединить разрозненные и часто враждующие между собой группы партизан. Он широко развернул военные действия за пределами "своей" долины. Постоянным атакам сил Массуда подвергались советские конвои, движущиеся от советского пограничного города Термез к Кабулу по шоссе Саланг. Шоссе это стало столь неспокойным, что иначе как в сопровождении танков и броневиков конвои в путь не отправлялись. Партизаны взорвали несколько мостов, подрывали нефтевозы, постоянно тревожили атаками советские военные посты. Им удалось даже взорвать двойную линию нефтепровода, проложенного параллельно шоссе Саланг. В результате сокращения запасов топлива в районе Кабула уменьшилось число боевых вылетов с базы правительственных и советских ВВС Баграм.

В начале января активность панджирских муджахиддинов резко возросла. Они стали тревожить Кабул. В качестве карательной меры советские войска совершили набег на небольшой город горшечников Исталиф к северу от Кабула, превратив его окрестности в зону выжженной земли. Было убито несколько сот мирных жителей, женщин и детей. Советские вертолеты

патрулировали ночное небо Кабула, освещая пригороды мощными прожекторами. Ничто не помогло. Партизаны бомбардировали здание Общества советско-афганской дружбы в Кабуле и гостиницу для сотрудников КГБ. На шоссе Салег было взорвано еще два моста.

Тогда было принято решение раздавить силы Массуда в Панджире. 100 бомбардировщиков ТУ-16 и штурмовиков СУ-24 начали ковровые бомбардировки и обстрел долины. По их следам направились 80 боевых вертолетов МИ-24, 500 танков и броневиков и почти 20 000 солдат — пятая часть всех советских сил, находящихся в Афганистане. Это было беспрецендентное наступление, направленное, правда, не столько против отрядов повстанцев, сколько против населения долины.

24 апреля, на третий день советского наступления, радио Кабула передало сообщение, что "террористические банды Ахмад Шаха, нарушившие нормальную жизнь долины, разрушившие школы и терроризировавшие гражданское население, полностью разбиты вооруженными силами Мира и Прогресса". Радио заявило, что "прекрасная долина снова вкушает мир" и призвало население "не бояться более бандитов и вернуться в мире в свои покинутые дома". Сообщения с места и оценки военных наблюда.

телей рисуют, однако, совсем иную картину. С начала наступления Массуду удалось эвакуировать практически все мирное население долины, а партизанские части увести в заранее подготовленные укрытия. Бомбардировки оставленной долины оказались столь же безрезультатными,

как были безрезультатны многочисленные бомбардировки во время вьетнамской войны. По мере продвижения советских сил внутрь долины их коммуникации все растягивались, силы редели и становились все более уязвимыми. За время наступления, по сообщениям печати, было убито 400 муджахиддинов и около 2000 советских и кармалевских солдат, 400 человек было взято муджахиддинами в плен, 18 самолетов сбито, уничтожено 30 танков и броневиков. Правительственные силы начали отступать к устью долины, откуда началось наступление.

700 человек правительственных войск под командованием Джалаллуддина, поддерживавщего тесные связи с Массудом, присоединились к муджахиддинам и начали военные действия на их стороне. Руководители других партизанских групп заявили о своей поддержке партизан Панджира и направили своих бойцов им на помощь. 200 бойцов было направлено в Панджир партизанами Нуристана, 10 отрядов было переброшено с центрального фронта. Советское наступление способствовало консолидации партизанских сил.

О своей полной поддержке партизан Панджира заявил и бывший король Афганистана Мухаммед Захир Шах.

Советские и афганские правительственные заявления пытались также создать впечатление, что командир Массуд убит. Действительно, на жизнь Ахмада Шах Массуда, которого в Афганистане называют "Львом Панджира", было со-

вершено два покушения. Один раз покушавшийся стрелял — неудачно — с расстояния 10 метров. Одна из опергрупп, посланных, чтобы убить Массуда, добровольно сдалась, выдав бесшумные пистолеты и яд. По ее указаниям были пойманы и разоружены две другие группы.

Атака на Панджир — одно из проявлений более жесткого советского курса в Афганистане, определившегося с приходом к власти К. Черненко. Советские вооруженные силы в Афганистане укрепляются и пополняются. Появились сообщения о появлении в Афганистане болгарских частей (на севере) и кубинских военнослужащих (они замечены там впервые еще в 1981 г.).

Последний раунд посреднических усилий ООН окончился безрезультатно. Советский Союз отказывается наметить хотя бы приблизительные сроки вывода своих войск, пока не будут даны "международные гарантии" сохранности кармалевского режима. СССР требует, чтобы Пакистан, на территории которого нашли убежище 2,9 миллиона афганских беженцев, вступил с кармалевцами в прямые переговоры.

Черненко во всех своих заявлениях высказывается об афганской проблеме гораздо решительней, чем его предшественник Андропов. Если Андропов даже беседовал однажды о путях выхода из афганского кризиса с президентом Пакистана Зия уль-Хаком, то Черненко отказался встретиться с ним, когда Зия уль-Хак прибыл в Москву на похороны Андропова. ●

4 апреля в Вашингтоне был арестован офицер военной разведки Ричард Смит. Ему предъявлено обвинение в том, что он в ноябре 1982 г. за 11 тысяч долларов продал секретную инфор-

мацию первому секретарю советского посольства в Токио Виктору Окуневу.

В.Окунев с 1978 г. служил советским консулом в г.Осака, а в 1980 г. был переведен в посольство. После ареста Р.Смита премьер-министр Японии Я.Накасоне распорядился начать детальное расследование обвинений советского посольства в шпионаже. В июне прошлого года Япония уже выслала другого первого секретаря посольства, который занимался экономическим шпионажем в японских фирмах.

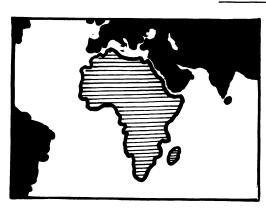
КГБ сейчас активно старается оживить свою деятельность в Японии. Советская шпионская сеть в Японии потерпела большой ущерб в результате бегства в 1979 г. в США бывшего майора КГБ Станислава Левченко. С.Левченко не только раскрыл самую сеть, но и назвал имена многих выскопоставленных японцев, поддер-

живавших постоянные контакты с агентами го центра Японской социалистической партии, КГБ.

В феврале Японию посетил с 10- пневным визитом зам.начальника Международного отдела ЦК КПСС по Японии Иван Коваленко. И.Коваленко имел в Японии множество встреч, в большинстве своем - с людьми, названными в показаниях С.Левченко, и деятелями, известными своими просоветскими настроениями. В числе лиц, по утверждению Левченко, сотрудничавших с КГБ и имевших новые контакты с И.Коваленко, - И.Сагимори, генеральный секретарь Японского международного культурного общества, С.Кацумата, глава теоретическо-

Т.Уэда, влиятельный парламентарий-социалист.

По мнению японских экспертов по советским делам, И.Коваленко возглавляет отдел дезинформации КГБ в Японии. Его целью было усилить просоветские настроения в Японии, поддержать антиядерное и антиамериканское движение в этой стране. Он во многом преуспел: японские газеты, в том числе ведущая либеральная "Асаха Симбун" а также Японская радиовещательная корпорация широко пропагандировали интерыо с И.Коваленко, в которых он выставлял СССР в исключительно выгодном свете. ●

ГВИНЕЯ: ПОСМЕРТНОЕ СВЕРЖЕНИЕ СЕКУ ТУРЕ

Гвинейские события подтверждают, что в Африке - как и повсюду - никакой установленный порядок нельзя считать окончательным. Секу Туре в начале апреля умер в США после операции, и едва только его прах предали погребению, как он оказался в известном смысле посмертно свергнутым: режим, который он установил 26 лет назад, был уничтожен. Многие гвинейцы с удовлетворением приняли заявления военных. захвативших власть. Подобно своим португальским собратьям десять лет назад, они имеют в виду установить демократические порядки и прежде всего воздать справедливость жертвам тирании. Остается осуществить на практике эту программу, что не так уж просто, если иметь в виду, что руководители государственного переворота собираются уважать права человека в отношении деятелей свергнутого режима, - те самые права, в которых эти деятели отказывали

своим противникам. Для начала новые правители Гвинеи объявили, что ни одного смертного приговора по политическим мотивам они не до-

Гвинея Секу Туре возникла в 1958 г. после решительного "нет", которое гвинейцы сказали генералу де Голлю. Первый президент Пятой республики предложил бывшим французским колониям Черной Африки образовать с прежней метрополией Сообщество. Секу Туре был единственным политиком на всем африканском континенте, кто высказался за полную и немедленную независимость. Его соотечественники одобрили это требование. Де Голль извлек выводы из этого оскорбительного для него отказа - и прекратил всякую помощь Гвинее.

Секу Туре, объявивший себя социалистом, стал искать на Востоке ту помощь, в которой ему отказала прежняя метрополия. Со своей стороны, Кремль полагал, что этот социалист твердо стоит на марксистско-ленинских позициях и сможет основать первое коммунистическое государство Африки. Действительность вскоре опровергла идеологические иллюзии и упрощенные пропагандистские лозунги. СССР в самом деле предоставил Гвинее свою помощь, но чиновники, которые должны были этим заниматься, не стали утруждать себя серьезным изучением потребностей партнера; они составляли собственное "меню" - как образцовые бюрократы. Так, в первой же партии материалов, посланных гвинейцам, последние с изумлением обнаружили снегоочистители, - между тем как жители Гвинеи никогда снега в глаза не видели!

Этот эпизод, который многие считают характерным, последствий не имел, но очень скоро от-

Секу Туре

ношения между обеими странами стали портиться: они чаще бывали дурными, чем хорошими. Советское правительство стремилось превратить "дружественную" Гвинею в свою военную базу, это в конце концов вывело из себя Секу Туре. Кроме того, СССР решил вознаградить себя за свою "бескорыстную братскую помощь", покупая основное богатство покровительствуемого друга, бокситы, за треть цены, установленной на мировом рынке. Тогда Секу Туре сделал то же открытие, что и египетский президент Садат: страна, стремящаяся преодолеть свое отставание, заинтересована в сохранении или в завязывании добрых отношений с наиболее развитыми в промышленном отношении западными державами.

Сближение с США или Францией было не так-то легко осуществить. За четверть века пребывания у власти диктатор "раскрыл" четырнадцать реальных или воображаемых заговоров; он обрек на тюремное заключение и на самые бесчеловечные пытки тысячи своих подданных. "Международная Амнистия" не может назвать точное число жертв и выяснить судьбу исчезнувших. К тому же Секу Туре разорил страну. Она насчитывает ныне 5100000 жителей; наблюдатели полагают, что за время правления Секу Туре по политическим и экономическим причинам из Гви-

неи эмигрировало два, а то и два с половиной миллиона человек.

Когда Жискар д'Эстен отправился с визитом в Конакри, когда Рейган и Митгеран принимали у себя Секу Туре, всегда, естественно, возникал вопрос: можно ли поддерживать нормальные отношения с подобным тираном? Но дипломатическое признание — не премия за образцовую нравственность. Международная сцена оказалась бы весьма пустынной, если бы законно избранные и честно управляющие государственные деятели общались только с теми из их коллег, чья нравственность признана безупречной и законность правления не вызывает сомнений.

Г. Ферон

ЗАВИНЧИВАНИЕ ГАЕК В ЗИМБАБВЕ

Выступая 16 апреля, накануне четвертой годовщины независимости, премьер-министр Зимбабве Роберт Мугабе заявил, что намерен усилить контроль над правящей партией Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ) и что немарксисты будут изгнаны из его руководства. Р.Мугабе заявил, что на съезде ЗАНУ в августе будет принят новый устав, обязательный для всех членов партии, и те, кто не будет его соблюдать, пусть пеняют на себя. "Я обещаю вам, — сказал Р.Мугабе, — что после августа будет настоящая чистка."

Мугабе обрушился также на западных журналистов, угрожая им репрессиями за сообщения о зверствах, которые совершала обученная северокорейцами 5-я бригада правительственных войск в южной провинции Матабелеленд.

Матабелеленд вот уже два года служит базой повстанцев, верных политическому сопернику Р.Мугабе Джошуа Нкомо. В прошлом году во время рейдов правительственных войск в Матабелеленд было убито более 2000 мирных жителей. В первые месяцы 1984 г. не прекращались сообщения об убийствах и пытках в этой провинции. Поступают также сведения о том, что правительство, прервав пути доставки продовольствия в Матабелеленд, намеренно пытается организовать там голод, чтобы усмирить непокорную провинцию. По сообщениям врачей, положение детей и стариков стало критическим. В последние три месяца Матабелеленд был закрыт для иностранцев. •

С.МАКСУДОВ

АВГУСТЕЙШИЙ ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ

1. BCE "3A"

Четвертого марта этого года закончилась очередная кампания "одержания" (термин братьев Стругацких), и в одиннадцатый раз был избран высший орган власти в стране — Верховный Совет СССР. Советский народ продемонстрировал и показал. Точнее, руководители избирательных комиссий и все инстанции, ответственные за проведение выборов — предприятия, ЖЭКи, милиция, райкомы и т.д., продемонстрировали свое усердие, высокую сознательность подопечных избирателей, необходимый уровень обработки данных. Соблюден главный принцип бюрократической отчетности: "лучше, чем прежде". Проголосовало против кандидатов блока коммунистов и беспартийных всего-навсего 109 тысяч, тогда как в 1979 г. их было 185 тысяч, а в 1974 г. — 246 тысяч человек. Испорченных бюллетеней оказалось всего 18 (раньше их было заметно больше), и можно надеяться, что скоро все граждане нашей страны приучатся к аккуратности. Число не явившихся к урнам (есть, увы, и такие) вновь сократилось: 23 039 человек при 23 952 в 1979 г., 34 610 в 1974 г. Хорошо? Замечательно! Я бы даже сказал — удивительно.

В этот торжественный день примерно 10 тысяч человек навсегда закрыли глаза. Столько же умерло накануне, и не менее 60 тысяч, судя по статистике, готовились покинуть этот мир, а пока лежали без сознания на койках. Заставить их голосовать невозможно, но и вычеркнуть из избирательных списков рука не поднимается. Однако покойники — это лишь капля в море невыполнивших свой гражданский долг. Кое-кто — несколько сот тысяч человек — захворал в гостях, в командировке, в дороге. Придет агитатор с урной к такому избирателю по месту прописки, а избирателя нет. Да и не к каждому потащишься с урной. Хорошо в городе: все под боком. А в горах, в тайге, в степи, в тундре?

Но, положим, у больных уважительная причина. А каково с пьяницами? У кого свадьба, у кого поминки или там день рождения. Пьют в одиночку и коллективно — семьями, компаниями, целыми деревнями. Бедный агитатор чуть ли не со слезами умоляет избирателей, а они лыка не вяжут, еще норовят и его напоить.

Стоит упомянуть и неорганизованно уклоняющихся от выборов: дачников, рыболовов, охотников, вообще всевозможных любителей свежего воздуха, для которых воскресенье на лоне природы, конечно же, важнее всего прочего.

Евреи-"отказники" — новое недоразумение. Они себя даже гражданами не считают, но в списках-то числятся. Правда, говорят, их не так много: тысяч сто с небольшим.

Еще одна хорошо знакомая агитаторам категория — предвыборные вымогатели. Эти согласны голосовать лишь на определенных условиях. Отремонтируйте им жилье,

поставьте телефон, переселите из пятиметровой каморки в отдельную квартиру. Но всем не угодишь. Число этих людей, как ни странно, растет. Их сейчас, по скромным оценкам, 4—5% от общего числа избирателей.

Подбить общий итог было бы трудно. Ясно лишь, что не 23 тысячи избирателей не явились 4 марта на выборы, а по крайней мере в 200—300 раз больше. Огорчает даже не самый факт фальсификации результатов выборов. (Говорят, подтасовки случаются и в других странах.) Поразительно, как примитивно это делается. Неужели кто-нибудь поверит, что в 270-миллионной стране не явилась на выборы всего лишь одна десятитысячная часть избирателей? Конечно, все это началось не сегодня. Вот уже одиннадцать раз устроители спектакля вынуждены улучшать предшествующие результаты, при том что и в самом начале, в 1937 году, успехи превосходили всякое воображение.

Теперь нужно сказать несколько слов о гражданах, заведомо не включенных в списки избирателей. Самая демократическая в мире конституция сохраняет право голоса даже за лицами, находящимися в заключении, — кроме немногочисленных случаев лишения этого права по суду. А недавно принятый закон о выборах грозит наказанием всякому, кто посмеет помещать советскому человеку выполнить свой гражданский долг: "Закон предусматривает ответственность за создание препятствий гражданину СССР в осуществлении избирательных прав." Но администрацию тюрем и лагерей этот суровый закон ничуть не пугает, и она спокойно "создает препятствия". Сколько в СССР заключенных, неизвестно; вероятно, несколько миллионов. Чтобы не ставить карателей в трудное положение, издана инструкция: "...Такая обязанность осужденного к лишению свободы, как постоянно находиться в исправительно-трудовом учреждении, не позволяет ему осуществлять избирательное право" ("Комменгарий к исправительнотрудовому кодексу РСФСР," 1979). Что же получается? Право голосовать никто у арестанта не отнимает, вот только осуществить его, к сожалению, невозможно.

Разумеется, подобная диалектика для наших граждан не новость. Да и кому это нужно — соблюдать букву закона? Вернемся к тем же выборам. Выдвижение депутатов заканчивается по закону за 30 дней до голосования, регистрация — за 25 дней. Кто мог предвидеть, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.А.Андропов умрет на другой день после окончания регистрации, оставив жителей Пролетарского района Москвы, можно сказать, ни с чем. По закону им следовало 4 марта голосовать лишь за кандидата в Совет Национальностей, а затем снова начинать вольшку и терять еще одно воскресенье ради выборов в Совет Союза. Нашпись, к счастью, умные люди и разрешили трудящимся отступить от буквы закона: экстренно выдвинуть и зарегистрировать нового кандидата (учительницу Т.Н.Бокареву), чтобы не отстать на общем празднике от других районов. Не всем, правда, так повезло. Каким-то образом в целом по стране одного кандидата не досчитались, и вместо 1500 выбрали 1499.

2. ЦАРСТВУЕТ, НО НЕ ПРАВИТ

Чем же занимается всенародно избранный орган высшей власти в стране? Он издает законы, формирует новое правительство, по составу идентичное ушедшему в отставку, утверждает бюджет. Замечательной особенностью процедуры, которую печать называет "работой" Верховного Совета, является единодушие. Тысяча пятьсот человек одновре-

менно и, как один, поднимают правую руку. Этим, собственно, работа и ограничивается. Совершенно очевидно, что задачей Верховного Совета отнюдь не является содержательный анализ государственных вопросов; соблюдение обряда — вот что от него требуется. Поэтому Верховный Совет можно считать как бы коллективным монархом — наподобие конституционных королей в современной Европе. Без санкции короля, без его символического участия в государственных делах закон не имеет силы. Внешний почет, которым окружены народные депутаты, — игрушечная неприкосновенность, бесплатный проезд на транспорте, особая комната на железнодорожном вокзале, билеты в кино без очереди и т.п. — тоже отдаленная аналогия с королевскими прерогативами. Но августейший социалистический монарх — это монарх без связи с историей нации, без традиций, без благородных манер, без блеска, без королевского великодушия и без тени уважения к самому себе.

3. ПАРАД СОСЛОВИЙ И НАЦИЙ

Возникает вопрос: зачем нужно столько депутатов? Если все голосуют, как один, зачем поднимать 1500 рук? Армия депутатов, по замыслу изобретателей Верховного Совета, отражает многообразный состав советского общества. Это удачно сформулировал один видный советский журналист: "В этом высшем органе государственной власти обеспечивается представительство всем классам и социальным слоям советского общества..." Действительно, институция, призванная одобрять действия центральной власти, представляет все или почти все классы. Подобные собрания, вообще говоря, не редкость в истории государств.

Было бы интересно рассмотреть пропорции сословного представительства в Верховном Совете. Однако социальный анализ советского общества — слишком сложная тема для небольшой статьи, ограничимся поэтому более простой классификацией по занятиям.

Самая распространенная среди депутатов Верховного Совета профессия — партийное руководство. При этом на центральный аппарат приходится 50 кресел в Кремлевском Дворце съездов (члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари и заведующие отделами ЦК, ответственные работники аппарата ЦК). Местные партийные чины представлены 185 первыми и 22 вторыми и третьими секретарями обкомов, крайкомов, ЦК союзных и автономных республик и крупных городов. Все секретарствующие близки к пенсионному возрасту либо уже перешагнули этот рубеж. Центральная власть, разумеется, старше местной. Она более однородна по национальному составу: 80% депутатов этой группы русские. Национальный состав партийных руководителей на местах довольно разнообразен и до некоторой степени отражает национальный спектр населения подведомственных им территорий.

Государственная (собственно советская) власть тоже представлена в Верховном Совете руководителями двух уровней — центрального и местного. Центральный — это министры СССР, некоторые заместители министров, председатели государственных коми-

Сведения о профессиях депутатов — для Верховного Совета последнего 11-го созыва ("Правда" 7 марта с.г.) Данные о возрасте и национальности взяты из справочника "Депутаты Верховного Совета 10-го созыва" (М., 1979). О новоизбранных лицах соответствующих сведений пока нет.

тетов, начальники крупнейших учреждений, приравненных в определенном отношении к министерствам (Прокуратура СССР, Государственный банк, Центросоюз). Всех вместе руководителей министерского уровня сто человек. Все они пожилые мужчины, десять министров достигнут 80-летнего возраста еще до истечения срока полномочий этого созыва. Но есть в их рядах комсомолец — Б.Пастухов, недавно отпраздновавший свое пятидесятилетие и переброшенный, вероятно в связи с этим, с поста первого секретаря ЦК ВЛКСМ на укрепление Комитета по делам издательств. Национальный состав правительства не слишком разнообразен — четыре пятых всех министров русские.

Провинциальные советские руководители получили в Верховном Совете тоже около 100 мест. Они, естественно, моложе, чем высшие, и принадлежат к главным народам, имеющим собственные союзные республики. Их профессия — начальники и председатели важных учреждений: Президиумов Верховных Советов, Советов Министров, исполкомов краев и крупнейших областей, ведущих республиканских министерств.

О министрах стоит упомянуть особо. Представлены — угольная промышленность и черная металлургия Украины, сельское хозяйство РСФСР и Казахстана, а также 14 Комитетов государственной безопасности союзных республик. Российская Федерация подвергается дискриминации, своего Комитета нет, зато несколько депутатов делегировал центральный аппарат КГБ. Предпочтение, оказываемое органам безопасности, неудивительно. Понятно и то, что рыцари порядка не афишируют свои занятия и в списке депутатов против их фамилий стоят лишь воинские звания (от генерал-майора до генерала армии).

Настоящая армия сохраняет в парламенте страны вот уже более 20 лет постоянное число мест: 56—58. На последних выборах, как и прежде, в корпусе депутатов выступает все высшее военное руководство: заместители военного министра, главкомы родов войск, их первые заместители, командующие военными округами, группами войск, флотами и т.п. Вместе с тем снизилось представительство парадной группы военных депутатов: вместо четырех маршалов не у дел и трех героев космоса выбран один единст-

венный летчик-космонавт. Увольнение на пенсию выдвиженцев военных лет привело и к некоторому выравниванию национального состава. Ныне свыше 90% депутатов-генералов — русские; их средний возраст чуть выше шестидесяти.

К партийно-государственному аппарату примыкают профсоюзные руководители, представленные в Верховном Совете председателями республиканских организаций и четырьмя общесоюзными лидерами. Среди рабочих вождей весьма много женщин, а именно две: Н.М.Махмудова из Узбекистана и Л.Х.Расулова из Азербайджана. Всего в рядах депутатов от номенклатуры, насчитывающих несколько более пятисот человек, выступают целых пять представительниц прекрасного пола (кроме названных выше профсоюзниц, в их число входит Л.П.Лыкова — заместитель председателя Совета Министров РСФСР — и две партдамы: второй секретарь горкома Москвы Р.Ф.Дементьева и первый секретарь Ленинаканского горкома Д.А.Арутюнян). Один процент — конечно, не слишком много для наших дней, но у Хомейни, очевидно, и того нет.

Особенность положения депутатов партийно-государственного руководства заключается в том, что почетное кресло предоставляется не им лично, а, как и персональная машина, приписано к должности. Министр, секретарь обкома, завотделом ЦК автоматически окажутся в Верховном Совете, коль скоро они займут этот пост, и потеряют депутатский мандат после отставки от должности.

За шеренгой руководителей страны следует административная и ученая элита. Это директоры знаменитых предприятий (таких как Московский автозавод им. Лихачева), президенты и вице-президенты Академии Наук СССР и Академий Наук союзных республик, ректоры университетов, генеральные конструкторы, академики. Их около ста человек, директоров и ученых примерно поровну. Здесь особенно много женщин — семеро. Кроме того, среди депутатов-руководителей есть еще две женщины; они возглавляют влиятельные общественные организации: Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами и Комитет советских женщин. Молодежь (около 50 лет) составляет в этой группе примерно одну десятую, столько же приходится на пожилых людей старше 75 лет. Большинство же находится в интервале 60—70 лет. В отличие от деятелей партийно-государственного аппарата, некоторые ученые занимают места в Верховном Совете не по чину, а благодаря личной известности.

В сходном положении оказывается творческая элита (50 чел.) — писатели, художники, артисты (почему-то, главным образом, оперы и балета), а также редакторы столичных журналов и газет. Вся эта публика занимает кресла во Дворце съездов в основном по должности — как руководители различных творческих союзов; однако немалую роль играет и имя. Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Юрий Бондарев, Расул Гамзатов, Сергей Михалков — не просто секретари чего-то, но и громкие имена. Несколько удивляет немногочисленность женщин в творческих рядах: две актрисы и председательница правления Союза эстонских художников; среди пишущей братии — никого. Почти все жрецы искусства немолоды. Что касается национальной принадлежности, то здесь есть своя особенность: в этой группе депутатов представлены малые народы. Вероятно, это следствие государственной культурной политики, цели которой очевидны, а отчасти и свидетельство уважения, которым пользуются среди небольших нацио-

нальных групп люди "творческих" профессий. Правда, и тут практика выработала оригинальные методы национального представительства: например, среди депутатов Чечено-Ингушетии числятся: некто Василий Фролов (заведующий Отделом¹ ЦК КПСС), генерал армии Александр Алтунян и... Сергей Михалков. Экзотическая Кара-Калпакия делегирует в парламент страны двух министров СССР — Николая Васильева и Юрия Израэля. И так далее.

4. ХОЗЯИН СТРАНЫ

До сих пор мы говорили лишь о сановных депутатах. Но в Верховном Совете заседают и трудящиеся. Рассмотрим, как представлен в парламенте страны народ.

Первое, что заметно отличает депутатов четвертого сословия от рассмотренной выше группы, — это пол и возраст. Рабочие, крестьяне и служащие намного моложе административных руководителей, а женщин среди них даже больше, чем мужчин. Профессии их весьма разнообразны.

За скупыми строчками газетного перечня депутатов видна опытная рука мастерасоставителя: сталевар и дояр, звеньевая и водитель трамвая, докер-механизатор и токарь-оператор, слесарь-комплектовщик и пошивщица обуви, машинист сырьевых мельниц и паласница ковровой фабрики, бригадир рабочих очистного забоя и бригадир бригады комплексной механизации, пекарь-мастер, охотник-рыбак, тракторист-машинист, мастер-швея, бурильщик, проходчик, земледел, маслодел, полевод, зверовод, свекловод, аппаратчица (не путать с а п п а р а т ч и к а м и), эмалировщица, обмеловщица, штамповщица, регулировщица, тростильщица, паялыщица, кокономотальщица, арматурщица, лекалыщица, гребнечесальщица, колхозница, колхозница, колхозница...

Здесь с особой тщательностью продуман и соблюден национально-этнический принцип. Не только представители именитых народов страны, но и делегаты самых неправдоподобных и, если можно так выразиться, полулегальных национальностей — вепс, цыган, несколько евреев и немцев — занимают плюшевые кресла в зале заседаний. Разнообразие национальных костюмов, как и профессий, не случайно: чувствуется, что была проделана большая работа.

Рабочих и колхозников в списке депутатов 165 человек, а колхозниц и работниц 345. Преобладание женщин среди работающих на полях — редкий случай, когда состав депутатов отражает реальную ситуацию в стране. Бригадиры — первая ступень производственных руководителей — делегировали в Верховный Совет 100 мужчин и 65 женщин. Председателей колхозов и директоров совхозов — 66 человек (из них 4 женщины). Наконец, служащих числится в Верховном Совете 85. Среди них 15 медиков (все до одного женщины), 17 учительниц и 3 учителя, 20 агрономов и ветеринаров, 16 мелких начальников и начальниц. Итак, трудящиеся города и деревни имеют в общем и целом 829 представителей, или 55% от общего числа депутатов.

Слово, которое в этом случае пишется с большой буквы.

5. ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ В СОВЕТЕ СТАРЕЙШИН

Теперь можно оценить удельный вес сословий в парламенте страны. Партийногосударственный и военно-охранительный аппарат занимает 520 мест, то есть 35%. Техническая и культурная элита — 150 мест (10%). Итого 45%. Конечно, эти соотношения весьма далеки от социальной и профессиональной структуры населения.

Высшие партийные и государственные чины присутствуют в Верховном Совете in согроге — никто не забыт. Генералы и академики представлены один к десяти. Писатели — один из нескольких сот. Председатели колхозов — один на тысячу, а рабочие и колхозники — один на несколько сот тысяч. Но этого мало. Кроме числа депутатских мест, важную роль играет "усидчивость" депутата, то есть вероятность повторного избрания: тут тоже есть свои неписанные правила, и они существенно меняют всю картину.

Как обновляется состав депутатов? За короткое правление предыдущего Генерального секретаря было отставлено довольно много высших партийных чиновников. В свою очередь природа почистила ряды членов Политбюро. Тем не менее, две трети ответственных работников, избранных в Верховный Совет 11-го созыва, были и прежде депутатами. Депутаты — работники искусства и директора предприятий обновились наполовину, депутаты-писатели — на две трети, а ученые — менее чем на 20 процентов. Всего среди партийного начальства и примыкающей к нему культурной элиты сохранили свои места в Верховном Совете 440 человек.

Иначе обстоит дело с трудящимися. Служащие в составе депутатов сменились на 90%, рабочие — на 85%, крестьяне — на 80%. (Некоторую устойчивость крестьянскому контингенту придают именитые председатели колхозов и бригадиры).

Картина станет еще красочней, если мы рассмотрим продержавшихся у руля три и четыре срока. Среди партийных и административных шишек более трех раз подряд переизбирались 260 человек; среди ученых, директоров, деятелей искусства — 65, среди крестьян, рабочих и служащих — 45 (включая в это число всех бригадиров и председателей колхозов).

В составе Верховного Совета есть особый почетный орган — Совет старейшин. Выступление члена Совета старейшин, открывающего сессию, — непременный компонент ритулала "работы" народного парламента. По-видимому, Совет комплектуется из депутатов, которые избирались пять и более раз — другими словами, просидели в креслах не менее 18 лет и продержатся по крайней мере еще пять. В этом году от имени Совета старейшин перед депутатами выступил член Политбюро Григорий Романов, переизбранный в Верховный Совет на пятый срок. Столько же раз пользовался доверием народа и другой аксакал, председатель КГБ Грузии генерал-полковник Алексей Инаури. Но есть и старцы, не пропустившие ни одного созыва, заседающие с 1937 года. Из кого же собственно состоит этот ареопаг? Пять раз и более избирались 13 членов Политбюро, 13 работников аппарата ЦК, 34 первых секретаря обкомов, 40 министров, 10 маршалов и генералов, 35 ученых и писателей, 7 председателей колхозов и бригадиров; рабочих и колхозников — ноль.

Строго говоря, трудящиеся ничего от этого не теряют. Ни о каком участии в управлении страной говорить не приходится. Скорее речь идет о мере престижа, каким пользуются разные социальные группы, и в этом смысле опереточный Совет старейшин —

истинное зеркало действительности. Каждому понятно, что министр госбезопасности или партийный вельможа — лицо более уважаемое, чем бригадир или председатель колхоза, не говоря уже о каких-то рабочих.

6. КУХАРКА НА ЧАС

Верховный Совет переизбирается каждые пять лет. При этом всякий раз он обновляется более чем наполовину. Среди лишившихся полномочий большинство составляют одноразовые депутаты, продержавшиеся в креслах Дворца Съездов только один срок. Сойдя с государственной сцены, эти люди перестают кого-либо интересовать, хотя выбраны были потому, что в некотором роде подавали надежды. Кто же они, избранные в Верховный Совет 10-го созыва и отсутствующие в списках депутатов сегодня? Таких неудачников более 600 человек, или 40% всего собрания. Почти все они — собственно трудящиеся, якобы почетных и порой удивительных профессий, намного более разнообразных, чем у оставшихся в Верховном Совете. Как и занятие, национальный признак оказавшихся за бортом вроде бы не должен вызывать нареканий — представлены почти все народы страны, даже самые редкие. Что особенно резко отличает выбывших от оставшихся, так это пол и возраст. Изгнанникам обычно меньше сорока лет, больше половины из них молодые женцины, "усидчивые" же, как правило, мужчины под 60. Из 488 женщин-депутаток 10-го созыва две трети пробыли в Верховном Совете только один срок.

Между прочим, в группе бедных родственников попадаются и довольно важные персоны. Около 40 партийно-государственных чиновников, военных и представителей культурной элиты выпали из повозки. Как же это могло произойти? Помощники Генерального секретаря ЦК КПСС (то есть Брежнева) лишились мандатов по понятным причинам. Несколько первых секретарей отдаленных областей союзных республик, судя по всему, поскользнулись на крутой партийной лестнице, военные были переброшены на другую работу, лишившись при этом представительных должностей. Что же касается творческих деятелей, то они не относятся к категории знаменитостей, а принадлежат к той значительно менее известной группе, где соблюдается негласное правило чередования: побыл в этот созыв председатель Союза латвийских художников в Верховном Совете, уступи место председателю эстонских.

Все это не требует объяснений. Но чем провинились изгнанные трудящиеся? Как и все остальные депутаты, они исправно выполняли свои обязанности: расторопно поднимали руку, во-время аплодировали, заседали в комиссиях, а порой и председательствовали в них, рассылали положенные депутатские запросы, "работали на местах". Судя по всему, бедняг вытеснили объективные закономерности. Одна из них — возраст. Согласно некоторой негласной разнарядке, в Верховном Совете должна быть представлена молодежь. Это важно и для устойчивости показателя среднего возраста депутатов. Между тем, молодой призыв десятого созыва к моменту новых выборов постарел на пять лет. Подобно девушке, украшающей обложку иллюстрированного журнала, он должен уступить место более молодой звезде. Другая причина — предписываемая

традицией необходимость обновления Верховного Совета более чем наполовину. Кто-то должен уступить свое кресло. Кто же? Конечно, не член Политбюро. Мода на профессии диктует свои жесткие требования. Постепенно сходят на нет скотницы, чабаны, комбайнеры, отступая перед техническим прогрессом в лице операторов птицефабрик, комплексных механизаторов и наладчиков автоматов. Наконец, некоторую роль играют, очевидно, и должностные перемещения депутата. Подчас ему приходится менять почетную, но утомительную работу сталевара на место в профкоме, а то и райкоме. Из рядов комсомола он шагает в партию. Все это, однако, лишает его определяющих признаков, по которым он, собственно говоря, и был призван в так называемый парламент.

Каждая кухарка будет управлять государством, сказал вождь революции. Отсюда следует, что кухарки должны чередоваться. Такое объяснение едва ли понравится одноразовым депутатам. С тоской они будут вспоминать сияющие люстры, мягкие кресла, роскошные номера гостиниц, праздничные пиры в банкетном зале, улыбающиеся лица вождей. За что их лишили всего этого? Почему? На этот вопрос давно уже ответил один английский писатель: "Все равны... но некоторые равнее."

выборы и выборы

Даже ребенок понимает, что если в магазине есть только кильки в томате, а других консервов нет, то и выбирать не из чего. Советская пропаганда уже много лет пытается представить дело таким образом, что определенные консервы — самые лучшие, самые питательные, а потому других совсем и не надо. Чувствуя, однако, абсурдность выборов без выбора, эта пропаганда предпринимает попытки представить противоположную ситуацию (где есть выбор между кильками, треской, тунцом или даже между десятью сортами кильки) как отсутствие выбора.

За два дня до "всенародного праздника" газета "Правда" опубликовала статью "Демократия денежных мешков", долженствующую показать, что реального выбора нет именно там, где есть несколько кандидатов, где существует многопартийная система. "Правда" иронизировала, в частности, по поводу последних выборов в Голландии, где 28 политических партий, и в Дании, где их 13. Дескать, когда так много партий, то у избирателя рябит в глазах и "теряется значение самого понятия "выбор". (Если бы "Правда" писала о какой-нибудь стране, где доминируют только 2 партии — к примеру, о США — то, естественно, обе эти партии — ставленницы капитала, и опять-таки выбора нет.)

Как же в действительности обстоят дела с выборами, хотя бы в той же Дании? На недавних внеочередных выборах в датский парламент (фолькетинг) в январе с.г., действительно, право выставлять своих кандидатов имели 13 партий. Фактически партий в стране больше, но любая партия, если она до того не была представлена в парламенте, должна прежде всего собрать определенное количество подписей людей, которые поддерживают право данной партии участвовать в выборах. Причем те, кто подписал заявление данной партии, совсем не обязательно будут за нее голосовать.

В 1984 г. несколько партий не смогли собрать нужного количества таких подписей. Но 2 партии, называющие себя "коммунистическими" (просоветская и проалбанская), и несколько партий, называющих себя "социалистическими" (в том числе одна троцкистская — "Секция 4-го Интернационала"), в выборах участвовали.

Итак, примерно за полтора месяца до выборов было зарегистрировано 13 партий, имеющих право выставлять своих кандидатов. Какие возможности влияния на избирателей они имели?

Во-первых, партийные активисты ходили по домам и опускали в почтовые ящики листовки с программами своих партий, с призывами голосовать за них (заходить в квартиры и беседовать с избирателями здесь не принято: на такое вторжение в частную жизнь отваживаются только члены некоторых религиозных сект).

Во-вторых, в клубах, в "народных домах" устраивались встречи с кандидатами, чаще всего — в виде дискуссий, "дуэлей" между представителями различных партий (скучно ведь слушать оратора, если у него нет оппонента).

Учитывая, что самым мощным средством воздействия на умы в наше время является телевидение, каждая партия, естественно, хотела бы использовать голубой экран в целях своей предвыборной агитации. Но в Дании есть закон, по которому в предвыборное время все партии, участвующие
в выборах, имеют право на равное количество телевизионного времени для пропаганды своих программ и для призывов голосовать за них. Таким образом, и мощная социал-демократическая партия,
и незначительные коммунистические, как и любая другая партия, располагают только 40 минутами
в специальной вечерней программе. Сегодня, к примеру, мы видим на экране консерваторов, завтра — либералов, послезавтра — троцкистов, и каждый раз только 40 минут, не больше. Передачи эти
смотрят практически в каждой семье. Итак, в смысле влияния на население все 13 партий имели равные возможности. Все остальное зависело от партийных программ и от взглядов избирателей, которые, конечно же, меняются. И если датская компартия собрала на выборах менее 1% голосов и ни
одного места в парламенте не получила, то стоит ли винить в этом избирательную систему? Учтем
к тому же, что эта партия имеет свою ежедневную газету ("Ланд ог фольк"), чего совершенно не
могут себе позволить многие другие партии — денег не хватает.

Кстати, о деньгах. В СССР мало известен тот факт, что в ряде стран Западной Европы (Англия, скандинавские страны) государство выделяет всем политическим партиям, представленным в парламенте, денежные дотации. Размер их зависит от числа депутатских мандатов (или, как в Англии, от числа поданных за партию голосов). Таким образом, в Швеции Левая партия-коммунисты получает от государства дотацию в несколько миллионов крон.

Выходит, "буржуазное" государство финансирует тех, у кого в программе стоит требование ликвидации данного государства? Грубо говоря, так и есть. С другой стороны, демократия есть демократия, и было бы странно, если бы одни партии, представленные в парламенте, получали деньги от государства, а другие — нет.

Итак, у одних партий есть средства издавать ежедневные газеты, другие довольствуются только листовками. Впрочем, можно издавать и газету, но что делать, если ее никто не покупает?

Во время предвыборной кампании особое значение приобретают плакаты. Датские города пестрят плакатами, призывающими голосовать за ту или иную партию. Часто плакаты враждебных партий соседствуют друг с другом (заклеивать плакат одной партии плакатом другой запрещается).

В районе, где я живу, больше всего, пожалуй, было плакатов датской компартии (возможно, потому, что район считается рабочим). Даже возле райкома социал-демократической партии коммунисты повесили несколько своих плакатов. Выборы прошли, а их плакаты все еще висят. А социал-демократы не обращают на них внимания...

Сами избирательные участки в Дании, как и в других западных странах, устроены так, что пройти к избирательной урне можно только через кабины для тайного голосования (они завешены длинными шторами с обеих сторон). Да ведь если бы кто и бросил, как в СССР, бюллетень, где не было бы отмечено, за какую партию избиратель голосует (против названия партии нужно поставить крестик), то такой бюллетень считался бы недействительным. Поэтому вполне логично, что прежде чем бросить бюллетень в урну, надо зайти в кабину.

Советские газеты часто пишут о миллионных затратах на предвыборные кампании, особенно если речь идет о США. Однако мало кто задумывался над тем, сколь велики аналогичные затраты в СССР. Бесчисленные транспаранты, позунги, плакаты, оформление избирательных участков — все это разве не затраченное рабочее время, не труд пюдей? А брошкоры, листовки, избирательные бюллетени, наконец? Все это чего-нибудь да стоит. Миллионы агитаторов в рабочее время или после работы, но за отгулы, посещают избирателей. За присутствие на пункте для голосования в воскресенье

те же агитаторы и члены избирательных комиссий также получают отгулы. Эти десятки миллионов потерянных рабочих дней обходятся государству в сотни миллионов рублей, то есть не меньше, а то и больше, чем предвыборные кампании в западных странах.

Другой вопрос: стоит ли вообще тратить деньги на выборы, результаты которых заранее известны? В некоторых странах при одном кандидате голосование отменяется. Иное дело в СССР. Здесь бессмысленный грандиозный спектакль разыгрывается именно потому, что заранее известен его результат. Газета "Индустриальный Навои" писала во время прошлых выборов в Верховный Совет СССР (цит.по журналу "Советское государство и право", № 2, 1984, стр. 7): "Уже к полудню отдали голоса за своих кандидатов 80% всех избирателей".

Итак, еще до подсчета голосов все было ясно. Урны можно было и не вскрывать.

Б.Вайль.

P.C. Ф.C.P.

Западный Областной Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноарм. Депутатов Президиум
18 декабря 1934 г.

№ 680

СТРОГО СЕКРЕТНО

Секретарю *Козельского* райкома ВКП (б)
Копия уполномоченному обкома и облисполкома — лично

При подборе кандидатур на областной Съезд Советов нобходимо в состав делегатов района 7 ч (еловек) обеспечить: рабочих (прочерк), работниц 1, колхозников 1, колхозниц 3, интеллигентов (учителя, врачи) — (прочерк), от РККА (прочерк), беспартийных в составе делегатов не менее 3, адмесостав 2.

Секретарь обкома ВКП (б) Румянцев

Смоленский Архив. Стандартный машинописный бланк, цифры и слова, набранные курсивом, вписаны от руки.

И ПРЕЗИДЕНТАМ СТАВЯТ ОТМЕТКИ

Говорят, что "история рассудит", но на практике чаще судят историки, а не история, что не всегда одно и то же. Впрочем, если историков много, то их усредненное коллективное мнение может приближаться к желанной оценке истории — по крайней мере такой, какова она в данный момент.

История — или историки — высказывают свое мнение и о том, какой след оставили в ней те или иные деятели. Если в Советском Союзе, как известно, официально существуют только два великих государственных деятеля — Ленин и тот генсек, который в данный момент еще жив, то американские историки более гибки в своих суждениях. Еще в 1948 г. гарвардский профессор Артур Шлезингер попросил 55 экспертов-историков дать оценки различным сторонам деятельности американских президентов. Усреднение полученных оценок позволило расположить всех президентов в порядке степени "величия". Выше всех был оценен Авраам Линкольн, за ним шли Джордж Вашингтон, Франклин Рузвельт, Вудро Вильсон и Томас Джефферсон.

С тех пор было проведено еще шесть таких опросов. Результаты последнего были недавно опубликованы в "Журнале американской истории". Профессора университета штата Пенсильвания Р.Меррей и Т.Блессинг составили анкету, содержащую несколько сот вопросов, и разослали ее 1997 экспертам-историкам. Ответы были получены от 846 человек, и данные обработаны на ЭВМ. В результате были выставлены оценки "степени величия" всем американским президентам. "Суда истории" избежали лишь Уильям Гаррисон (он скончался от воспаления легких через месяц после вступления в должность), Джеймс Гарфилд (был убит через три месяца после начала своего президентства) и нынешний президент Рональд Рейган (ко времени опроса он только что начал свой президентский путь).

Авраам Линкольн, прочно удерживающий место самого великого из американских президентов, сохранил его и на этот раз. Джордж Вашингтон и Франклин Рузвельт, как и в опросе 1948 г., следуют за Линкольном, но на этот раз поменялись местами: Ф.Рузвельт по мере удаления в историческую перспективу поднялся на второе место, а Дж.Вашингтон, первый президент США, опустился на третье. Автор декларации независимости Томас Джефферсон идет сразу за Дж.Вашингтоном. Эти четыре президента получили оценку "великих".

В группе "почти великих" первым был назван Теодор Рузвельт. В советской литературе он упоминается лишь как "империалист", проводивший политику большой дубинки в отношении Латинской Америки. В США, однако, он более известен как автор первых антитрестовских законов, ограничивших деятельность монополий, как президент, еще в самом начале XX века проводивший политику расширения социального законодательства. За Т.Рузвельтом идет Вудро Вильсон, президент времен Первой Мировой войны и "отец" Лиги Наций. Третьим "почти великим" оказался Эндрю Джексон, герой войны с Великобританией в 1812—1814 гг. и первый президент, попавший в Белый Дом в результате прямого обращения к массам избирателей, минуя партийный аппарат. Последним, за которым была признана определенная доля величия, оказался Гарри Трумэн.

Из близких нам по времени президентов "выше среднего" были оценены Линдон Джонсон, Дуайт Эйзенхауэр и Джон Кеннеди (причем именно в таком порядке), а Джеральд Форд и Джимми Картер удостоились лишь оценки "средних". Ричард Никсон, изгнанный из Белого Дома, естественно, попал в самую низкую группу "провалившихся" президентов. Но он оказался все же не самым худшим. Ниже его были оценены герой Гражданской войны генерал Улисс Грант и — на самом последнем месте! — президент Уоррен Хардинг, избранный на свой пост в 1921 г. Президентство обоих было омрачено неслыханной коррупцией, биржевыми скандалами, семейственностью. Провалы были столь очевидны, что генералу Гранту, например, не помогла даже его боевая слава.

Нынешнему президенту Рональду Рейгану в этом году предстоит получить оценку не от историков, а от избирателей: он будет баллотироваться на второй срок. И лишь когда его президентство уйдет в историческую перспективу, станет ясно, каково подлинное место в ряду президентов нынешнего, 39-го президента США. Сейчас еще от него зависит повлиять на будущую оценку истории. Похоже, что, во всяком случае, провалившимся он не будет. По данным опроса, проведенного журналом "Newsweek", на четвертом году своего президенства Р.Рейган имеет такие высокие оценки со стороны избирателей, которые до него имел только Д.Эйзенхауэр в 1956 г., когда он тоже заканчивал свой первый президентский срок. Р.Рейган также первый после Д.Эйзенхауэра президент, у которого внутри своей собственной партии не оказалось соперника в выдвижении кандидатуры на второй срок.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

ПОЛОЖЕНИЕ А.САХАРОВА И Е.БОННЭР.

Когда этот номер уже готовился к печати. пришло сообщение о драматическом развитии событий в Горьком, где вот уже более 4 лет находится в ссылке без суда и без предъявления каких-либо обвинений академик А.Д.Сахаров, лауреат Нобелевской премии мира.

В течение всего этого времени практически единственной связью между А.Сахаровым и внешним миром была его жена и верный помощник Елена Боннэр, один из старейших правозащитников, член-основатель Московской Хельсинкской группы, одна из активнейших ее участниц вплоть до 1982 г., когда Группа была вынуждена заявить о прекращении своей деятельности. Практически только одна Е.Боннэр нарушала ту глухую стену изоляции, которой власти хотели бы окружить А.Сахарова.

Здоровье и А.Сахарова, и Е.Боннэр сильно пошатнулось в последнее время. Оба они уже немолоды. Оба перенесли несколько инфарктов, и тяжелая болезнь сердца, пожалуй, сейчас самое опасное в их положении. Е.Боннэр, кроме того, катастрофически слепнет - сказывается инвалидность, полученная на фронте. В последнее время А.Сахаров пытался добиться от советских властей, чтобы Е.Боннэр выпустили за рубеж на лечение, ибо в СССР спасти ее зрение не берутся. Он получал не просто отказ - ответом было глухое молчание.

Не молчала только советская пресса. Газеты и журналы, большие и малые, публиковали одну за другой клеветнические статьи о А.Сахарове и в особенности о Е.Боннэр: "Смена", "Человек и голодовку – как он заявил, "до самого конца"

вести из ссср

закон", горьковские газеты и многие другие. Шла планомерная травля.

И все же из последних сил Е.Боннэр продолжала свою подвижническую деятельность. Большую часть времени она проводила в Горьком, время от времени приезжая в Москву купить продукты, взять книги, повидаться с друзьями. Как альпинист, уходящий на опасный подъем. она каждый раз назначала контрольный срок своего возвращения в Горький или Москву. Поспедний раз ее ждали в Москве 2 мая. Е.Боннэр в Москве не появилась.

5 мая "Правда" опубликовала сообщение ТАСС "Подоплека провокации", где против А.Сахарова и Е.Боннэр выдвигались обвинения в подготовке "провокации" с участием американского посольства и говорилось, что провокация "сорвана советскими правоохранительными органами".

6 мая одной из знакомых А.Сахарова и Е.Боннэр, москвичке Ирине Кристи удалось прорваться в Горький и в течение трех минут, пока ее не арестовали, поговорить с Сахаровым. 7 мая, освобожденная из КГБ после уплаты штрафа, она рассказала корреспондентам, что же именно произошло в Горьком.

2 мая, в день предполагавшегося выезда в Москву, Елене Боннэр было официально предъявлено обвинение по ст. 1901 УК РСФСР в "распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй". У нее была взята подписка о невыезде из Горького. Ей было сказано, что обвинение может быть изменено и на более тяжелое: "антисоветская пропаганда" или даже "измена Родине".

В тот же день академик Сахаров объявил

или до тех пор, пока Е.Боннэр не будет разрешено выехать за рубеж для лечения.

С тех пор о Сахарове и Боннэр нет никаких вестей. Охрана вокруг них еще более усилена, и прорваться к ним не удается более никому. У И. Кристи сразу после ее поездки отключен телефон. По-видимому, не случайно заявление о бойкоте Олимпийских игр Советским Союзом было сделано в тот же самый день, когда поступило сообщение из Горького: власти явно хотели отвлечь внимание мировой общественности от судьбы Сахарова. Решение, разумеется, было принято давно, но утечка информации из Горького ускорила его объявление.

Ситуация критическая. В нынешнем своем состоянии Сахаров не может голодать долго.

Зная твердость его характера, можно не сомневаться, что своего решения он не изменит. Принудительное кормление человека, недавно перенесшего инфаркт миокарда, может оказаться для него фатальным.

А.Сахаров уже проводил длительную голодовку в 1981 г. (тогда – вместе с Е.Боннэр), требуя разрешения на выезд из СССР невесты сына Е.Боннэр для воссоединения с женихом: тогда власти СССР сделали ее заложницей с целью пресечь общественную деятельность А.Д.Сахарова. В то время мировому общественному мнению удалось добиться, чтобы власти уступили.

Что будет сейчас? Сроки измеряются теперь даже не неделями, а, может быть, днями. ●

АЛЕКСЕЙ НИКИТИН – ЗАЩИТНИК РАБОЧИХ

Весной 1984 г. (точная дата неизвестна) в Донецке на Украине скончался Алексей Васильевич Никитин.

Алексей Никитин родился в 1938 г. Окончил горный техникум, работал на шахте. Юность его была комсомольской, А. Никитин неоднократно был членом бюро ВЛКСМ; естественно, что вскоре он вступил и в КПСС. Но А. Никитин оказался не совсем обычным коммунистом. Он начал принимать всерьез свои обязанности члена "рабочей" партии. Он неоднократно обрашался в Донецкий обком КПУ по поводу нарушений трудового законодательства и техники безопасности, писал о коррупции среди руководства шахтой. В 1970 г., после того как Никитин собрал 130 подписей под письмом-жалобой и отправил его в ЦК КПСС, его исключили из партии.

22 декабря 1971 г. на шахте, где работал А. Никитин, произошел вэрыв. О том, что это может ствие инициативной группе в СССР в организапроизойти, Никитин давно уже предупреждал ции свободных профсоюзов. администрацию но его не слушали. В день взрыва рабочие, собравшиеся у шахты, возмущенно ции и дельные советы, а также солидарность." крича, напоминали об этом. Их разогнали.

обвинили в "распространении клеветнических измышлений". Суд признал его "невменяемым" и направил на излечение в психбольницу специального (тюремного) т и п а. Освободился А. Никитин только через 4 года. Проведя на свободе год в безуспешных поисках работы, Никитин в марте 1977 г. обратился в норвежское посольство в Москве с просьбой помочь ему выехать из СССР. При выходе из посольства его вновь арестовали, вновь отправили в Днепропетровскую спецпсихбольницу, из которой он вышел лишь недавно. На этот раз А. Никитин провел в заключении три года.

Освободившись в мае 1980 г., А.Никитин поселился в родном Донецке. Проблема защиты прав рабочих опять захватила его. В ноябре 1980 г. Никитин направил британским профсоюзам обращение с просьбой о помощи: "Учитывая прекрасные традиции тред-юнионов, традиции, сложившиеся в жестокой борьбе за права рабочих, просим профсоюзные объединения Великобритании оказать помощь и содей-

Для этого, в первую очередь, нужны инструк-

Через месяц А. Никитина посетили в Донец-13 января 1972 г. А. Никитина арестовали и ке американские корреспонденты Дэвид Сеттер и Кевин Клоз. Никитин водил их по городу, рассказывал о жизни шахтеров. Это дало богатый материал для правдивого рассказа о вещах, о которых на Западе пищут и говорят нечасто.

> Через три дня после отъезда корреспондентов А. Никитина арестовали в третий раз. Теперь его ждала уже Алма-Атинская спецпсихбольница, и - как всегда - усиленное "лечение" нейролептиками.

> В мае 1983 г. у А.Никитина начались резкие боли в желудке, частая рвота. Был диагностирован рак. Сделанная в июне операция принесла только временное улучшение. В сентябре Никитина перевели в обычную психбольницу в родном городе. Его уже лечили только болеутоляющими средствами. В начале 1984 г. его отпустили домой умирать. Он и умер – через месяц.

> В дни, когда Алексей Никитин умирал, советская пресса, конечно же, писала только о "классовых боях в мире капитала".

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СУДЫ

книг.

Суд над Михаилом Поляковым, бывшим рания АН СССР, состоялся в начале апреля. М.Полякова обвиняли в том, что он по роду своей службы "имел доступ" к ксерокопировальному аппарату и при помощи этого аппарата снял дения очередной фильм о "прозрении". копии 163 зарубежных запрещенных книг в общей сложности 300 экземпляров. Для неожиданно взял назад все сказанное им на следсравнения укажем, что в любой западной стране "доступ" к ксероксаппарату – понятия просто несуществующее. Ксерокс-аппараты стоят в универмагах, на почте, в любом учреждении, так чго, опустив медную монетку, вы можете получить копию чего угодно, любой запрещенной литературы. Впрочем, последнее как раз и невозможно: ввиду отсутствия таковой. Любую "антиамериканскую", "антигерманскую", "анти- прощает. французскую" литературу онжом спокойно купить в магазинах этих стран.

В мае 1982 г. у М.Полякова был проведен обыск, во время которого у него нашли большое количество ксерокопий. Опасаясь ареста, М.Поляков ушел из дому и скрывался в течение 19 месяцев, пока его не арестовали где-то на юге страны. Следствие было очень коротким. Кроме "антисоветской пропаганды", против Полякова было выдвинуто дополнительное обвинение в "хищении государственной собственности": делая ксерокопии, он "расхитил" государственную электроэнергию.

М.Поляков был приговорен к 5 годам лагерей и 3 годам ссылки.

Второй процесс состоялся 24-25 апреля. Судили Михаила Мейлаха, специалиста по старофранцузской литературе, сына известного литературоведа. М.Мейлах - автор ряда статей о творчестве А.Ахматовой, редактор собраний сочинений Д.Хармса и А.Введенского, известных за рубежом. Обвинение против него было такого же рода – распространение книг, правда, на этот раз не в копиях, а в оригиналах. Мейлаха арестовали в июне 1983 г. В ходе

следствия на него было оказано сильное давление, ему угрожали предъявить вместо поли-В апреле в Ленинграде прошли два политичес- тического целый набор уголовных обвинений. ких процесса; оба подсудимых обвинялись по Не выдержав давления, М.Мейлах дал обширные ст.70 Уголовного Кодекса РСФСР в антисовет- показания. Спедствие было уверено, что суд над ской агитации и пропаганде, обоим вменялось в ним можно будет превратить в большой поливину распространение изданных за рубежом тический спектакль с "раскаянием" и разоблачением лиссипентов.

Суд над М.Мейлахом был открытым, что само ботником Библиотеки Ленинградского отделе- по себе в практике советских политических процессов - явление исключительное. На суд была приглашена телевизионная группа, которая должна была заснять для ленинградского телеви-

> Но Мейлах спутал карты постановщиков. Он ствии и заявил, что виновным себя не признает. "Прозрение" не состоялось.

> Немедленно последовало и возмездие. Вместо ожидавшегося мягкого, почти символического приговора, как это было, например, после "прозрения" другого ленинградца, Валерия Репина, Михаил Мейлах получил 7 лет лагерей и 3 года ссылки. Мужественного поведения КГБ не

СУД НАД ЭННОМ ТАРТО

18-19 апреля Верховный суд Эстонии рассмотрел дело эстонского правозащитника Энна Тарто, объявил его "особо опасным рецидивистом" и приговорил к 10 годам лагерей особого режима и 5 годам ссылки.

Впервые Энна Тарто арестовали в 1956 г., 18-летним юношей, вместе с семью одноклассниками. За "антисоветскую деятельность" он был приговорен тогда к 5 годам лагерей. Освободившись, пробыл на воле недолго: в 1962 г. его опять арестовали, опять с тем же обвинением, опять в составе группы (на этот раз из шести человек), и приговорили к пяти с половиной годам лагерей.

По освобождении Э.Тарто жил в родном городе Тарту, работал на стройках, кочегаром и т.п. Пытался учиться в университете на филологическом факультете, но за свои политические убеждения был вскоре исключен. Особенно пристальное внимание КГБ он привлек в конце 70-х гг., во время оживления национального и правозащитного движения в Эстонии и в Прибал-

тике вообще. Вместе с большой группой прибалтийцев Тарто был одним из авторов письма, направленного в ООН и правительствам ряда стран в связи с 40-й годовщиной печально известного пакта Молотова—Риббентропа, его подпись стоит под письмом 38 граждан прибалтийских республик с призывом создать безъядерную зону в северной Европе. Практически ни одно выступление эстонских правозащитников не проходило без участия Энна Тарто.

Его арестовали в третий раз в сентябре 1983 г. Арест Тарто был последним в волне арестов эстонских правозащитников, прокатившейся по республике в этом году: вслед за Лагле Парек, Хейко Ахоненом, Арво Пести и др. Последним его и судили. Все написанное или подписанное Энном Тарто как правозащитником вошло в состав обвинения. Преступными были признаны также сбор и предание гласности сведений о преследованиях эстонских патриотов.

Энн Тарто – как и прежде – виновным себя не признал. ●

КАК ИДЕТ РЕПАТРИАЦИЯ В ФРГ

Число советских немцев, которые получают разрешение на репатриацию в ФРГ, непрерывно уменьшается. Максимум был достигнут в 1976 г., когда "разрядка" еще была в самом разгаре и правительство ФРГ надеялось, что ее восточная политика принесет желательные плоды. В указанном году из СССР выехало 9704 человека. Затем началось катастрофическое падение: в 1977 — 9274, затем 8445, 7226, 6650, 3723, 2069 и, наконец, в прошлом 1983 г. — 1447 человек, самая низкая цифра после 1971 г., когда, собственно, и началась более или менее массовая репатриация немцев.

Немпы не перестают бороться за свое право вернуться на родину. Не прекращаются демонстрации в Москве - на Красной площади и в других местах, кампании писем-протестов и т.д. Аресты протестующих немцев продолжаются уже не первый год - в Киргизии, Казахстане, Новосибирске, Поволжье, под самыми разными преплогами, чаше всего по уголовным обвинениям. В течение долгого времени, правда, власти не решались преследовать тех немцев, которые являлись с требованием репатриации к посольству ФРГ, устраивали перед ним демонстрации, пытались прорваться в посольство. Демонстрантов всегда задерживали, но затем лишь более или менее вежливо выпроваживали из Москвы домой. Сдержанность демонстрировалась, конечно, не гражданам своей страны, а иностранному посольству. Теперь покончено и с

18 апреля в Волгограде получил четыре с половиной года лагерей Якоб Гетте, пытавшийся устроить демонстрацию перед посольством. 26 апреля в Литве арестованы Рейнгольд Кинсфадер и Владимир Крекер, за 10 дней до того пытавшиеся с семьями прорваться в посольство ФРГ. Брат Рейнгольда Виктор, живущий на Северном Казказе, исчез, и судьба его неизвестна. Он тоже принимал участие в попытке прорыва вместе с несколькими другими семьями.

По-видимому, церемонии с посольством окончены: новый канцлер ФРГ Г.Коль не хочет проявлять ту гибкость, которой отличался его предшественник. ●

Манес ШПЕРБЕР

МНОГОКРАТНАЯ СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Через полвека после смерти Владимира Ленина и друзья, и враги признают, что по крайней мере с ноября 1917 года он стал личностью всемирно-исторического масштаба. Все или почти все, что он написал, опубликовано. Его сочинения переведены на все языки. Политические партии и группировки самого разного толка оспаривают друг у друга честь считаться "ленинскими". В самих коммунистических странах идет ожесточенный спор — кого считать истинным ленинцем.

Само по себе это еще не резон, чтобы присвоить Ленину гегелевскую характеристику "всемирно-исторического индивидуума". Тем не менее акции, вдохновленные им, и события, которых он был инициатором, привели к коренным изменениям мировой ситуации. Воздействие Ленина вышло далеко за пределы Российской империи. Его победу не смогло обесценить минувшее полустолетие, и смысл ее так же актуален, как пятьдесят лет назад.

Посмотрим, однако, достиг ли Ленин той цели, которой он с одержимостью мономана пожертвовал тридцать пять лет из отведенных ему пятидесяти четырех. Ведь хорошо известно, что судьба великих людей — терпеть поражение после смерти, хотя в конце концов легенда омолаживает славу и оправдывает ее подчас куда убедительней, чем истина и самые деяния. Можно ли считать, что Моисей довел свое дело до успешного конца? Что осталось от Александра Великого, какое наследство оставил Франции Наполеон? Исторические личности велики не тем, чего они реально добились, а тем, что потрясли мир.

Принужденный почти до старости коротать свои дни в эмигрантских кафе и в библиотеках, этот жаждавший деятельности книжный червь, которому ничего не оставалось, как только читать, писать и спорить, внезапно одержал на сорок седьмом году жизни победу, какую вряд ли кто-нибудь мог предвидеть. Силой оружия он сверг немощное Временное правительство и ликвидировал общественный строй, который едва только начал фор-

Эссе M.Шпербера "Der vielfache Tod des Wladimir Iljitsch" написано в 1970 г. Печатается с сокращениями.

мироваться в России. Затем несколько лет он вел гражданскую войну, в ходе которой одна за другой были разгромлены контрреволюционные армии. Победа, таким образом, была прежде всего победой вооруженных сил.

И вот теперь он лежит в построенном для него мавзолее. Десятки лет подряд, день за днем под сенью Кремля люди стоят в длинной очереди, чтобы бросить жадный и робкий взгляд на останки вождя, в значительной мере искусственные. Не будет неправдой, если мы скажем, что по крайней мере в тот день, когда его превратили в идола, Ленин умер во второй раз. Сам Ленин предостерегал против канонизации выдающихся революционеров. Но едва ли он подозревал, что нечто подобное произойдет и с ним.

Писания Ленина — мы уже упомянули об этом — удостоились такого распространения, какое имеет лишь Библия. Но читают ли их? Даже те, кто его цитируют, по большей части прочли только некоторые его брошюры, в крайнем случае - книгу "Империализм как высшая стадия капитализма" да еще, пожалуй, "Государство и революция". И вот что любопытно: в любом случае при чтении Ленина создается впечатление, что как писатель и журналист он лишь в редких случаях возвышается над средним уровнем. Большинство его книг и статей были полемическими выступлениями, причем он чаще громил своих товарищей, нежели классового врага. Ленин сражался не мечом и шпагой, а цепом и кувалдой. Его аргументы, однако, были неопровержимы всякий раз, когда речь шла о тактике и стратегии завоевания власти. Именно этой цели служит его действительно важная, хотя и не вполне оригинальная концепция партии, ее организации, структуры и особых задач. Если же говорить о работах, где ярче всего проявилась личность Ленина, то прежде всего нужно назвать трактат "Государство и революция". Мечта о новом обществе, о новой земле под новым небом изложена в нем всего за несколько месяцев до революции, до мнимого осуществления этой мечты.

Среди миллионов людей, считавших или считающих себя приверженцами ленинизма, лишь немногие стали ими потому, что прочли Ленина. Чаще происходило обратное: душевный подъем, нетерпимый экстремизм были исходным импульсом, после чего явилась потребность примкнуть к ленинизму теоретически или, как принято говорить, идейно. Так было в самом начале революционной карьеры Владимира Ильича, когда он собрал вокруг себя молодых людей и девушек, заболевших идеей общественного переустройства. Так продолжается по сей день. С самого начала Ленин внушил своим сторонникам мысль, заставил уверовать, что всякий, кто признает революционную программу, обязан отдать все свои силы делу революции, которая коренным образом изменит мир. Ему было всего 25 лет, когда он возглавил "Союз за освобождение рабочего класса" в Петер-

бурге, и вскоре у него появилась, наряду со всякими партийными псевдонимами, кличка "Старик". Не только потому, что он рано облысел, но и оттого, что он утверждал свой авторитет с такой самоуверенностью, словно имел за плечами большой жизненный опыт.

Положение лидера всегда казалось ему само собой разумеющимся. В признании своего превосходства он видел как бы естественное вознаграждение за непоколебимую верность "делу". Сейчас мы видим, что с этой верностью и последовательностью не все было так просто, но и сегодня, как в те времена, молодым людям кажется, что единственно верный путь к революции — отказаться от компромиссов и отринуть, как смертный грех, самую мысль о союзе с реформистами и либералами. Всегда и во всем они признают лишь крайнюю альтернативу: кто не отдает революции все свое знание и умение — тот помогает контрреволюции.

Кто знаком с современными революционными течениями, понимает, что такая экстремистская позиция отдает анархизмом. Хотя Ленин всю жизнь заботился о том, чтобы проверять каждый свой тезис марксовым учением, на самом деле — в своих действиях — он был редко свободен от определенной разновидности анархизма, с чем, конечно, никогда не соглашался. Известно, что один из первых расколов в рабочем движении возник из-за конфликта Маркса с Бакуниным, когда апостол анархизма вместе со своими соратниками покинул Первый Интернационал. Ленин, разумеется, считал себя противником Бакунина, но уроки Бакунина, как и опыт Нечаева, как и боевая программа бланкизма, — оказали на него определенное влияние, вызывали в нем двойственное чувство, в котором он не смел признаться самому себе. Некоторые из его оппонентов рано увидели этот замечательный факт.

Именно эта смесь фаталистической уверенности в будущем, которую Ленин вынес из теоретического романа с Марксом, и анархического волюнтаризма, ожидающего от действий активного меньшинства или даже отдельного деятеля по меньшей мере решающего толчка, — именно эта смесь способна удовлетворить, с одной стороны, потребность в "научной" санкции задуманного, а с другой стороны — жажду революционной молодежи самоутвердиться в действии. Чем это не гармония между теорией и практикой? И мало кому приходит в голову, что действие до такой степени изменяет теорию, что она становится кокоткой, обслуживающей потребителя, не заботясь о том, что она предает и продает самое себя. Это верно сегодня, это особенно было верно в России тех времен, когда 19-летний казанский студент впервые приобщился к революции. Конечно, ни в одной из апологетических биографий Ленина мы об этом не прочтем.

Мы не ставим себе здесь целью описывать жизнь Ленина, наша работа представляет собой лишь попытку осветить некоторые черты его облика

и его удивительную судьбу. Все же упомянем о том, что Ленин был примерным учеником симбирской гимназии, а досуг отдавал главным образом чтению классиков русской литературы; любимым писателем был Тургенев. Интерес к политике, к революции проснулся, по-видимому, после казни старшего брата. В том же году, еще до окончания семестра, Ленин был исключен из университета за участие в политической манифестации. Ему разрешили сдать экстерном экзамены в Петербурге — милость, которая была оказана лишь благодаря хлопотам матери, умной женщины с сильным характером. Больше всего Ленина интересовали экономические вопросы; в конце концов он получил диплом адвоката.

Ленин принадлежал к нечасто встречающемуся типу интеллигента-революционера, который в любой ситуации обращает внимание прежде всего на процедурную сторону, на точность формулировок при выработке повестки дня и редактировании всевозможных резолюций. Глядя на иконописные картины, где Ленин, вскинув руку, обращается к народу, трудно представить, что этот же человек был способен тратить бездну времени на обсуждение вопросов, какими обычно заняты крючкотворы-юристы, педантичные чиновники или деятели провинциального пошиба, которые только и могут обратить на себя внимание в дискуссиях на подобные темы. Ленин, конечно, не принадлежал к этой публике, но техникой расщепления волоса на четыре части, копания в мелочах и пререканий по формальным вопросам он владел в совершенстве.

Он всегда был всецело поглощен тем, чтобы любой ценой добиться признания своей точки зрения в борьбе против уклонистов, как их потом называли, другими словами, против товарищей по фракции большевиков, если они хотя бы слегка расходились с ним по каким-нибудь актуальным вопросам. Он атаковал их с такой энергией, расходовал на это столько времени и сил, как будто на карту было поставлено все дело. Так он поступал до конца своих дней, когда, безнадежно больной, он уже не смог довести борьбу до победного конца. Лежа на смертном одре, он все еще что-то писал, диктовал, волновался, пытаясь сплотить своих поседевших соратников против Сталина.

Он не щадил себя, не разрешал себе малейшего отдыха, когда нужно было сломить инакомыслящих; если же это не получалось, он сгарался их изолировать. Молодой Троцкий, впервые приехав к Ленину, был удивлен, заметив, как настойчиво повторял Ленин слова "непримиримо", "беспощадно". Но была у него и другая черта: он тотчас готов был все забыть и честно помириться с оппонентами, если они сдавались, — хотя бы еще вчера они были для него олицетворением зла. Его непримиримость была, так сказать, тематической, то есть зависела только от предмета спора и актуального мо-

мента. Конечно, у него, как и у каждого человека, были личные симпатии и антипатии, но он редко руководствовался ими. Это следует подчеркнуть, потому что во всевозможных внутрипартийных стычках Ленин отнюдь не пренебрегал нападками личного характера, не останавливался перед клеветой, вообще был неразборчив в средствах — когда этого требовал все тот же "момент". И тут он был тоже исключением: ведь в политической полемике нередко принципиальность служит лишь прикрытием для личных мотивов, для Ленина же в самом деле была важна политика, и едва ли был он когда-либо движим мстительностью.

Непреклонный и неумолимый Ленин был вместе с тем натурой чрезвычайно чуткой. Ни на одну ссору он не реагировал спокойно, тяжко страдал от нападок, которым подвергался, страдал и от ударов, которые наносил сам. Дело доходило до того, что приходилось прерывать работу и уезжать за город, чтобы излечиться от бессонницы и восстановить силы. Его счастье, что он нашел верную опору в лице жены своей Крупской. Брак был заключен в ссылке, чтобы получить законное основание проживать вместе в сибирской деревне. Бесконечно преданная Ленину, Крупская рано утратила женскую привлекательность; к эскападам мужа она относилась с дружеским пониманием. Это касается, в частности, долголетних и странных отношений Владимира Ильича с Инессой Арманд, деятельницей женского движения, под влиянием Ленина примкнувшей к большевикам.

Как все русские социалисты, Ленин предвидел, что в результате войны с Японией в России может возникнуть революционная ситуация. Тем не менее его участие в событиях девятьсот пятого года было скромным — что бы ни утверждала официальная пропаганда. В Петербурге он появился лишь в ноябре, спустя одиннадцать месяцев после Кровавого воскресенья. Правда, он поддерживал связь с первым Советом, во главе которого стоял Троцкий и который стал образцом будущей формы власти. Но влияния на его работу Ленин не имел. Революция вспыхнула не в результате деятельности большевиков, партия не сумела воздействовать на ее развитие. Ленин пропустил момент, которого ждал добрых пятнадцать лет.

Двадцатишестилетний Троцкий не был большевиком. Два с половиной года назад Ленин принял его с распростертыми объятиями, так как видел в нем союзника в борьбе с Плехановым. Теперь он убедился, что Троцкий идет своим путем. С годами отчуждение росло и продолжалось до лета 1917 года — когда они вместе готовили восстание. Троцкий не принимал ленинскую концепцию партии как организации профессиональных революционеров. Он даже предсказывал — и этот прогноз роковым образом подтвердился, — что рано или поздно организация поставит себя на место партии, Центральный комитет заменит партийную организацию и в конце концов единственный человек завладеет властью в Центральном комитете.

В поисках демократической формы пролетарской диктатуры Троцкий остановил свое внимание на Советах. Ему казалось, что они по самой своей сути не могут превратиться в бюрократический аппарат. Рабочие советы не должны были избираться на длительный срок, следовательно, избиратели не рисковали потерять право решающего голоса; революция, источником которой была пролетарская масса, должна была оставаться "перманентной". Ленин держался иного взгляда: собственными силами рабочий класс может дойти лишь до уровня профсоюзной организации и "тредъюнионистского сознания". Чтобы совершить подлинный и прочный переворот, нужна партия, спаянная железной дисциплиной. "Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию!" Революция Пятого года наглядно опровергла эту теорию.

Ленин и Троцкий сделали выводы из этой первой пробы сил, — каждый свои. Каждый увидел в неудавшейся революции подтверждение своих взглядов. В июне 1912 года Ленин окончательно "отмежевался" и создал собственную партию большевиков. Троцкий, со своей стороны, уверился в том, что идея перманентной пролетарской революции представляет последнюю и неопровержимую истину.

Снова он оказался за границей. Где бы он ни был — в Швейцарии, во Франции, в Австрии, — он поддерживал связь с активистами своей партии. Он не только финансировал газеты, которые основывал и которыми руководил, но и переправлял их в больших количествах в Россию. В этом ему помогали некоторые организации германских и австрийских социал-демократов. И все же — откуда он брал деньги? Средствами на жизнь его обеспечивала мать, регулярно посылавшая ему доход от семейных имений. Мать Крупской, которая вела хозяйство в семье Ленина, тоже, видимо, имела какое-то состояние. Кроме того, во время войны их выручило неожиданно полученное небольшое наследство. Но эти источники не могли позволить Ленину финансировать политическую работу. Русская эмиграция постоянно пользовалась помощью симпатизировавших революционному делу толстосумов. Одно время Ленин сам распоряжался фондом, который составился главным образом из пожертвований Саввы Морозова и его племянника Николая Шмидта. Позже распределение сумм было передано представителям германской социал-демократической партии Карлу Каутскому, Кларе Цеткин и Францу Мерингу.

Если бы Ленин не дожил до Февральской и Октябрьской революций, о нем, вероятно, сейчас никто бы уже не помнил. В крайнем случае сохранилась бы память о своенравном и суетливом политике, которому так и не удалось убедить мир в своей правоте. К его манере вести себя в бесчисленных спорах и склоках так, словно от исхода их зависела судьба революции,

потомки отнеслись бы со снисходительной насмешкой. Несоответствие действительного значения спорных вопросов и роли, которую отводил им Ленин, бросается в глаза. Он сам был воплощением этого несоответствия. Казалось, будто на тщедушное тело измученного и раздраженного человека надели одежду великана; от этого сам человек начинал походить на карлика. Но триумф 1917 года наполнил это слишком широкое одеяние огромным телом — и не просто в глазах его сторонников, но в восприятии всех, кто писал о нем, кто родился после него.

Что ж, такое ретроспективное возвеличивание — не новость. Чтение предреволюционных сочинений Ленина в свете последующих событий удовлетворяет логическую, а еще больше психологическую потребность увязать причины со следствиями. Никто не замечает неизбежной в этих случаях подмены согласно правилу post ergo propter. Известно, что буквально за несколько дней до Февральской революции Ленин, выступая перед молодежной аудиторией в Швейцарии (этот доклад организовал молодой социалист Вилли Мюнценбергер), заявил, что революция неизбежна, но состоится, по-видимому, не при жизни его поколения. Прошло несколько месяцев, и ураган революции вынес его в эпицентр всемирно-исторических событий.

Вернемся немного назад, к началу Мировой войны, когда Троцкий, Ленин, да и все марксисты-интернационалисты внезапно оказались перед мучительной проблемой: выражают ли социал-демократы воюющих стран, прежде всего Германии, чувства и мнения рабочего класса, представителями которого они себя по-прежнему считали? Ведь они поддержали войну. Невозможно было поверить, что рабочий класс оказался не на высоте положения. И в России, и в развитых странах Европы он настроился на решительно патриотический лад, как только его уверили, что отечеству грозит враг. Больше не было "пролетариев без родины", рабочий оказался лояльным гражданином и сыном отечества в самом ненавистном для революционеров смысле слова. Ленин и Троцкий нашли выход, сочинив легенду о предательстве социал-демократических вождей; Сталин и его сподвижники использовали ее впоследствии в качестве вклада в полицейское понимание истории.

Для самого Ильича, впрочем, эта травма обошлась не без пользы: он окончательно удостоверился, что был прав, признавая истинными марксистами лишь себя и своих сторонников. Ленина не тревожило то, что водораздел между "социал-патриотизмом" и пораженчеством странным образом не соответствует демаркационной линии, отделяющей реформистов и ревизионистов, с одной стороны, и ортодоксальных марксистов — с другой. Кроме того, легенда о предательстве помогла ему окончательно стать на

собственные ноги, в чем он нуждался больше, чем можно судить по его произведениям. Долгое время учителями Ленина были Плеханов и Каутский; и хотя от Плеханова он отошел довольно рано, ему трудно было высказываться о нем (и о Карле Каутском) с той же бесцеремонностью, с какой он отзывался о других. И вот, наконец, он был свободен. Учителя скомпрометировали себя, они переметнулись на сторону врага и вдобавок уклонялись от полемики. С тех пор во всех выступлениях Ленина неизменным припевом звучит презрение к предателям, лагерь которых оказывается необычайно многолюдным.

В Цюрихе Ленин узнал о свержении русской монархии, как и все граждане, из газет. На этот раз он твердо решил не опаздывать, как это случилось 12 лет назад, явиться вовремя и лично повести свою партию на борьбу за власть. Ради этой цели можно было принять и предложение немцев тайно отвезти его в Россию. Шестнадцатого апреля он обращается к бурно приветствующим его массам на Финляндском вокзале; с этого дня и до самой его смерти все или почти все делается открыто. От "Апрельских тезисов", где Ленин сформулировал программу нового переворота, ведут свое начало события, широко известные, но по большей части идеологически искаженные, задним числом отпрепарированные таким манером, что они успешно служили и по сей день служат своего рода санкцией для многих диктаторских режимов.

Ленин обнаружил изумительную способность приспосабливать не только тактику, но и всю стратегию партии к постоянно меняющимся обстоятельствам. Вопреки ожиданиям, Ленин принял теорию Троцкого о перманентной революции (разумеется, не ссылаясь на Троцкого) и положил ее в основу "Апрельских тезисов". Программа была успешно реализована в ноябре, вместе с Троцким и против воли чуть ли не всей верхушки ленинской партии.

Этому предшествовало много событий, которых мы можем коснуться лишь мимоходом. Какое-то время Ленин надеялся, что ему удастся завоевать для своей партии Советы. Отсюда требование, чтобы вся власть принадлежала Советам. Когда же после неудачи июльского восстания он принялся готовить из своего финляндского убежища государственный переворот, он уже знал, что по всей вероятности ему придется выдержать борьбу за диктатуру партии, преодолевая сопротивление Советов. По-видимому, существовала надежда, что новый режим будет провозглашен Учредительным собранием. Если, однако, Ленин и Троцкий и верили в это, то лишь очень короткое время. В лучшем случае это была иллюзия тех, кто захватил власть от имени Советов, а на самом деле без них, кто попросту разогнал это самое собрание и, наконец, расторг союз с фракциями левых же-

ров и меньшевиков. Иллюзия обернулась демагогической ложью. Последствия известны; первое и, быть может, самое роковое — подавление свободы печати.

Роза Люксембург заявила в 1919 г., что она думает об этом:

"Свобода лишь для сторонников правительства, для членов партии, сколько бы их ни было, — какая это свобода? Свобода всегда есть свобода инакомыслия. Не в угоду фанатикам "справедливости", но потому, что очистительное действие политической свободы всецело зависит от этого ее качества; если оно отсутствует, свобода превращается в привилегию".

Странное обстоятельство, типичное для всей деятельности Владимира Ильича Ленина: неожиданное обесценивание самых блестящих успехов. Начиная с 7 ноября 1917 года, официальной даты рождения нового государства, заслуга основания которого принадлежит все же больше Ленину, чем Троцкому, — с той ночи, которая "потрясла мир", — Ленин шел от победы к победе, и каждая приносила больше, чем ждали. Захват власти сам по себе был детской игрой; но затем он должен был присваивать себе все больше и больше власти, партия под его руководством свела к нулю роль Советов, которые теоретически одни только должны были осуществлять диктатуру пролетариата. Захват власти был ничем иным как экспроприацией власти у Советов, избранных демократическим путем, захватом, который совершил режим, до сего времени именующий себя Советским.

Взятие Зимнего дворца еще не означало, что революция победила. Впереди была Гражданская война, когда жизненный уровень народа катастрофически упал, фабрики не работали и пролетариат, якобы управлявший страной, почти исчез; уже не считали жертв войны и террора, в котором соревновались обе стороны, жертв голода, эпидемий, потерь, вызванных эмиграцией. Диктатура все больше теряла социальную базу, власть сделалась монополией властителей, ответственных лишь перед высшими партийными инстанциями.

Ленин рассчитывал на мировую революцию, которую ждали со дня на день, — в ее перспективе все, что он предпринимал, получало смысл и оправдание. Но мировая пролетарская революция не состоялась. Не восстание пролетариата развитых стран положило конец Мировой войне, но военное поражение было причиной свержения династий в побежденных странах. И Ленину, самому верному ученику Маркса, пришлось выискивать цитаты, доказывающие, что революция в одной, да еще такой отсталой, как Россия, стране, правильна и даже предусмотрена марксизмом.

Ленин был политиком маккиавеллистского толка, как все, для кого политика — средство достижения и удержания власти. И тем не менее, несмотря на всю его изворотливость, мы должны признать, что он был в высшей степени честным, верным и самоотверженным революционером.

Он действительно верил в бесклассовое социалистическое общество, он считал неизбежным отмирание государства со всеми его органами. Нельзя ничего понять в этом удивительном человеке, не уяснив себе, что он нуждался во власти, всей своей натурой стремился к ней, но был вполне способен отказаться от нее во имя пролетарской диктатуры.

На протяжении пяти лет Ленин одерживал победы; но в эти пять лет ему суждено было пережить и ужасающий крах своих достижений. Ничто не осуществилось так, как предполагалось. И все же, дожив до будущего, которым они клялись, Ленин и его товарищи продолжали употреблять слово "будущее" в будущем времени. Будет! Но пришел Сталин, и это "будет" заменила гротескная фикция: нужно было громогласно заверить всех, что то, чему надлежало осуществиться, уже осуществлено. Между тем рабочие жили не лучше, чем раньше, и хуже, чем живут сегодня рабочие в капиталистическом обществе. Государство отнюдь не отмерло, и бюрократия безраздельно правила и продолжает править народом. Духовная свобода ограничена больше, чем при Николае Первом, и так далее. Никакой кошмар не мог бы стать более устрашающим для Ленина, если бы он встал из гроба, чем сегодняшняя Россия.

Пятнадцать лет после своей смерти Ленин непрерывно умирал вместе со своими соратниками, которые были уничтожены во славу его же имени, при этом многих заставили отречься от собственного прошлого перед тем, как покончить с ними. А затем Ленин снова в, который раз, умер под танками, подавившими в 53 году восстание берлинских рабочих, а через три года — под танками в Будапеште. И летом 68 года умер еще раз в Праге. Началась же смерть Владимира Ильича еще до его физической кончины, в мартовские дни 1921 года, когда на мирные социалистические требования кронштадтских матросов он и Троцкий ответили орудийными выстрелами, а затем расстреляли оставшихся в живых.

Волки вгрызлись в круп лошади, которая везла сани через заснеженную степь. Издали кажется, что ничего не изменилось. Но на самом деле в упряжке уже не лошадь, а волки, и другие волки, сидящие в санях, погоняют ими...•

"ПЕЧАТАТЬ НЕ СЛЕЛУЕТ..."

Предпоследняя страница великой жизни

12 февраля 1923 г. секретарь Ленина Л.А.Фотиева записала: "Владимиру Ильичу хуже... Его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация... По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам." ("Дневник дежурных секретарей В.И.Ленина", ПСС, т.45, стр.485).

Полупарализованный, изолированный, не имея возможности диктовать более получаса в день, Ленин все еще пытался повлиять на ход событий: предлагал снять Сталина с поста Генерального секретаря, предостерегал против бюрократизации партийно-государственного аппарата, требовал изменения национальной политики. В работе "К вопросу о национальностях, или об "автономизации" (ПСС, т.45, стр.356–362), продиктованной Лениным 30–31 декабря 1922 г., в частности, говорилось:

"Оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов... Ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно. Нет сомнения, что под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом единства фискального и т.д. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса эпоупотреблений истинно русского свойства. Для борьбы с этими элоупотреблениями необходима особая изобретательность, не говоря об особой искренности тех, которые за такую борьбу возьмутся. Тут потребуется детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике... При таких условиях естественно, что "свобода выхода из союза", которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ..."

В этой статье Ленин обрушивается на Орджоникидзе, Дзержинского и Сталина, говоря об "инородцах, которые всегда пересаливают по части истинно русского настроения", и требует их примерно наказать.

При кажущемся демократизме этих высказываний можно предполагать, что они главным образом служили орудием во внутрипартийной борьбе, в частности, в негласной войне со Сталиным, который, "сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть" (ПСС, т.45, 345). Как известно, Сталин сумел утаить так называемое завещание Ленина не только от населения страны, но и от многих членов Политбюро (подробности об этом — в книге А.Авторханова "Происхождение партократии").

Другую бомбу Ильичу все же удалось бросить. (По свидетельству Л.А.Фотиевой, "бомбами" называл свои последние работы сам Ленин. См. Л.Троцкий, "Моя жизнь", стр.220.) 17 апреля 1923 г. открылся XII съезд партии. Ленин сумел устроить так, чтобы статья "К вопросу о национальностях или об "автономизации" стала известна партийной верхушке как раз накануне открытия съезда.

Тов. Каменеву, копия тов. Троцкому

Секретно.

Лев Борисович,

В дополнение к нашему телефонному разговору сообщаю вам, как председательствующему в Политбюро, следующее:

Как я уже сообщила вам, 31/XII-22 г. Владимиром Ильичом была продиктована статья по национальному вопросу.

Вопрос этот чрезвычайно волновал его, и он готовился выступать по нему на Партсъезде.

Незадолго до своего последнего заболевания он сообщил мне, что статью эту опубликует, но позже. После этого он захворал, не сделавши окончательного распоряжения.

Статью эту В.И. считал руководящей и придавал ей большое значение. По распоряжению Владимира Ильича она была сообщена т.Троцкому, которому В.И. поручил защищать его точку эрения по данному вопросу на Партсъезде, ввиду их солидарности в данном вопросе.

Единственный экземпляр статьи, имеющийся 1 у меня, хранится по распоряжению В.И. в его секретном архиве.

О вышеизложенном довожу до вашего сведения.

Ранее сделать этого не могла, т.к. только сегодня приступила к работе после болезни.

16/IV-23

Личный секретарь т.Ленина Л.Фотиева.

Бомба была брошена, но вэрыва не произошло. Правда, Троцкий, которому ленинская статья могла помочь в его одинокой борьбе со Сталиным, в тот же день разослал текст статьи членам ЦК, приложив к ней собственное письмо, копии письма Л.Фотиевой и записок Ленина к нему самому и грузинским большевикам. Однако содержание статьи Ленина даже не обсуждалось. Его оппоненты не только не были наказаны за "великорусско-националистическую кампанию", но даже добились того, чтобы съезд осудил грузинских "националов", тщетно взывавших к тени великого вождя. Соратники Ленина предпочли засекретить его статью, и она была опубликована лишь спустя 34 года после написания.

Сводка замечаний членов Политбюро и Президиума ЦКК к предложению тов.Зиновьева

Копия. Строго секретно

1. "Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких либо формальных причин, препятствующих этому.

Есть ли какая-либо разница в передаче (в условиях передачи) этой статьи и других (о кооперации, о Суханове)?"(1) Троцкий.

2. "Печатать нельзя: это не сказанная речь на П/Бюро. Не больше. Личная характеристика — основа и содержание статьи." (2) *Каменев*.

В оригинале: имеющейся. – Ред.

- 3. "Н.К. тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал, ибо думал (и думаю), что это исключено. Можно этот вопрос задать. В условиях передачи разницы не было. Только эта запись (о Госплане) передана мне позже несколько дней тому назад". (3) Зиновыев.
- 4. "Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более, что санкции на печатание от Ильича не имеется". Сталин.
- 5. "За предложение тов. Зиновьева, только ознакомить членов ЦК. Не публиковать, ибо из широкой публики никто тут ничего не поймет". *Томский*.
- 6. "Эта заметка В.И. имела в виду не широкую публику, а ЦЕКА, и потому так много места уделено характеристике лиц. Ничего подобного нет в статье о кооперации. Печатать не следует". А. Сольи.
 - 7. "Тт.Бухарин, Рудзутак, Молотов и Куйбышев за предложение т.Зиновьева". Словатинская.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Речь идет о последних статьях Ленина. Все они публиковались по специальному разрешению Политбюро.
- (2) Подразумеваются отрицательные характеристики Орджоникидзе, Дзержинского, Сталина.
- (3) Н.К. Надежда Константиновна Крупская. Заметка "О придании законодательных функций Госплану" была написана Лениным 27 декабря 1922 г.

Решив похоронить работу вождя, лидеры партии заслонились его именем. Отвечая на вопросы делегатов XII съезда, почему не публикуется ленинский текст, Г.Е.Зиновьев заявил:

"Президиум съезда принял е д и н о г л а с н о е р е ш е н и е: не публиковать пока этого документа, ввиду характера тех указаний, которые дал сам Владимир Ильич... Дело тут не в личных нападках. Товарищи, которые непосредственно заинтересованы, первые требовали публикации этого письма" (Цит. по упомянутой книге А.Авторханова. Там же приведены важные подробности этого инцидента и дана выдержка из письма Л.Фотиевой в обратном переводе с английского).

Письмо Л.А.Фотиевой и сводка замечаний членов Политбюро и Президиума ЦКК хранятся в Архиве Троцкого.

"ПРЕМИЯ: 100 000 РУБЛЕЙ ЗА ПОВЕШЕННОГО"

В середине августа 1920 г. успешно наступавшая Красная армия подошла к Варшаве. К этому времени Эстония и Латвия заключили с Россией (так иногда именовалась в официальных документах Советская республика) мирные договоры. Однако в Москве стало известно, что на территории прибалтийских стран идет набор добровольцев в польскую армию. Пункты вербовки действовали в нескольких эстонских городах, а транспортировка сформированных частей осуществлялась через Ригу. Нарушителей соглашений следовало наказать.

В Биографической хронике В.И.Ленина (М., 1978, т.ІХ, стр. 185) сообщается, что 14—17 августа 1920 г. Ленин вел переписку с Э.М.Склянским "по вопросам военных мер на Западном фронте". В Полном собрании сочинений В.И.Ленина эти документы отсутствуют. Копии записок Ленина Склянскому, публикуемые ниже, хранятся в Архиве Троцкого и, по-видимому, являются частью упомянутой переписки.

Склянскому (1)

- 1) Недостаточно послать дипломатический протест. (2)
- Даже лучше отсрочить его, чтобы попытаться лучше поймать Латвию и Эстляндию.
- 3) Сугубые меры принять, дабы их поймать с поличным (т.е. собрать больше и более доказательных улик).
- 4) Принять военные меры, т.е. постараться наказать Латвию и Эстляндию в о е н н ы м о б р аз о м (например, "на плечах" Балаховича (3) перейти где-либо границу на 1 версту и повесить там 100-1000 их чиновников и богачей).

Прекрасный план. (4) Доканчивайте его в месте с Дзержинским.

Под видом "зеленых" (мы потом на них и свалим) пройдем на 10-20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 руб. за повешенного. (5).

(Написано рукой т.Ленина)

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Эфраим Маркович Склянский (1892—1925) был в годы Гражданской войны первым заместителем Троцкого на посту наркома по военным делам и председателя Реввоенсовета Республики. Смерть Ленина положила конец его карьере. Траурный (внеочередной) пленум ЦК, заседавший 21—22 января 1924 г., снял Склянского со всех постов. С апреля 1924 г. он руководил трестом "Моссукно"; в 1925 г. находился в служебной командировке в США, где утонул в озере при невыясненных обстоятельствах.
- (2) 10 июля и 25 августа 1920 г. Советское правительство направило Эстонии дипломатические протесты (Документы внешней политики СССР, т.3, стр.26–28, 149–150).
- (3) Станислав Никодимович Булак-Булахович (1883—1940), командир кавалерийского полка в Красной армии, в ноябре 1918 года перешел на сторону белых и участвовал в наступлении на Петроград. С 1919 г. он командовал русскими частями в эстонской, а затем в польской армиях. В августе 1920 г. дивизии Булак-Булаховича сражались на Волыни (Директивы командования фронтов Красной ариии 1917—1922, т.3, стр. 136—138; т.4, стр. 519), чем, видимо, и объясняются кавычки в ленинском тексте. После окончания Гражданской войны правительство Польши по настоянию СССР выслало из страны своих бывших союзников белогвардейских генералов и лидеров украинского национального движения; для С.Н.Булак-Булаховича, однако, было сделано исключение. В 1940 г. Булак-Булахович был убит в Варшаве "неизвестным лицом" (Энциклопедия Гражданской войны, стр. 78).
- (4) Сведений о том, был ли этот план осуществлен, нет.
- (5) Разного рода материальные поощрения рассматривались в годы военного коммунизма как буржуазный пережиток. Премия, предлагаемая Лениным, представляет любопытное исключение.

Амберь БУЗОГЛЫ (Париж)

СТОЛЕТИЕ ТЕРПЕНИЯ, МУЖЕСТВА И ТРУДА

Во второй половине XX века родился новый политический термин — "финляндизация". Согласно энциклопедическому словарю Ларусса, так называют "совокупность ограничений, которые мощная держава налагает на автономию своего более слабого соседа".

Это определение появилось после Второй мировой войны. Оно, однако, крайне несправедливо по отношению к стране, от имени которой оно образовано. Действительно, Финляндия имеет с Советским Союзом общую границу протяженностью в 1300 километров, и после Второй мировой войны ей пришлось подчиниться советскому диктату. Однако термин "финляндизация" понимается сегодня как готовность безусловно выполнять все пожелания СССР и даже предвосхищать пожелания невысказанные. Но это именно то, что Финляндия медленно, но верно перестает делать!

В действительности финны, которым удалось защитить свою независимость от всех посягательств мощного соседа, создали интереснейший прецедент, продемонстрировав, как маленькое государство с немногочисленным населением может с успехом выйти из сложного и деликатного положения, обусловленного местом на географической карте.

После войны 1808—1809 гг. по Фридрихсгамскому мирному договору Швеция была вынуждена уступить Финляндию Российской империи. Император Александр I наделил приобретенные земли статусом Великого княжества и милостиво сохранил финнам их собственную администрацию, конституцию и законодательство такими, какими они остались от времен шведского господства. Внутреннее управление осуществлялось Сеймом, то есть собранием представителей сословий. Финны освобождались от службы в русской армии, и доходы Великого княжества не вливались в общеимперскую казну. Через некоторое время Финляндия получила право чеканить свою монету и содержать собственную армию. Финляндия постоянно развивалась в культурном и политическом отношении.

Такое идиллическое положение продолжалось только до конца XIX в. В феврале 1899 г. был взят курс на уничтожение особого статуса Финляндии в составе Российской империи, на русификацию княжества. Февральским манифестом царь присвоил себе право издавать для Финляндии законы без согласия Сейма. Царский генерал-губернатор Бобриков правил диктаторскими методами, и развязанные им репрессии еще более обострили обстановку в стране. В 1904 г. он был убит.

В конце октября 1905 г., после поражения России в русско-японской войне, Финляндия была охвачена всеобщей забастовкой: финны требовали отмены царского манифеста 1899 г. В политическом отношении финский народ в ту пору был разделен на "конституционалистов" и "социалистов". Позиции этих двух группировок разнились относительно средств достижения поставленных целей, в частности, относительно методов ведения переговоров с Российской империей. Именно тогда, очевидно, для укреп-

ления своих позиций в споре, оба движения создали собственные ополчения: у "конституционалистов" появилась Белая гвардия, у "социалистов" — Красная гвардия. Легли в почву семена, которые позднее проросли гражданской войной.

Царь уступил. 4 ноября 1905 г. он отменил Февральский манифест 1899 г. и поручил финскому Сейму, располагавшему исполнительной властью, проведение демократических реформ, которых требовали забастовщики. Четырехсословный Сейм был преобразован в однопалатный парламент, избираемый на основе всеобщего равного избирательного права, по принципу пропорционального представительства. Первыми в Европе избирательное право получили и финские женщины.

Начиная с 1908 г. обстановка вновь стала обостряться. Правительственные круги Российской империи были глубоко встревожены событиями в Финляндии. Финляндия превратилась тогда в излюбленное место встреч всякого рода революционеров и агитаторов. Царь принял решение передать в ведение русского правительства все финляндские дела, ранее находившиеся в личной компетенции государя. В 1912 г. царь издал декрет, наделяющий русских всей полнотой гражданских прав в Финляндии, которыми они раньше не располагали. Русские могли теперь избираться в парламент, игравший в Великом княжестве роль своеобразного местного правительства. Стоит ли удивляться, что при таком повороте дела парламент покинуло большинство финнов?

После Октябрьской революции в России, 6 декабря 1917 г., парламент принял декларацию, которая провозгласила Финляндию независимым государством. За декларацию проголосовали 100 депутатов, против — 88. 30 декабря 1917 г. советское правительство признало независимость нового государства. Швеция, Германия и Франция сделали то же самое 4 января следующего года.

Но увы! — самостоятельное существование Финляндии началось с гражданской войны. В социал-демократической партии Финляндии взяло верх левое, революционное крыло, жаждавшее революции у себя дома, и в январе 1918 г. красные захватили власть в Хельсинки и на юге страны. Им помогало поставками оружия советское правительство. Буржуазное правительство бежало в Васу и управляло оттуда центральными и северными районами. Генерал Маннергейм во главе Белой гвардии одержал решающую победу над красными в битве у Тампере. Одновременно на южном побережье высадились германские дивизии, которые помогли Белой гвардии взять Хельсинки. В 1919 г. генерал Маннергейм подписал конституцию республики. Этот Основной закон действует в Финляндии и по сей день. Годом позже между РСФСР и Финляндией был подписан мирный договор, по которому к Финляндии отошла часть Лапландии — район Петсамо (Печенга), что давало стране выход к Северному Ледовитому океану. (После Второй мировой войны Советский Союз отобрал назад у Финляндии эту территорию.)

В промежутке между двумя мировыми войнами отношения между Финляндией и Советским Союзом оставляли желать лучшего. Стороны не доверяли друг другу. В Финляндии еще не зарубцевались раны гражданской войны. Хотя большинство финнов никогда не симпатизировало красным, духовно страна была разделена. Запрет коммунистической партии в 1930 г. только закрепил этот раскол. Многие обращали тогда взоры в сторону других скандинавских стран — Швеции, Дании и Норвегии, которые, как и Финляндия, были нейтральными. Из страха перед Советским Союзом в стране появилось даже движение крайне правых (особенно среди студентов).

В 1939 г. Советский Союз и Германия поделили Европу на сферы влияния, что развязало Москве руки в отношении Финляндии. Финское правительство отказалось согласиться на отторжение части национальной территории, которую Сталин считал важной для защиты советских границ — в частности, Ленинграда. В обмен Сталин предлагал Финляндии лесные районы восточной Карелии. Финны, со своей стороны, считали, что Советский Союз вполне может положиться на их миролюбие и нейтралитет, и опасались, что потеряв линии обороны, они вскоре разделят судьбу прибалтийских республик. Тогда 30 ноября 1939 г., в нарушение договора о ненападении, советские войска вторглись в Финляндию.

"Зимняя война" продолжалась три с липпним месяца: в течение этого времени армия маленькой страны, население которой не достигало и четырех миллионов, храбро сражалась с навалившимся на нее великаном. Победа досталась Советскому Союзу дорогой ценой. Мир, подписанный в марте 1940 г., позволил Советскому Союзу присоединить к себе вожделенные территории. Жители захваченных районов, численность которых составляла 11% общего населения страны, вынуждены были переселиться во внутреннюю Финляндию. По большей части это были крестьяне, лишившиеся своих наделов и своего леса. Из городов к СССР отошел Виипури (Выборг).

Но вот пришла Вторая мировая. Гитлер оккупировал Норвегию. Швеция и Финляндия согласились предоставить немецким армиям право свободного прохода через их территории. Когда летом 1941 г. Гитлер напал на Советский Союз, немецкие войска уже стояли на севере Финляндии. Финская армия быстро продвинулась к прежней государственной границе, где наступление приостановилось скорее по политическим, чем по военным причинам. Правда, предложение Сталина пересмотреть мирный договор 1940 г. в обмен на финский нейтралитет было отклонено, очевидно, из опасения перед немцами. В 1944 г. перед руководителями Финляндии стояла задача - не допустить, чтобы их страна стала мячиком в игре двух воюющих держав. Президент страны Ристо Рюти по договоренности с главнокомандующим маршалом Маннергеймом, решил пожертвовать своей карьерой в интересах дела. Рейх требовал, чтобы Финляндия заключила с ним пакт. С целью избежать таких уз президент Рюти направил 26 июня "личное послание" Гитлеру. В послании он под честное слово обязался продолжать войну на стороне Германии. Он обещал также не вступать в переговоры о заключении сепаратного мира с Советским Союзом без предварительного согласия германских властей. 1 августа президент Рюти подал в отставку с тем, чтобы во главе государства мог стать маршал Маннергейм. Тот, не связанный личными обязательствами своего предшественника, мог в свою очередь удовлетворить настояния советского правительства, которое и добилось заключения сепаратного мира.

Мирный договор был подписан в конце 1944 г. Финляндия обязалась по этому договору изгнать немцев со своей территории. Финляндии пришлось уступить Советскому Союзу обширные территории: область на границе с Норвегией, богатую залежами никеля, Петсамский коридор, огромную часть Карелии и добрый кусок юго-восточных территорий вокруг Ладожского озера, включая Выборг. Кроме того, в Порккала-Удд, на южном побережье, неподалеку от столицы, Советский Союз соорудил военную базу. Когда финские поезда проходили в зоне советской базы, шторки на окнах должны были быть задернуты. Одно из оскорблений в ряду прочих. Но были оскорбления и похлеще.

В начале 1946 г. Маннергейм подал в отставку, удалился в Швецию, где и умер в 1951 г., окруженный любовью соотечественников. Уступая настояниям Комиссии по наблюдению за перемирием, которой руководил Жданов, Финляндия была вынуждена на-

чать суды над своими "военными преступниками". Среди них оказался и бывший президент Рюти, приговоренный к 10 годам тюрьмы.

10 февраля 1947 г. в Париже был подписан мирный договор. Он закреплял положения сепаратного договора и определял размер репараций, которые Финляндия должна была выплатить СССР. Кстати, Финляндия была единственной державой, закончившей войну на стороне союзников и вместе с тем вынужденной выплачивать репарации (Финляндия объявила войну Германии 4 марта 1945 г.).

Финляндии предстояло в течение шести лет поставить Советскому Союзу товаров на сумму в 300 миллионов золотых долларов. При этом по условиям договора товары должны были поставляться по ценам 1938 г., которые были гораздо ниже послевоенных цен. Это оказалось непосильно тяжелым бременем. В конце концов Советский Союз несколько снизил (на 73 с половиной миллиона долларов) общий размер репараций, немного продлил сроки выплаты и даже поднял на 10—15% расчетные цены товаров.

Советский Союз не нуждался в том, чем в избытке располагала Финляндия, — в древесине и пиломатериалах. Поэтому советская сторона составляла ежегодно перечень товаров, подлежащих отправке в Союз. В первую очередь у финнов изымались торговые суда. Финляндия потеряла практически весь свой торговый флот, причем 104 поставленных судна были приняты в счет погашения всего лишь 14 миллионов долларов. Для выполнения своих долговых обязательств стране пришлось создать металлургическую промышленность, полностью отсутствовавшую ранее, и непомерно расширить существующие судостроительные верфи.

В общей сложности, с учетом всех прочих долговых обязательств, репарации обошлись Финляндии примерно в 550 миллионов долларов. До 1952 г. стране пришлось выделять на репарации ежегодно от 10 до 20% национального дохода.

Едва Финляндия начала выплачивать репарации, как на нее обрушился новый удар судьбы. Весь мир решил тогда, что независимости Финляндии приходит конец. На глазах у остолбеневшего Запада как раз совершался "пражский переворот", когда 22 февраля 1948 г. Сталин, напирая на необходимость крепить оборону перед лицом гипотетической "немецкой угрозы", предложил преемнику Маннергейма, президенту Паасикиви, заключить с Советским Союзом договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Договор налагал на Финляндию те же обязательства, которые незадолго до этого взяли на себя другие покоренные страны — Венгрия и Румыния.

Договор был подписан 6 апреля 1948 г. Финляндия обязалась защищать свою территорию в случае любой агрессии, направленной против СССР. Договор предусматривал также проведение в случае необходимости консультаций о возможном военном сотрудничестве, причем характер такого сотрудничества никогда не был точно оговорен. СССР обязался уважать желание Финляндии не быть вовлеченной в конфликты между великими державами, поэтому Финляндия не должна была участвовать в войне на стороне СССР, если для нападения на него не была использована финская территория.

Опасения за независимость Финляндии еще более усугубила темная история, когда на ее территории были обнаружены тайные склады оружия. Коммунистический министр внутренних дел, заподозренный в подготовке путча, вынужден был вместе со своими товарищами по партии уйти из правительства. В течение последующих 18 лет коммунисты в правительство Финляндии не входили.

В 1955 г. Финляндия была принята, наконец, в Организацию Объединенных Наций, а годом позже стала членом Северного совета. Этот совет был создан с целью осуществления подлинного сотрудничества скандинавских стран — Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии и Исландии (две первые страны нейтральны, остальные учли опыт войны и собственного несработавшего нейтралитета и вступили в НАТО). Со временем это сообщество ввело согласованное законодательство, так что теперь граждане любой скандинавской страны имеют право свободно поселяться и работать в любой другой стране этого сообщества.

В 1956 г., за два года до истечения срока действия Договора о дружбе, Хрущев потребовал его продления на следующие двадцать лет. В Финляндии как раз вступил в должность новоизбранный президент Урхо Кекконен, продолжатель линии Паасикиви, направленной на установление доверия в отношениях с СССР. Он согласился продлить действие Договора о дружбе до 1976 г., а Советский Союз в обмен на это свернул свою военную базу в Порккала-Удд и вывел свои войска из Финляндии. Наконец-то финны стали хозяевами своей территории. В марте 1961 г. Финляндия стала членом Европейской ассоциации свободной торговли — Экономического сообщества европейских государств, не входивших в Общий рынок.

Спустя шесть месяцев Хрущев неожиданно потребовал от финского правительства проведения консультаций в связи с "растущей агрессивностью" Североатлантического оборонительного союза НАТО в целом и Западной Германии в частности. После нескольких дней напряженности президент Кекконен отправился в Новосибирск на встречу с Хрущевым, совершавшим в это время вояж по Сибири. Неизвестно, о чем они там говорили. В конце концов Хрущев публично заявил, что Советский Союз не настаивает больше на проведении затребованных консультаций; финская сторона сама будет запрашивать подобные консультации, когда сочтет это целесообразным. С другой стороны, Хрущев заявил, что Советский Союз "бдительно следит за происками империалистических элементов в Финляндии" и т.д. Он выразил полное доверие Кекконену, и в политическом мире намек был понят. Основной соперник Кекконена на президентских выборах в январе 1962 г. снял свою кандидатуру, Кекконен был переизбран на второй срок. Он правил окруженный советниками; те из них, кто приходились не ко двору советскому посольству, оказывались в черном списке. Президент оставался, хотя правительства быстро сменяли друг друга: большое количество политических партий, представленных в парламенте, не позволяло сформировать сколько-нибудь устойчивое большинство.

Возможно, именно благодаря постоянному пребыванию Кекконена на посту президента, у Брежнева, который сменил Хрущева, не было забот с Финляндией до 1966 г., когда премьер-министром стал Рафаэль Паасио, старый социал-демократ. Он принадлежал к той политической формации, которую очень не любили в Москве, так как в ее рядах было немало яростных антикоммунистов. Паасио, впрочем, включил в свой кабинет и пару коммунистов (Кекконен хотел, чтобы они разделили ответственность с правительством и отказались от безудержной демагогии), с другой стороны, в правительство вошли министры от Партии центра (бывшая аграрная партия президента Кекконена). Министром финансов в этом правительстве стал сын плотника Мауно Койвисто. Премьер нашел его в рядах социал-демократической партии. Ему предстояло позднее стать девятым президентом Финляндской республики.

Во что превратилась за эти годы Финляндия? Она провела индустриализацию, построив самую современную промышленность, и помогла своим крестьянам встать на ноги и зажить достойной человеческой жизнью. В стране достигнута высокая степень социальной обеспеченности при высоком жизненном уровне. Но что самое важное — финны начинают медленно, но верно избавляться от своего комплекса неполноценности, начинают гордиться достигнутым. Они основательно потрудились и продолжают работать в поте лица. Они знают, ради чего: демократическое общество западного типа, которое они создали, заждется на прочной основе затраченных ими трудов и усилий. Пунктуальное соблюдение подписанных договоров и выполнение взятых на себя обязательств способствовало укреплению доверия к финнам. Финская промышленность пользуется высоким международным престижем. Финны заслужили репутацию народа, который держит слово, выполняет свои обязательства, при случае умеет постоять за себя.

Мировой экономический кризис не обощел стороной и Финляндию, но затронул ее в меньшей степени, чем другие страны. Внешняя торговля страны распределяется весьма сбалансированно. Примерно 29% внешней торговли приходится на страны Совета экономической взаимопомщи, из них 27% — на СССР. Советский Союз для финнов — важный и постоянный рынок сбыта своей продукции, но чем можно отовариться на таком рынке? Во избежание чрезмерно активного сальдо в торговле с Советским Союзом финнам приходится покупать советскую нефть-сырец, самим рафинировать и перепродавать ее.

Таким образом, у Финляндии установились хорошие экономические отношения с Советским Союзом, который закупает там нужные ему промышленные изделия. Финны в массе своей перестали бояться этой сверхдержавы у своего порога, уверенные в том, что у нее своих забот полон рот. Когда в 1981 г. плохое состояние здоровья не позволило Кекконену далее выполнять обязанности президента республики (эта должность сопряжена в Финляндии с огромными полномочиями), он ушел в отставку. Из числа возможных преемников нескрываемыми симпатиями Кремля пользовался аграрий Ахти Карьялайнен, бывший премьер-министр и министр иностранных дел. Но даже собственная партия Карьялайнена не выдвинула его кандидатуры в президенты.

Значительным большинством голосов был избран Мауно Койвисто, вступивший в должность в январе 1982 г. М.Койвисто пользуется в стране огромной популярностью. Эта популярность объясняется не в последнюю очередь тем фактом, что, будучи членом социал-демократической партии, он не принимал участия в политической жизни и является, таким образом, новым человеком. Москва приняла результаты выборов с философским стоицизмом и не роптала даже тогда, когда премьер-министр Калеви Сорса, председатель социал-демократической партии, сформировал правительство без участия консерваторов и коммунистов.

Коммунистическая партия Финляндии, которая в первые послевоенные годы собирала на выборах до четверти голосов избирателей, в настоящее время получает менее 18%. Кроме того, эта партия расколота на националистов, составляющих большинство, и воинствующее меньшинство, чье верноподданическое отношение к Москве снискало ему презрительное определение "сталинистов". Не исключено, что в ближайшее время фракции окончательно отделятся друг от друга. Хотя в прошлом КПСС всегда рекомендовала своим финским товарищам сохранять единство рядов, более чем вероятно, что с учетом обстоятельств Москва предпочтет иметь в Финляндии хотя и крошечную и

лишенную какого-либо значения, зато безусловно преданную ей компартию. И такой она вполне сгодится при случае для нужд агитации и пропаганды. Падение авторитета коммунистов неудивительно. Со времени вторжения в Чехословакию в августе 1968 г. общественное мнение в Финляндии заметно сдвинулось вправо (особенно ощутим прирост голосов у консерваторов), а к социал-демократам примкнуло значительное количество независимых социалистов, которые прежде блокировались с коммунистами.

С новым президентом пришли и некоторые новые веяния, освежившие атмосферу в стране. Конечно, Мауно Койвисто не устает повторять, что намерен, как и его предшественники, проводить политику добрососедства с Советским Союзом. Но делается это способом, гораздо менее сервильным, чем раньше. Койвисто не стал создавать президентский "двор", не стал окружать себя тайными советниками. Он не вмешивается по мелочам в дела правительства, заявляя, что правительство должно править, а парламент — заниматься законодательством. Но где нужно, он может и власть употребить. Отправляясь в Москву, он не окружает себя свитой прихлебателей, пользующихся расположением советских руководителей; его сопровождают как правило лидеры политических партий, в том числе и оппозиционных — прозрачный намек на то, что он является президентом всех финнов. Отправляясь в Соединенные Штаты, он, будучи прагматиком, включает в свою свиту прежде всего крупных промышленников.

Новый президент, убежденный реалист, интересующийся экономическими проблемами гораздо больше, чем различными политическими вероучениями, сумел создать исключительно благоприятную атмосферу, где каждый выглядит человеком на своем месте.

6 июня 1983 г. Мауно Койвисто (как всякий новый президент) побывал в Москве, где Договор о дружбе с СССР был продлен до 2003 г. Но интересно, что на этот раз совместное коммюнике не содержало сакраментальной фразы о том, что договаривающиеся стороны особо отмечают "ответственность средств массовой информации за поддержание и улучшение дружественных отношений между двумя странами". Финляндский президент несомненно хотел таким образом указать на различие, существующее между официальным миром Финляндии, который сохраняет свои особые позиции в данном вопросе, и общественным мнением, манипулировать которым не входит в задачи государства. Сразу же после этого предметом устного и письменного обсуждения стали темы, которые ранее были политическим табу. Порой это обсуждение принимает даже гипертрофированные формы, в частности, при обсуждении взглядов и намерений президента; не так давно Мауно Койвисто разразился гневной тирадой в адрес газетчиков и призвал их к сдержанности. Как бы то ни было, финнам дышится сейчас легче...

Какая из стран Восточной Европы, привязанных к Советскому Союзу договорными узами, членством в Варшавском пакте, в СЭВе и так далее и тому подобное, не мечтала бы о такой "финляндизации"?

В конечном счете такое положение устраивает и Советский Союз. В лице Финляндии он имеет отменного торгового партнера и единственную страну Западной Европы, поддерживающую с ним хорошие отношения. И разве не пошло бы на пользу самому Советскому Союзу, если бы его "санитарный кордон" состоял из государств с подобным статусом, чье население не ненавидело бы советского соседа всей душой и где экономика функционировала бы эффективно? Надо думать, это способствовало бы излечению от психоза страха, которым во все времена страдало советское руководство. Только взаимное доверие позволит в один прекрасный день начать подлинное разоружение, установить выгодное для всех экономическое сотрудничество. К сожалению, советскому руководству понять это нелегко. •

Борис ВАЙЛЬ (Копенгаген)

ТИГР НА ВАТНЫХ НОГАХ

Европы скандинавский тигр, Обросший рыжей шерстью гор...

В.Дунаевский

Скандинавские страны имеют много общего не только в социально-экономическом отношении. Они связаны между собой тесными узами различных соглашений, объединены в различных общескандинавских советах — от межпарламентского до научного. Однако во внешней политике они четко делятся на две группы: страны Организации Северо-Атлантического договора (НАТО) — Дания и Норвегия — и страны нейтральные — Швеция и Финляндия. Нейтралитет этих двух последних имеет разную "направленность": Швеция тяготеет к западным государствам, Финляндия — к Советскому Союзу. Но если Швеция — это суверенное и независимое государство, то суверенитет Финляндии заметно ограничен. Внешняя (и внутренняя) политика Финляндии во многом определена Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР, срок действия которого недавно продлен на 20 лет. Швеция же не связана подобным соглашением ни с какой страной.

Во всех скандинавских странах (как, впрочем, и в большинстве стран мира) существуют общества дружбы с СССР. Их обычно рассматривают как культурно-пропагандистский придаток к советскому посольству и местной просоветской компартии. Иначе обстоит дело в Финляндии. Здесь общество "Финляндия—СССР" имеет значительное влияние, и, например, когда в мае 1983 г. городские власти запретили англичанам снимать фильм о А.Д.Сахарове, это случилось под давлением вышеупомянутого общества. А не так давно почетным председателем этого общества был избран сам президент Финляндии.

В декабре истекшего года в Хельсинки вышла книга президента М.Койвисто. Президент, который в Финляндии определяет внешнюю политику страны, подчеркивает в своей книге важность дружбы с СССР, обращается к другим скандинавским странам с призывом отбросить "подозрительность", которая "тлеет" в этих странах, — подозрительность по отношению к восточному соседу.

Широко известно, что финские власти возвращают беглецов из СССР назад, в руки советских пограничников, то есть в конечном счете в лагеря и психбольницы. Делается это в той самой стране, где были подписаны знаменитые Хельсинкские соглашения. Финская пресса избегает писать о подобных вещах. Цензура и самоцензура в Финляндии — если речь идет о критике СССР — тоже явление общеизвестное и, как и выдача беглецов, вытекает, очевидно, из вышеупомянутого Договора о дружбе. Президент Финляндии рассылает редакторам главных газет страны циркулярное письмо, предписывающее им линию поведения по отношению к СССР. Список членов небольшой фин-

ской организации, поддерживающей польскую "Солидарность", хранится в министерстве юстиции и, как намекает патская газета "Политикен", в КГБ СССР. Этим людям запрещено собирать денежные пожертвования в помощь "Солидарности". (Справедливости ради добавим, что все-таки этой организации разрешено существовать, и острокритические книги об СССР все же выходят: недавно в финском переводе издана книга А.Зиновьева "Зияющие высоты").

Термин "финляндизация", означающий некую вассальную зависимость от СССР, не для всех звучит как бранное слово. Ведь альтернативой финляндизации могло быть превращение в одну из советских республик, что и замышлял Сталин в 1939 г. В этом смысле финляндизация для Финляндии — несомненное благо. А с точки зрения многих поляков финляндизация Польши была бы решением многих сложных проблем.

Иное значение имеет это понятие для других скандинавских стран. Члены верных Москве компартий, а также часть "сторонников мира", безусловно одобряют финляндизацию как желательную модель для своих государств. Летом 1983 г. на международной конференции сторонников мира в датском городе Силькеборге (а там были далеко не одни коммунисты) висел на видном месте плакат: "Финляндизация означает свободу и мир, американские ракеты — ненависть и войну". Впрочем, такая установка на финляндизацию характерна только для небольшой части населения в скандинавских странах.

Недавно в западноевропейской печати появился другой термин, образованный по аналогии со словом "финляндизация". Это — "данизация". Что же такое произошло в Дании, если вдруг возникло это слово? Что опять не ладится в датском королевстве?

Дания — член НАТО. Когда в 1979 г. странами НАТО было принято знаменитое "двойное решение" (смысл которого заключался в том, что если СССР не уберет своих ракет SS—20, то страны НАТО начнут с конца 1983 г. установку "Першингов" и крылатых ракет), то датские социал-демократы, стоявшие тогда у власти, проголосовали за это решение. Но как только они оказались в оппозиции (в конце 1982 г.), они стали выступать против размещения американских ракет (отметим, что ракеты эти не должны были устанавливаться в Дании, речь идет просто об отношении к данному факту). Когда в фолькетинге (датском парламенте) был поставлен вопрос о ракетах, социал-демократы внесли резолюцию, призывающую отказаться от этого шага. Трижды принимались аналогичные резолюции — последний раз в конце декабря 1983 г., и каждый раз они собирали большинство голосов. Правительственные партии голосовали против, но в отставку не ушли. В органах НАТО датские официальные представители вынуждены

были излагать точку зрения большинства парламента, а не правительства и, по словам одной газеты, "говорить то, чего не думают, и думать то, чего они не говорили". В системе НАТО Дания, таким образом, в декабре 1983 г. заняла особое положение, аналогичное разве только положению Греции. Эта позиция, — пишет датский профессор Б. Норретранденс, — "исторический шаг к балканизации Северной Европы".

Многие обозреватели полагают, что политика социал-демократов, "повернувшихся на 180 градусов", со временем логически приведет их к требованию выхода Дании из НАТО. Сами социал-демократы отрицают такую тенденцию, заявляют о верности союзническим обязательствам, но одновременно подчеркивают, что их поведение продиктовано желанием остановить гонку вооружений.

Впрочем, социал-демократы не едины: находятся среди них (и в Дании, и в Норвегии) и такие, кто выступает против политики партийного руководства и даже в парламенте не голосует за социал-демократические внешнеполитические резолюции. Тем не менее можно констатировать, что за последние полтора—два года "левые" социал-демократы усилили свои позиции, добились большего влияния внутри партии.

Позиция датских и других скандинавских социал-демократов по вопросу о ракетах и — шире — об отношении к СССР полностью совпадает с позицией западногерманских социал-демократов и в корне отличается от позиции итальянских и французских социалистов. Историки усматривают корни этой позиции в прошлом датской социал-демократии. Во время Первой Мировой войны, например, эта партия выступала не столько против кайзеровской Германии, сколько против США, считая "власть доллара" более опасной, чем власть Вильгельма. Во времена Второй Мировой войны социал-демократы оказались весьма уступчивы по отношению к требованиям, которые предъявлял Гитлер. А теперь они все более уступают нажиму со стороны СССР.

Социал-демократические партии в Скандинавии — крупнейшие по численности и количеству голосующих за них избирателей. Нынешнее благоденствие, высокий жизненный уровень и надежное социальное обеспечение — всем этим страны Северной Европы обязаны социал-демократам и профсоюзам, которые возглавляются социал-демократами. Поэтому судьбы Скандинавии во многом зависят от дальнейшей эволюции этих партий. В Кремле это прекрасно понимают и, надо думать, не жалеют средств для того, чтобы превратить социал-демократические партии в филиалы движения "сторонников мира", для усиления тенденций "данизации" и, в конечном счете, "финляндизации" Северной Европы. Но решающее значение будет иметь не советское тайное или явное влияние, а линия поведения самих социал-демократов, которые переживают сейчас кризис.

Иногда кажется, что некоторые ведущие социал-демократы флиртуют с Советским Союзом. Это впечатление нашло свое подтверждение в скандале, разыгравшемся недавно в Швеции. Как известно, в шведских шхерах не раз появлялись советские подводные лодки, что является грубым нарушением международного права и суверенитета этой нейтральной страны. В конце апреля 1983 г. в Швеции был обнародован отчет специальной комиссии, где говорилось, что осенью 1982 г. советские подводные лодки не менее шести раз нарушали шведский суверенитет. В декабре 1983 г. газета "Свенска дагбладет" опубликовала сведения "из достоверного источника" (очевидно, из министерства иностранных дел) о том, что через несколько дней после опубликования этого отчета премьер-министр Швеции и лидер шведских социал-демократов Олоф Пальме вел секретные переговоры с членом ЦК КПСС Георгием Арбатовым. Вел он их не непосредственно, а через своего близкого друга и сотрудника — посла Швеции в ООН Андерса

Ферма и, что весьма существенно, через голову министра иностранных дел. Газета доказывала, что Ферм от имени Пальме, а, стало быть, от имени правительства, предложил Арбатову (и через него советскому правительству), что если СССР прекратит посылать свои подводные лодки к берегам Швеции, то Швеция согласится забыть все случаи нарушения своего суверенитета.

А через несколько дней министерство обороны IIвеции сообщило, что осенью 1983 г. было по меньшей мере три бесспорных случая нарушения шведских территориальных вод советскими подводными лодками, причем, как и год назад, речь идет о лодках нового типа — о так называемых мини-лодках на гусеничном ходу. И это вблизи самого Стокгольма и секретных шведских военных сооружений.

Согласно сообщениям западных средств информации, тот же Г.Арбатов сказал 25 апреля 1983 г. в Вашингтоне: "Шведы наивны, если он верят, что их политика нейтралитета и резкие протесты могут помешать Советскому Союзу продолжать деятельность своих подводных лодок в шведских водах. Эта форма действий входит в образ поведения любой сверхдержавы."

Продолжая мысль Г.Арбатова (он, разумеется, вскоре отказался от этих слов), можно сказать, что многие скандинавы наивны и в других вопросах. Наивны, если полагают, что одностороннее разоружение повлечет за собой разоружение Советского Союза. Наивны, когда думают, что выход Дании или Норвегии из НАТО гарантирует им нейтралитет в случае войны.

ИЗ ГАЗЕТ: 30 ЛЕТ НАЗАД

Позиция Советского Правительства в отношении Северо-Атлантического договора хорошо известна. Правительство СССР не разделяло и не может разделять в настоящее время ту точку зрения, что указанный договор носит оборонительный характер. При этом Советское правительство исходит из того, что Северо-Атлантический договор создает замкнутую группировку государств, игнорирует задачу предотвращения новой германской агрессии, и, поскольку из великих держав, входящих в антигитлеровскую коалицию, в этом договоре не участвует только СССР, Северо-Атлантический договор не может не рассматриваться как агрессивный договор, направленный против Советского Союза.

Совершенно очевидно, что "Организация Северо-Атлантического договора" могла бы при соответствующих условиях утратить свой агрессивный характер в том случае, если бы ее участниками стали все великие державы, входившие в антигитлеровскую коалицию. В соответствии с этим, руководствуясь неизменными принципами своей миролюбивой внешней политики и стремясь к уменьшению напряженности в международных отношениях, Советское Правительство выражает готовность рассмотреть совместно с заинтересованными правительствами вопрос об участии СССР в Северо-Атлантическом договоре.

Нота Советского правительства правительствам Франции, Великобритании и США ("Правда", 1 апреля 1954 г.)

Документ, опубликованный в "Правде", по-видимому, не был первоапрельской шуткой. Тем не менее всерьез его не приняли, и на просьбу СССР о приеме в Северо-Атлантический пакт последовал иронический отказ. Разрядка наша. — Ред.

КАК ЭТО ПРОИСХОДИТ

Одно из наиболее известных последствий "финляндизациии", которому, однако, мировая общественность почти не уделяет внимания, это выдача финскими властями советских беженцев. Можно думать, что в течение послевоенных лет число лиц, выданных Финляндией Советскому Союзу после перехода ими границы, исчисляется сотнями. Хотя об этой политике Финляндии в СССР, в общем, известно, попытки бегства (если не в Финляндию, то через нее — в Швецию) повторяются вновь и вновь. Вновь и вновь Финляндия выдает захваченных перебежчиков, которых ждет в СССР лагерь или психбольница. Поименно известны лишь немногие. В "Списке политзаключенных", ежегодном приложении к бюллетеню "Вести из СССР", можно найти имена москвича Антона Авдеева и эстонца Хиллара Пруунсилда, выданных в 1982 г., литовца Ионаса Пакуцкаса, выданного в 1981 г., жителя Вильнюса Вячеслава Черепанова, выданного в 1980., и других.

Мы публикуем ниже рассказ одного из выданных Финляндией перебежчиков, рабочего Александра Шатравки. Александр Шатравка (р. 1950 г.), житель г. Кривой Рог на Украине, в 1974 г. пытался вместе со своим братом Михаилом и еще двумя друзьями бежать через Финляндию в Швецию. Возвращенный назад, он провел пять лет в психбольницах общего и специального (тюремного) типа. Историю своей попытки бегства и то, что он пережил во время принудительного "лечения", А. Шатравка описал в своей книге "Если ты болен свободой..."

В 1982 г. А. Шатравка присоединился к созданной в СССР независимой группе за установление доверия между СССР и США. В этом же году он был арестован вместе со своим другом Владимиром Мищенко в Тюменской области при попытке собрать подписи под петицией в защиту мира среди рабочих леспромхоза. Его приговорили к 3 годам лагерей.

Рассказ А. Шатравки — глава из его книги, к сожалению, до сих пор не опубликованной. Мы печатаем ее с небольшими сокращениями. В тексте сохранена стилистика автора.

* * *

"Непроходимая" граница — мутная, широкая, с быстрым течением река — отделяет нас от оставленной земли. Счастливые и уставшие, мы растянулись прямо на тропе, протоптанной финскими пограничниками. Лишь эмблема со львом с саблей в лапе и надпись "Суоми" на полосатом блестящем сине-белом столбе подтверждают реальность происходящяго.

Немного отдохнув, опьяневшие от счастья, поздравляем друг друга с долгожданным достижением свободы. Подпрыгивая, горланим какую-то песенку, забыв полностью о поджидающих впереди опасностях. Эта минута была одной из самых счастливых в моей жизни.

Перебравшись через ограду, сделанную из жердей (одно из самых сложных сооружений финской границы, охраняющее своих граждан и оленей от незаконного перехода в СССР), мы двинулись в путь будто по какой-то неизведанной планете. Огромная просека открылась неожиданно перед нашим взором. Прямо на запад в синей дали виднелась одинокая сопка. Прошли часа два по просеке. Слева, невдалеке от нас показался одинокий заброшенный домик на живописном берегу озера.

— Зайдем? Может, тебе, Борис, какую-нибудь обувку найдем, — предложил я, указывая на босые ноги Бориса. — Ведь так дальше идти нельзя.

Посовещавшись, решили зайти.

Добротный, заброшенный дом с выбитыми стеклами в рамах, под жестяной крышей, с выкрашенными в ярко-шоколадный цвет стенами. Маленькая бревенчатая финская банька стояла на самом берегу. Обследовав шкафы и полки полированного кухонного гарнитура на кухне, мы нашли немного кофе и сахара. Небрежно обрубленные резиновые сапоги, которые мы нашли на чердаке, послужили Борису новой обувкой. Скрывшись от назойливых комаров в маленькой баньке, Анатолий с Борисом тут же завалились на голую банную полку и вскоре заснули.

Сон овладел вскоре и нами с братом. Потеснив приятелей, мы завалились на голые доски и тут же заснули.

Вертолет пронесся низко над крышей, грохоча моторами.

- Что это? Откуда взялся вертолет? спрашиваем друг у друга, разбуженные шумом.
- Спите, это пожарный вертолет лес проверяет, буркнул Толик и перевернулся на другой бок.
 - A-a-a... пожарный.

И мы, поудобней примостившись, снова провалились в сон.

– Пажи идут, пажи! – сквозь сон послышался перепуганный голос Анатолия.

Не поняв толком, в чем дело, что за "пажи", все разом вскочили. Сон как рукой сняло. Тут же отворилась дверь.

Человек в хаки с автоматом за спиной, держа на коротком поводке собаку, обратился к нам по-фински. Не получив никакого ответа, он так же спокойно вышел, захлопнув за собой дверь.

- Приехали, кажется, надув щеки, качая головой, печально сказал Борис. Надо же было в этот дом заходить! Я как чувствовал, что произойдет что-то недоброе. Говорил вам: "Пойдем дальше".
- Что ж теперь поделаешь! Влипли, так влипли, не веря или не желая верить в случившееся, произнес я.

Мы не нашли ничего более подходящего, как спрятать под пол все документы, а гакже все предметы с советским клеймом. Себя мы решили выдать за канадцев украинского происхождения, желающих нелегальным путем пробраться в СССР.

Три финских пограничника, усевшись прямо на траве, о чем-то болтали, побросав возле себя автоматы и небольшую рацию.

Увидев нас всех четверых, высыпавших из избушки, финны вскочили в ожидании непредвиденных действий с нашей стороны. Показывая нам жестом — поднять руки вверх, приблизились. Ощупали за пазухой и за поясом, вытащили ножи из карманов. Не обратив на них особого внимания, отдали обратно. Убедившись в отсутствии огнестрельного оружия, финны снова уселись на траве.

Сели на траву и мы. Завязалась самая что ни есть дружественная беседа. В ход пошли жесты, весь небольшой запас иностранных слов, который мы знали. Угощая сигаретами курящих, разложив на траве карту-километровку, финн, ведя по ней пальцем, показал весь наш маршрут от самой границы, одновременно, в доказательство, показывая найденную пустую пачку эстонских сигарет "Тулуки" и обрывок кеда.

- Куда пойдем теперь? спросили мы их, кто как мог.
- Два километра дорога, мягко выговаривая слова, по-русски, сказал финн и показал по карте город Кусамо.

- − Нас − в Россию? Ту Раша?
- Я, я, Раслэнд, показывая на нас, потом в сторону Союза, пояснил финн.
- "Трояк" решетки ждет нас там, показываю ему на пальцах, скрестив их.

Поняв, что это означает, переговорив между собой, покачали головами, сожалея о нашем незавидном положении.

Небольшой, похожий на стрекозу вертолет подлетел неожиданно и приземлился. Пожилой здоровенный финн в шляпе, не обращая внимания на нас, прямо с вертолета направился в баньку.

Не прошло и минуты, как он вышел, держа в руках все, что мы так старательно спрятали под доски пола. Отдав команду пограничникам, он вскочил в вертолет. Вертолет тут же легко поднялся и так же быстро исчез.

Подошли две остальные поисковые группы финнов. Мы тронулись в путь.

Неожиданно небо закрыли сплошные, серые тучи. Хлынул проливной дождь, мгновенно промочив нас до нитки. Колонна растянулась на добрый километр. Где-то далеко впереди колонны с компасом шел финн. За ним метров через двадцать — другой, третий. Идем, растянувшись, и мы. Следом за нами бредут по щиколотку в воде остальные "пажи".

Измученные и уставшие, вышли, наконец, на мокрую асфальтированную дорогу. Не заставляя долго себя ждать, из-за поворота выскочили три легковые машины и следом, замыкая колонну, малолитражный автобус. Поравнявшись с нами, резко затормозив, машины развернулись и встали.

Мокрые собаки, завидя автобус, не обращая внимания на окрики и рывки поводка, скуля и лая, рвались в него. Стоящий подле меня финн, выругавшись, бросил поводок. Собака стрелой влетела в автобус. Следом за ней — остальные.

В полицейской четырехместной "Волге" тепло и уютно. Плавно тронувшись, машина покатилась, шурша колесами по мокрому асфальту. Временами включалась рация, нарушая тишину в кабине. В передней красной "Волге" видно было голову Бориса, сидящего рядом с пограничником. Сзади, выдерживая дистанцию, катился желтый "Фольксваген", за ним — остальные машины с братом и Анатолием.

Финляндия сразу же поразила своей красотой не только меня, но и моих товарищей. Финляндия и Советская Карелия — какое сходство и какой контраст! Одинаковая природа и те же климатические условия, одинаково прекрасные леса и сопки, такие же тысячи голубых озер. Но на этом, пожалуй, и заканчивается все сходство.

Длинной серой лентой тянется без единой выбоины и трещины дорога. По оси дороги — ярко-желтая разметка. Через каждые два—три километра то вправо, то влево от главной дороги убегают в лес к какому-нибудь одинокому хутору асфальтированные дороги поуже. Совсем иное дело — дороги Советской Карелии. Ухабистые, труднопроходимые, ведущие к населенным пунктам с почерневшими и покосившимися от времени домишками или выстроенными наспех пятиэтажными, с сараями, обложенными поленницами дров со всех сторон.

Деревянные, с огромными щелями мостовые вместо тротуаров, грязные грузовики, мрачные, суровые люди в фуфайках и кирзачах. А здесь аккуратные двухэтажные фермерские домики, выкрашенные яркой желтой и коричневой краской с пристройками гаражей и подсобных помещений для скота и дров, заасфальтированные дворики с несколькими пестрыми малолитражками, миниатюрными тракторами, косилками мелькают за окном автомобиля. Поразили еще бидоны с молоком, выставленные на специально сделанные для них платформы на обочине дороги. Фермеры их вывозят из своих отдаленных хуторов на главную дорогу и оставляют никем не охраняемые. Про-

едет сборщик, соберет все молоко, и притом наверняка без всякого надувательства.

Въехали в небольшой уютный городок с разноцветными двухэтажными домиками, огороженными штакетником, с клумбами цветов, пестрыми вывесками магазинов и прочих заведений. Аккуратно и со вкусом одетые дюди, разноцветные автомобили всех цветов радуги — все радовало глаз. Как загипнотизированные, не замечаем, что машина въехала на территорию, обнесенную сетчатым забором...

Дождь кончился. Солдаты, кто в хаки, кто в синей форме, сидят на ступеньках, греясь на солнышке. Они не обратили на нас никакого внимания. Проведя нас внутрь, нас разместили поодиночке в разных помещениях. Я оказался в просторной комнате с двумя кроватями. Возле окна стоял письменный стол с разнообразными на нем журналами.

 Садитесь, — жестом предложил солдат, показывая рукой на стул, сам остался стоять в дверях с перекинутым через плечо автоматом.

Промокший до нитки под дождем, я уселся на стул возле стола и взял один из журналов. Однако не успел я толком разглядеть обложку, как подошел финн, забрал журнал и положил подальше на окно. Сказав что-то, он указал на койку, видимо предлагая лечь. Свернувшись калачиком под тонким, армейским одеялом, я вскоре согрелся и уснул.

...Кто-то усердно тормошил меня. Согревшийся, но еще мокрый, встаю и направляюсь за зовущим меня финном.

Худощавый финн в военной форме сидел за письменным столом в комнате, куда меня ввели. Спросив, владею ли я каким-нибудь иностранным языком и получив отрицательный ответ, он начал допрос на русском, сильно коверкая слова.

- Зачем вы перешли советско-финскую границу? Знаете ли вы, что финские власти имеют договор с Советским правительством о выдаче перебежчиков? спросил он.
- Мы шли в Швецию, так как знали, что Финляндия выдает перебежчиков, и собирались там просить политического убежища. А сейчас, находясь у вас, прошу предоставить нам возможность встретиться с любым официальным представителем Соединенных Штатов, закончил я.
- Хорошо, мы посмотрим. А сейчас, прошу... Он показал на стол, где я сразу же узнал наши документы, разложенные в беспорядке.
 - Выберите из всех этих документов только свои.

Особого труда выбрать свои документы не составляло, и вскоре все они лежали передо мной.

- Хорошо, - произнес финн, проверив правильность выбора.

На этом и закончилось первое знакомство с представителем финских властей.

Голод брал свое. Проголодавшись, почти ничего не евши за последние сутки, с нетерпением ждали минуты, когда финны предложат перекусить.

– Пошли, – махнув рукой, позвал часовой.

Борис, брат и Анатолий вместе со своей охраной уже стояли на первом этаже, дожидаясь меня.

Детишки бегали, играя, на территории части. По-прежнему о чем-то беседуя, сидели на ступеньках солдаты. И опять они не обратили на нас ни малейшего внимания, словно с подобными перебежчиками они имеют дело ежедневно и давно уже к ним привыкли.

Столовая располагалась тут же рядом, в одноэтажном деревянном здании, выкрашенном в яркий шоколодный цвет. Просторный зал с накрытыми белыми скатертями столиками, с салфетками на них, белоснежные занавески на окнах — все это создавало уют, от которого столовая больше напоминала первоклассное кафе. Молодая и симпатичная девушка-официантка то и дело появлялась из дверей кухни, пополняя запас еды, выставленный на длинном столе. В больших фарфоровых, с узорными рисунками чашах стоял ароматно пахнущий колбасный суп. Тут же на столе стояли тарелки, полные яиц, пакетики с маслом и молоком. В блюдечках красовались розовые шарики мороженого.

Офицер поджидал нас в столовой. Взял тарелку, налил ее доверху супом, подал одному из нас, показывая далее жестом: мол, берите тарелки и наливайте себе сами.

Официантка только успевала наполнять то и дело пустевшую чашу. Управились с первым блюдом, съев чуть ли не всю чашу, которой, наверняка, хватило бы на целый взвод. Запив обед молоком из пакета, мы собрались уже уходить, как тот же финн предложил взять себе мороженого. И эта дополнительная порция провалилась словно в бездонную бочку.

Подошел вечер. Солнце низко катилось над горизонтом. Нас с Анатолием посадили на заднее сидение "Фольксвагена" (брата с Борисом увезли раньше). Спереди уселись шофер с тем, владеющим русским языком представителем властей, что вызывал нас на первый допрос. Воинская часть осталась позади. Выехав за ворота, машина помчалась по улицам спящего городка.

- Вы нас выдадите обратно? поинтересовался мой напарник у худощавого финна.
- Не могу точно сказать. Это будет ясно в понедельник, через два дня, ответил он.

Машина подъехала к двухэтажному зданию из стекла и бетона. Высокий финн, с плотной фигурой, рыжей бородкой, с длинноватой по советским стандартам прической, одетый в легкую тенниску и непривычные для нашего глаза шорты, старательно делал уборку внутри помещения гудящим пылесосом. Другой, пожилой, проверив наши карманы, забрал под хранение ножи заодно с поясными ремнями.

Длинное, с толстыми вертикальными прутьями окно. Прямо под окном небольшой столик. Справа от столика — каменный топчан с выложенным сверху из тесаных брусьев удобным ложем. Унитаз с умывальником дополняли скудную обстановку камеры.

Застелил новые простыни на новом матраце, накинув поверх шерстяное одеяло. Спать не хотелось. Красная "Волга" и тут же знакомая нам полицейская машина стояли возле дома. Магазин, бар с неоновой вывеской на втором этаже и вереница оставленных на ночь машин стояли по другую сторону улицы. Парочки в разноцветных курточках и брюках, столь с виду похожие, что трудно было отличить его от нее, бродили, обнявшись, по улочкам спящего городка. Маленькая собачонка, еще щенок, бегая вдоль проволоки, протянутой под стеной, была единственным стражем тюрьмы, заменяя храпящего, наверное, уже не первый час полицейского.

Наступило утро. Люди и машины заполнили улицу, наполнили ее шумом деловой жизни. Только у нас, в стенах тюрьмы все оставалось по-прежнему тихо и спокойно. Отсутствие охранников давало нам шанс поговорить меж собой. Финляндия своей красотой покорила нас, и каждый был готов остаться жить в этом маленьком городке. Когда же разговор заходил о возможной выдаче нас в СССР, и мы были единодушны, предпочитая лучше до конца своих дней просидеть в камерах этой тюрьмы, чем возвратиться в Советский Союз. Удивляло нас также отсутствие финских заключенных. Из восьми камер тюрьмы мы занимали четыре, остальные пустовали.

Рыжебородый финн показался снаружи, неся в руке большую корзину. Загремели засовы дверей в коридоре.

Зайдя в камеру, он не торопясь стал вытаскивать из своей корзины различные пакеты, аккуратно раскладывая их на столе. Наконец, налив кофе в маленькую чашечку,

стоящую на блюдечке, положив несколько кусочков сахара рядом, он удалился, не забыв запереть за собой дверь на ключ. "Хорош завтрак, но мал, — подумал я про себя. — От такого только сильней разыграется аппетит".

Спедствие, наперекор нашим ожиданиям, началось в тот же день, в субботу, сразу же после завтрака.

Первого вызвали брата, за ним Бориса, и вскоре очередь дошла до меня.

– Пошли, – позвал меня рыжебородый.

Увидев, что я сижу на постели в одних плавках и собираюсь надеть брюки, он замахал руками: мол, не надо, пойдем так. Не надо, так не надо. И, бросив брюки на постель, в одних плавках я пошел за ним.

В большой светлой комнате с открытым, без решетки окном, с письменными столами, заваленными кипами бумаг, меня встретил худощавый, низенького роста человек. Сказав что-то, он исчез в соседней комнате. Я остался один. Сразу же мелькнула мысль: бежать! Открытое окно, первый этаж... Секунда — ты там. Но как без брюк? Далеко ли убежишь? Хитер рыжебородый, все рассчитал. А может, они нас выдавать и не собираются?

Пока я рассуждал и решал как быть, худощавый финн вернулся, держа в руках фотоаппарат со вспышкой.

Покончив с фотографированием и снятием отпечатков пальцев, меня снова водворили в камеру. Я надел на всякий случай брюки. Авось предоставится возможность бежать, может даже при содействии самих финнов?

Снова та же комната. По-прежнему открыто окно. Молодой финн с плотной фигурой, в белой синтетической с короткими рукавами рубашке, с волосами льняного цвета, прикрывающими уши, сидел за письменным столом. Его простодушное лицо расплылось в приятной улыбке. Рядом с ним также в гражданской одежде сидел на стуле пожилой, сухощавый мужчина. Он представился учителем русского языка одной из местных школ и сказал, что будет выполнять роль переводчика.

Покончив с общими вопросами — фамилия, имя, год рождения, адрес, где учился, работал, какого года рождения родители и где работают, — следователь, не переставая печатать на машинке, задавал все новые и новые вопросы.

Я рассказывал ему о своих мытарствах, связанных с попытками легального выезда за границу. Рассказывать пришлось подробно, со всеми интересующими его деталями. Он выстукивал на машинке каждое мое слово, стараясь не упустить ни одно из них.

Следователю мои ответы, видимо, пришлись по душе. Получив очередной ответ, он с довольной улыбкой заносил его в протокол.

- Вы нас выдаете? задал я ему самый главный, волновавший нас вопрос.
- Мы это вынуждены сделать. У нас существует договор о взаимной выдаче переходчиков границы. Если бы вы попросили убежища, будучи туристами, тогда мы в праве были бы вам его предоставить, пояснил переводчик.

Поговорив еще немного, следователь протянул мне протокол допроса, отпечатанного по-фински, и попросил расписаться. Допрос закончился.

Прошел шикарный обед и ничем не хуже обеда — ужин. Наступил вечер.

Рыжебородый, как мы поняли, являлся одновременно начальником тюрьмы, шофером полицейской машины, надзирателем и заменял собой целую бригаду хозобслуги. Принося пищу, он частенько приводил с собой своего сынишку. Малыш не боялся нас, а только подолгу смотрел на нас удивленными глазами.

Баня, а вернее душ находился в нише коридора, отгороженный занавеской. Первым помылся Толик. Затем предложили помыться мне. Полицейский включил воду и, что-то

сказав, удалился, оставив меня наедине с обилием моющих средств: различных коробок, пакетов, банок, флаконов, не объясняя их назначения, рассчитывая, видимо, на мою цивилизованность. Сыпя и выливая на себя различные порошки и жидкости, коекак вымылся.

14 июля. Обыкновенный воскресный день. Никто из нас и представить себе не мог, что судьба наша была уже решена, и эти часы были последними на финской земле.

Тюрьма неожиданно ожила. К выходу подъехало несколько легковых машин. Открылась кормушка в двери камеры, и несколько лиц молодых полицейских показалось в ней. В коридоре кто-то суетился, слышалась оживленная финская речь. Дверь камеры отворилась.

Выведя меня в коридор, полицейский тут же надел мне на руки массивные наручники, завинтив их на запястьях так, что при желании не составляло особого труда выдернуть из них руки. Борис уже сидел в "своем" красном "Вольво"; меня усадили опять в ту же синюю полицейскую машину, брата — в рядом стоящий желтый "Фольксваген". Анатолия, как бывшего пограничника, усадили с его финскими коллегами и парой поисковых собак в малолитражный автобус. Колонна, выехав за город, двинулась в южном направлении.

— Куда мы едем? В аэропорт? В Хельсинки? — пытался выяснить я у сидящего рядом полицейского на немного знакомом мне английском.

Тот пожав плечами, дал понять: мол, не в курсе дела.

Куда они нас везут? Граница проходит на востоке, а мы движемся на юг. Может быть, в центральный город района? А может быть, и на выдачу. От такой догадки возникло жгучее желание схватить сидящего впереди шофера так, чтобы на скорости он потерел управление и пустил машину в кювет. А там будь, что будет! Удастся удрать — хорошо, нет — так нет. Однако при мысли, что нас везут в другой город (а направление движения совпадало) я тут же отказывался от своего отчаянного плана. Я положился на судьбу.

За окном мелькали озера, небольшие стада оленей, одинокие придорожные бары. Навстречу ехали вереницы встречных автомобилей, некоторые тянули за собой прицепы для ночевок и отдыха. За рулем можно было видеть в основном молодежь: юноши и девушки. Как я завидовал им! Почему я не имею права жить как они? Быть свободным в перемещении, хотя бы как турист. Работать, как они, на себя, иметь машину... Счастливые они люди! А тут в случае выдачи тюрьма ожидает... И за что? За то, что хочу жить как человек, не быть придатком государственной машины.

Ком горечи и обиды подступил к горлу от всех этих мыслей.

Резкий поворот — и машины выехали на узкую асфальтированную дорогу, ведущую вглубь леса на восток. Проехав на малой скорости с полкилометра, мы въехали на территорию финской пограничной заставы. Одинокий добротный дом, окруженный сетчатым забором, стоял прямо в лесу.

— Саня! Нас выдавать привезли, я советскую машину с вымпелом видел! — не обращая внимания на охрану, громко закричал Борис. Мгновенно оборвалась тонкая нить надежды. Значит — в Союз. Опять туда — к ним.

Бориса опять посадили в "его" машину, Толик занял "мою", и, как бы зная наперед о нашей предстоящей разлуке с братом, финны решили посадить нас вместе.

Не успели сесть, как чья-то крепкая рука вцепилась в мою правую кисть и сгала сильно трясти ее. Резко повернувшись, я увидел добродушную физиономию следователя. Выражение его лица говорило: я виноват, но не по своей воле. Извиняющимся тоном

он что-то говорил и говорил по-фински, тряся все сильней и сильней мою руку. Выругавшись, я выдернул руку. Какой толк в этих прощаниях?

Проехав немного по черной, узкой асфальтовой дороге, с простирающимся по обе стороны лесом, машины остановились.

Два пожилых финна-конвоира, разместившись на переднем сиденьи тесноватого кузова микроавтобуса, искоса поглядывали на нас. Третий, помоложе, усевшись напротив, уставился в лобовое стекло. Небольшая, незлая поисковая собака-овчарка растянулась у ног пожилых финнов и изредка поглядывала на нас. Все замерли. Впереди сквозь стекло кабины виднелись полосатые пограничные шлагбаумы. Зеленые фигуры советских пограничнов метались по ту сторону границы. Временами доносились обрывки их неразборчивых фраз. Они ждали...

Красный "Вольво" с Борисом стоял впереди нашего "Форда". Позади в каком-то метре от нас — тот синий полицейский "Вольво", в котором мы ехали до границы и который пришлось совсем еще недавно сменить на этот мало удобный "Форд". Справа от полицейского на заднем сиденьи отчетливо можно было видеть второго нашего попутчика Анатолия. Серьезный, весь сжавшийся, как бы окаменевший, он ожидал чего-то страшного, что должно было произойти с минуты на минуту.

Финский офицер с несколькими пограничниками подошли к передней машине. Открылась дверца. Неуклюжая, здоровенная фигура Бориса в изодранных джинсах, в обрубках резиновых сапог на ногах предстала перед нами. Ему выпало "счастье" быть первым.

Поднялся первый шлагбаум. За ним второй. Он там.

Ненависть к тем, по ту сторону, презрение к финнам затмили разум. Что делать? Как избежать выдачи? Как? Взор упал на черный массивный автомат. Молодой финн уткнул приклад автомата в пол машины и сидел по-прежнему приникнув к окну. Наручники довольно свободно болтались на моих руках, скрепленные между собой длинной цепью. Рывок. Одна рука крепко вцепилась в ствол автомата, другой за курок тяну к себе. Но что это? Финн почти не сопротивляется, а другие двое пассивно наблюдают за происходящим. Собака следила за возней, спрятав морду за ногами пограничников, остерегаясь удара. Она спокойно смотрела своими умными глазами на происходящее. "Без патронов оно, точно" — решил я. Бросаю автомат и тут же ударом ноги от злости выбиваю окно машины. Стекло вместе с уплотняющей его резиной летит на асфальт, не разбиваясь. Финны по-прежнему соблюдают спокойствие, как будто ничего не произошло. "Суоми швайн!" — ругаю невозмутимых финнов и начинаю оплевывать в выбитое окно стоящий сзади "Вольво". Шофер, полицейский и Анатолий, застыв, смотрят изза заплеванного окна машины. На что угодно, на любое самое тяжелое испытание был готов я пойти в эту минуту, только не туда — не в это ненавистное рабство.

Подошел офицер, показал жестом: "Пошли!" Выругавшись на прощанье, хлопнув дверцей, словно на казнь, поплелся возле офицера. Ненавистные зеленые фигуры, словно лесные черти, приближались с каждым моим шагом. Секунда... и Финляндия осталась позади. Невидимый железный занавес закрылся. ●

Ефим ЭТКИНД (Париж)

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЖИ И КОСВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Литература в открытом и закрытом обществах

Ложь не противопоказана литературе — напротив, она ее определяющее свойство. Поэт обманывает читателя, уверяя его, будто "солнца раскаленный шар с главы своей земля скатила" или будто бы у него, поэта, "нервы — большие, маленькие, многие — мечутся и уже у нервов подкашиваются ноги". Создавая образы людей, выдумывая ситуации, порою более правдоподобные, чем в жизни, писатель — по меркам здравого смысла — лжет. Тем не менее ложь его служит для выражения глубинной правды, той, которую прямо выразить нельзя: потому ли, что "стихом размеренным и словом ледяным" этого не достигнешь, или потому, что внешние запреты ограничивают автора. Таковы две главных причины косвен ност и литературы: прямое слово невозможно изза невыразимости истины или из-за ее запретности. В западных условиях действует как правило первая причина, в Советском Союзе преобладает вторая. Результат и в том и в другом случае — косвенность. Нельзя, однако, не видеть принципиальной разницы между внутренним кризисом художественного выражения в открытом обществе и внешним (цензурно-полицейским) запретом — в обществе закрытом.

Да и вообще ложь лжи — рознь. Свободная литература "лжет", стремясь выразить правду, — значит, во благо. Литература управляемая лжет, чтобы скрыть правду; присущими ей от природы косвенными формами она призвана выражать ложь о человеке в обществе — такова ее функция с точки зрения тех кто тщится управлять ею. Некоторая часть этой подопечной литературы, бессильная, утратившая честь, сдается и позволяет манипулировать собой; другая, бесконечно большая, по мере сил сопротивляется и создает новые варианты косвенности, надстроенные над изначальной.

Мир разделен не только в военном, политическом или идеологическом смысле, и литература ведет в обеих половинах неодинаковое существование. Многое, конечно, похоже; и там, и здесь литература — это словесное искусство, представленное традиционными родами, видами, жанрами. Однако структура этого искусства различна на Западе и на Востоке. Разные отношения сложились между государством и автором, автором и читателем, автором и его трудом, читателем и книгой, наконец, между отдельными частями словесности как таковой.

Государство и автор

В открытом обществе, будь то Западная Европа, США или Япония, государственные формы устроены с предумышленной неустойчивостью. Американский конституционный режим позволяет президенту править в течение четырех или, в удачном случае, восьми

лет; его сменяет представитель другой партии (неважно, похожа она или непохожа на первую) и приводит с собой на ключевые посты новых людей. Во Франции – нечто похожее, только президент избирается на семь лет. Таким образом, менее чем за 10 лет можно обновить административный аппарат и даже общественно-производственные отношения (как это пытаются сейчас сделать французы). Но нельзя насильственно повернуть литературу, нельзя обязать писателей обслуживать правительственную политику, прославлять руководителей и назначаемых ими чиновников. Это невозможно не только изза краткости сроков пребывания у власти отдельных лиц, но прежде всего в силу плюралистичности демократического общества: политические партии, которые то объединяются, то отталкиваются друг от друга, создают интеллектуальную атмосферу, политический и духовный климат, в котором все так или иначе ставится под сомнение; любой тезис, выдвигаемый президентом или министрами в качестве окончательной истины, может быть опровергнут оппозицией, которая находит аргументы для того, чтобы эту истину скомпрометировать или выставить на смех. Писатели не отказываются участвовать в этой игре, но скорее в качестве журналистов. В нынешней Франции странно представить себе поэтов, которые писали бы оды в честь Франсуа Миттерана, Жака Ширака или Мишеля Понятовского, воспевали бы борьбу правительства Моруа за стабилизацию франка или даже закон об отмене смертной казни. Ни романы, ни пьесы, ни киносценарии не могут служить непосредственно политическим целям. Даже телевидение, радио и пресса видят свое особое назначение в независимости и гордятся ею. Иногда эта независимость оказывается призрачной: во Франции Эрсан, в Германии Аксель Шпрингер овладели таким количеством газет и журналов, что каждый из них определяет направление политической мысли внутри своей империи. Но это все же не литература, а пресса.

В любой западной стране есть влиятельные писатели, так или иначе связанные с политическими партиями. Это, однако, не означает, что они "проводят политику" этих партий в своих художественных произведениях. Во Франции Морис Дрюон – активный член руководства неоголлистской партии, и это определяет его предвыборные речи, но не содержание исторических романов цикла "Проклятые короли"; в Германии Генрих Белль близок к социал-демократам, отчасти к "зеленым", но не это обусловило создание "Группового портрета с дамой" и даже "Потерянной чести Катарины Блюм". Правительства перед писателями не заискивают. Никто даже не пытается привлечь литератора себе на службу. Года два назад Миттеран посетил Второй Французский книжный салон но речей не произносил, указаний не давал, близких себе издателей или авторов никак не поощрял; напротив, тот факт, что во Франции сосуществуют 750 издателей различных направлений, в том числе и враждебных правящей партии и президенту, в глазах самого президента - нечто само собой разумеющееся, ибо это и есть проявление демократии в сфере культуры. В стране есть несколько союзов писателей, и каждый по-своему защищает профессиональные и творческие интересы своих членов. Союзы независимы и, конечно, бедны; даже прославленный ПЕН-клуб не может себе позволить увеличить ежегодно присуждаемую им премию Свободы, размер которой - 1500 франков равен стоимости среднего велосипеда или недорогого фотоаппарата.

В советском обществе все наоборот. Прежде всего, правительство или, во всяком случае, режим, который оно представляет, несменяемы; партия, пришедшая к власти в 1917 году, осталась единственной правящей партией. Она создала не только устой-

чивые бюрократические аппараты — административный, военный, полицейский, партийный, профсоюзный, - но и нужные ей идеологические органы. Постановление ЦК 1932 года о запрещении литературных организаций и создании единого писательского союза поставило последнюю точку. Союз писателей оказался совершенным орудием для управления этатизированной литературой. В него заведомо допускаются лишь те, кто доказал свою преданность режиму; прочие, не принятые в Союз, писателями не считаются и рассматриваются администрацией как тунеядцы, заслуживающие наказания. Союз писателей обеспечивает своих членов многочисленными привилегиями, каковые в полуфеодальном советском обществе имеют немалое значение; к числу этих даров, возбуждающих законную зависть и негодование рядовых граждан, относятся дома творчества, где литератор за льготную плату получает отдельную комнату, ресторанное питание, условия отдыха посреди благоустроенных парков, в горах или у моря; литературные поликлиники, где работают приличные врачи и где нет очередей; автомобили, которые другим гражданам достаются лишь после многих лет ожидания в очереди, туристические поездки за границу и многое другое. Взамен от писателей требуется только одно: писание верноподданических сочинений. Отказ соблюдать это условие приводит к исключению из Союза, утрате привилегий, а нередко и вообще всяких средств к существованию. Примеры известны: Ахматова, Зощенко, Пастернак, Чуковская, Владимир Корнилов, Солженицын, Войнович. Известны также случаи, когда возмущенные диктатурой Союза, писатели сами исключали его из своей жизни; так поступили Г.Владимов, С.Липкин, И.Лиснянская. Руководство Союза, возможно, отдавало себе отчет в том, что речь идет о высокоталантливых писателях; но талант не идет в счет, когда встает вопрос о политическом несогласии — полном или частичном — с линией партии. В "процессах исключения" особый интерес представляет коварное использование авторитетных имен, использование людей, которые дорожат спокойной и сытой жизнью и соглашаются участвовать в экзекуциях, прикрываясь патриотической фразой; в числе таких помощников палачей мы находим подчас самых разных людей таких как поэты Б.Слуцкий, М.Дудин, С.Ботвинник, детская писательница А.Барто, литературовед Вл.Орлов, очеркист С.С.Смирнов и многие, многие другие...

Союз советских писателей, который щедро награждает послушных и безжалостно отшвыривает от государственного пирога инакомыслящих, — это важнейший рычаг в руках партии-правительства. Чего же собственно ждут от писателей? "Творчества в духе социалистического реализма", то есть прославления режима и приписывания ему как раз тех самых характеристик, которыми он не обладает: демократизм, социальное равенство, справедливость, свобода.

Поощрение покорных литераторов осуществляется и помимо Союза писателей издательствами, то есть непосредственно государством, поскольку все издательства в СССР государственные (включая и те, которые прикидываются общественными, как "Советский писатель", якобы принадлежащий Союзу писателей). Поощрению служат высокие гонорары, не зависящие от числа проданных экземпляров, и особенно высоко оплачиваемые собрания сочинений, которых удостаиваются отнюдь не всегда лучшие писатели, но чаще всего наиболее покладистые (К.Федин, Н.Тихонов, В.Катаев) либо наиболее активные погромщики (А.Софронов, Н.Грибачев, В.Кочетов, М.Алексеев, В.Кожевников, А.Сурков).

Учредив Союз писателей с примыкающим к нему Литфондом, создав систему гонорарных поощрений, социальных привилегий, издательских льгот и разного рода подкупов, советское государство стремилось закрепить за собой единодержавное руководство литературой в СССР. Государство в советских условиях тождественно коммунистической партии, которая в свою очередь сливается воедино с политической полицией. Поэтому в 30—50-х годах писателей, не согласных с "генеральной линией" или даже просто заподозренных в том, что они могут при случае оказаться вольнодумцами, изымали (более 600 человек) и уничтожали (180). Позднее с подобными литераторами поступали гуманнее: исключали из Союза, иногда отправляли в концлагеря (М.Хейфец, М.Руденко, В.Осипов, С.Глузман, А.Амальрик), заставляли покинуть страну (В.Некрасов, В.Войнович, В.Аксенов, И.Бродский, А.Гладилин, Н.Коржавин, И.Ефимов, Р.Зернова, Л.Друскин, А.Солженицын, В.Марамзин, Г.Владимов — список этот можно было бы продолжить).

Таковы взаимоотношения советского государства (партии и полиции) с литературой. Нечего и говорить о том, что они принципиально отличаются от тех, что складываются в открытом обществе.

Автор, читатель, критик

В демократическом обществе всякий гражданин в принципе открыт всем видам интеллектуального и вообще духовного влияния. Общество советского типа задумано и устроено так, чтобы человек был информирован сугубо односторонне, в желательном для партии направлении, и испытывал лишь желательные для партии влияния. Приняты все меры для того, чтобы до советского читателя не доходили книги, газеты, журналы, содержащие сомнительное, с партийной точки зрения, освещение современности или истории, а также "излишние" факты. Сведения о немарксистских учениях могут проникать только через работы, содержащие критику таких учений; прочее не преодолевает цензурных запретов. Правда, строгость надзора непостоянна, в иные годы запреты слабеют, и тогда, например, журналу "Вопросы литературы" удается знакомить своих подписчиков с философскими взглядами Кьеркегора или Хайдеггера, с работами С.С.Аверинцева о раннехристианской культуре, с такими исследованиями как статья Цецилии Кин "Католическая кульура в сегодняшней Италии". Сугубо идеологический журнал "Вопросы философии" позволял себе в последние годы то, что было бы немыслимо даже в относительно недавнем прошлом. Конечно, это не значит, что закрытое общество стало открытым или хотя бы "приоткрытым". Характерный пример – упомянутая статья Ц.Кин; рассказав довольно подробно о католической литературе современной Италии, автор оговаривается: "Может возникнуть вопрос: "в какой мере все это должно интересовать нас, материалистов и атеистов, стоит ли погружаться в этот далекий от нас мир?" Оправданием служит цитата из письма Маркса 1865 г., где говорится о "религиозной идее и ее связи с социальным, политическим и интеллектуальным развитием"; статья заканчивается следующим неопровержимым доводом: "Думается, что эта проблема, интересовавшая Маркса и его соратников, сохраняет все свое значение и в наше время" ("Вопросы литературы" 1981/1, стр. 195).

Рассказать сегодня в журнале о творчестве Джованни Тестори, Марио Помилио или Луиджи Сантуччи можно, но лишь под определенным соусом: сделав вид, что такой рас-

сказ отвечает проблеме, когда-то интересовавшей Маркса. Мотивировка не только странная, но и комическая; впрочем, это никого не тревожит; а нынешние писатели интересуют всех. Прикрывшись Марксом, Цецилия Кин идет на предложенные ей условия игры; те же условия соблюдает редактор журнала, публикуя статью. Читатель эту игру знает — взаимопонимание между журналом и читателем полное. Читатель понимает, например, что статья Виталия Озерова "Образ коммуниста в советской литературе" помещена исключительно ради того, чтобы журнал состоялся: это не что иное как поплавок. На стр. 12 — дежурная фраза, род магического заклинания: "Отобразить глубину и значительность перемен, отличительные черты общества развитого социализма — увлекательная цель нашей литературы, на которую ее вдохновили решения XXV съезда КПСС". И далее: "В осуществлении этой цели литература имеет прекрасный ориентир: трилогию товарища Л.И.Брежнева "Малая земля", "Возрождение", "Целина"..."

Смешно, разумеется: казенные лжемемуары склеротического правителя-бюрократа называются "трилогией" — как книга Льва Толстого, как "Божественная комедия" Данте. Немного ниже читаем: "Создана впечатляющая летопись героических свершений партии и народа. Запечатлено социальное, духовное возвышение общества и личности в ходе Отечественной войны, коммунистического строительства. Читая трилогию, мы воочию видим многогранную работу коммунистов..." Все слова не то что лживые, а полностью, необратимо опустошенные; абсолютными пустышками стали "летопись", "свершение", "народ", "духовное возвышение", "личность", "общество"...

Думаю, что все 25 тысяч подписчиков "Вопросов литературы" это знают заранее. Читали они трилогию или не читали, цену ей они знают, равно как и увенчавшей ее Ленинской премии, равно как и каждой фразе статьи В.Озерова, позорящей русский язык. Любой номер любого журнала свидетельствует о негласной конвенции между автором и издателем, с одной стороны, и читателем — с другой.

Гослитиздат выпускает сборник "Поэзия древнего Востока" (1972) тиражом 330 тысяч экземпляров. В продаже его нет и никогда не было — его расхватали изпод прилавка. Читатель моментально заметил в оглавлении раздел "Иудейская литература", а в этом разделе — книгу Иова в переводе С.Аверинцева и "Песнь Песней" в переводе И.Дьяконова. Библия не издавалась много лет; к тому же — новые переводы, выполненные знаменитыми учеными; а что фрагменты Библии включены в литературную антологию — это условие игры, которое каждому понятно.

Автор и читатель условились не выдавать друг друга. Читатель не выдает не только Ц.Кин, но и В.Озерова и редактора журнала М.Козьмина. Лгут, конечно, все, но каждый по-своему: Кин — чтобы сообщить читателю то, о чем рассказывать в СССР не так просто; Озеров — чтобы получить премию и высокую руководящую должность; Козьмин — чтобы напечатать интересный материал, сохранив таким образом читателей, и при этом не рисковать своим креслом. Многоликая и многоступенчатая ложь — закон существования литературы в СССР.

А питература советским людям нужна — это знают все участники названного договора; в сущности, кроме нее, других полноценных форм духовной пищи в СССР нет. Объясняется это тем, что литература косвенна: она может сказать о многом, ничего

прямо не сказав. Запреты распространяются на прямое слово; распространить их на косвенное куда труднее.

Еще пример: последний роман Чингиза Айтматова "Буранный полустанок" ("И дольше века длится день"). Эта книга удивительна по накалу страсти, направленной прямо против режима: советский строй убивает людей, выбирая своими жертвами лучших, он губит природу и уничтожает национальное своеобразие народной жизни — первооснову культуры. Писатель нарушает многолетний запрет - осмеливается говорить о бессмысленных арестах и гибели честных людей в сталинскую пору; пользуясь своим особым положением и, так сказать, экстерриториальностью киргиза, пишущего по-русски, депутата Верховного Совета, лауреата Ленинской премии, Айтматов может позволить себе рассказать, например, о том, как на Буранном полустанке по доносу арестовали человека, виновного в том, что он, героически воевавший, попал раненым в плен, потом бежал к югославским партизанам; другая его вина состоит в том, что он пишет мемуары (можно ли вспоминать нечто вредное для советской власти?). Однако многоопытный автор умело застраховался. Он ввел в роман ненужную научно-фантастическую линию: Советский Союз совместно с США отказывается вступить в контакт с инопланетной цивилизацией; таким образом, оказывается, что обе сверхдержавы делят ответственность за разрушение природы на земном шаре, беда не в общественном строе, а в неизбежном прогрессе техники. Научно-фантастическое "седло" без труда снимается тогда остается выдающийся роман: о враждебности режима природе, культуре и людям. Роман Ч.Айтматова обрамлен историей похорон старого Казангапа; при этом мы узнаем, что солдаты гонят процессию назад: территория, на которой расположено древнее кладбище, относится к запретной зоне. Советские солдаты ведут себя как оккупанты; это проявляется в их непонимании древних обычаев, их грубости, в требовании к киргизам говорить по-русски.

Разумеется, то, что может себе позволить Чингиз Айтматов, было бы непозволительно для другого, менее влиятельного автора. Критик Виталий Озеров в цитированной выше статье не решается даже пересказать сюжет романа: как упоминать об арестах, вспомнить смерть героя под пытками во время следствия? В результате содержание книги излагается так:

"Едигей Жангельдин... считает первейшим моральным долгом достойно проводить в последний путь старого друга Казангапа. Но выполнить это не так-то просто. Едигею приходится сталкиваться с черствостью, с цинизмом. (Ни слова о русских солдатахокупантах! — Е.Э.) К тому же в мире, не обходя и эти безбрежные степи, происходят грандиозные катаклизмы, — о них — фантастические главы романа..." ("Вопросы литературы", 1981/1, стр.37).

Все куда как просто: есть на свете плохие люди, черствые и циничные. Ну, а как насчет арестов? Вот как:

"Ответственность (за судьбу нашей земли) могут принять и принимают на себя... именно советские люди, потому что они строят жизнь на благородных, гуманистических (sic!) началах. Им пришлось пройти через жестокие испытания истории, однако они не сломились. В 1952—1953 годах Едигей смело вступил в бой за доброе имя фронтовика Абуталипа. На помощь ему пришли коммунисты..." Но что же все-таки случилось с добрым именем Абуталипа? С самим Абуталипом? В.Озеров боится об этом даже намекнуть. У него получается, что в романе Едигей занимается оправданием неизвестно поче-

му несправедливо обиженного "фронтовика Абуталипа".

Шкала разрешенной правды персонализирована. В данном случае писатель имеет право на гораздо большие "дерзания", нежели критик. Что же касается читателя, то он кочет получить правдивый роман и, понимая условия игры, не спорит против них. Чтобы такой роман состоялся, необходимо: 1) автору — прилепить дополнительную сюжетную линию с функцией громоотвода; чем она грубее прилеплена, чем легче ее отбросить, тем лучше; 2) критику — фальшиво пересказать роман в официально-верноподданической статье, перетолковав его таким образом, чтобы он лишился всякого социального смысла; наконец, всей прессе в целом — включить роман в обойму постоянно упоминаемых образцово-соцреалистических произведений.

Читатель и книга

В СССР книги расходятся шире и быстрей, чем на Западе: это касается прежде всего художественной литературы, классической и современной, и совсем не имеет отношения к литературе пропагандно-политической, которая издается "для начальства" и распространяется в принудительном порядке по библиотекам, — частные лица ее не покупают. Художественная же литература распродается (по подписке или в магазинах) независимо от тиражей — возможны любые, даже астрономические цифры. Почему? Тому есть несколько причин.

- 1) Современные романы и повести наиболее достоверный источник сведений о советском обществе, ибо социальные науки, как уже говорилось, скованы многочисленными запретами; с другой стороны,
- 2) периодическая пресса газеты, еженедельники содержат информацию минимальную и не пользуются популярностью. Газеты варьируют все ту же "Правду", иногда отличаясь от нее стилистически (так, "Комсомольская правда" стремится чуть беллетризовать то, что в центральном партийном органе излагается сугубо официальным языком); из еженедельных изданий выделяются "Огонек", "Литературная газета", "За рубежом", но и они способны лишь в малой степени удовлетворить взыскательного читателя. Неудивительно, что у читателя остается досуг для чтения книг куда больше, чем у людей на Западе, которых к тому же отвлекает от чтения содержательное и разнообразное телевидение. Советский гражданин лишен и этой отдушины: его голубой экран чаще всего смертельно скучен.
- 3) Приверженность классической литературе одна из форм сопротивления режиму. Как бы ни старались адепты официального литературоведения подогнать под нужные трафареты Пушкина, Л.Толстого, Достоевского, Чехова, Блока классики остаются непокорными. Пушкин недвусмысленно заявлял: "Зависеть от царя, зависеть от народа не все ли нам равно?..." Толстой проповедовал ненасильственное противление злу и новое Евангелие. Достоевский предвидел сталинизм в "Бесах" и создал в своем Мышкине нового Христа; Чехов выступал против всяческих программ, идеологий и партий, а Блок не только оставался всю жизнь мистиком, но и поставил во главе Двенадцати незримого вожатого "в белом венчике из роз", а в предсмертной речи "О назначении поэта" проклял чиновников, смеющих командовать литературой. Каждой страницей своих творений классики русской и западной литератур высмеивают и клеймят бесчеловечность, тиранию, бездарность советского режима. Легко понять, почему в шести-

десятые годы в Ленинграде были запрещены два шекспировских спектакля — "Король Лир" и "Ромео и Джульетта": партийное руководство догадалось, что в этих трагедиях идет речь о конфликте поколений, а он-то в ту пору больше всего пугал начальство. Немного раньше парижский театр Жана-Луи Барро — Мадлен Рено привез в Ленинград трагедию Расина "Британик"; эти спектакли стали общественным событием: противотиранический пафос Расина (в "Британике" на сцене появляется Нерон) был после XX съезда весьма актуален.

Писатели прошлого — гуманисты: они становятся на защиту личности и отстаивают ее право на самостоятельное духовное развитие; меньше всего классическую литературу вдохновляют общеполитические или абстрактно-социальные идеи. Советский строй противостоит личности; советская литература началась с замены Я на Мы, самая известная из советских песен тридцатых годов утверждала: "Как невесту, Родину мы любим..." Одного этого принципа, общего для всей большой литературы от Возрождения до реалистического романа XIX-XX веков, — личность человека есть высшая ценность — достаточно, чтобы литературная классика воспринималась как антипод советской идеологии. Следует заметить, что безликому "мы" противопоставлен отнюдь не гипертрофированный индивидуализм декаданса, а высокий гуманизм защиты личности, объединяющий Рабле и Шекспира, Сервантеса и Державина, Стендаля и Чехова, Толстого и Пруста.

4) Советский Союз - государство идеологическое, и потому все продукты официальной идеологии должны быть, по изначальному замыслу, доступны населению; идеологии неофициальной путь в СССР должен быть прегражден. Осуществляя этот принцип, власти с первых лет существования режима установили низкие цены на книги. К тому же в начале 20-х годов еще был жив миф о строительстве общечеловеческой социалистической культуры; его поддерживали Луначарский и Ленин вопреки культуроборческим наскокам всевозможных Пролеткультов и даже таких революционеров, как Маяковский и Мейерходьд. Созданное М.Горьким издательство "Всемирная литература" выпускало в превосходных новых переводах лучшие произведения писателей всех стран планеты, и продавались они за бесценок. В бюрократическом государстве пересмотреть однажды заведенный порядок нелегко. С тех далеких времен многое изменилось; классики, казавшиеся союзниками советской власти, оказались ее противниками. Но низкие цены на книги сохранились; время от времени их повышают, порою даже значительно, и все же они намного ниже западных. Малая стоимость книг — в сочетании с традиционной в России и усилившейся в СССР престижностью домашних библиотек – дополнительно способствует успеху книг на рынке.

Состав литературы: виды и жанры

Вследствие того, что функции литературы в СССР иные, чем на Западе, закономерно и отличие ее внутреннего состава. Вот некоторые из ее жанрово-видовых особенностей:

1) Роман. Сопоставление современного русского романа с западным приводит к выводу, что мы имеем дело с принципиально разными явлениями; кроме того, в системе советской литературы роману придается большее значение. Прежде всего особая роль сохраняется за тем жанром, который в СССР определяют как "роман-эпопею" (см. труды профессора А.Чичерина), — в отличие от преобладающего, например, во Франции "романа частной жизни". Роман-эпопея многопланов, многолюден, он имеет целью выя-

вить внутренний смысл целой эпохи в истории народа. Характерные-примеры - "Тихий Дон" (Шолохова?) или "Жизнь и судьба" Василия Гроссмана. Роман "Жизнь и судьба" создан между 1953 и 1960 годами, непосредственно он посвящен Сталинградской битве, а поверх нее – армии, тылу, концлагерям нацистской Германии и Советской России, философии истории в XX веке, когда рождаются фашизмы, одновременно и тождественные, и противоположные, - расовый и классовый; в сущности, книга Гроссмана должна была бы стать в один ряд с историческими, философскими, социологическими, политологическими исследованиями сороковых годов в России и Германии;поскольку, однако, таких исследований для СССР нет и не может быть, великий роман Гроссмана их заменяет и как бы вбирает в себя те данные, которые могли бы войти в научные труды. Нечто похожее происходит с историческими "узлами" А.Солженицына: "Август Четырнадцатого" и последующие книги серии "Красное колесо" призваны раскрыть причины и движущие силы революции; то, чего не смогли сделать историки, делает романист. На Западе тоже появляются циклы исторических романов (например, упомянутые нами "Проклятые короли" М.Дрюона), но, соседствуя с исследованиями историков, они оказываются внутри другого, чисто литературного ряда. Современный исторический роман на Западе решает задачи художественные или психологические, в СССР же политические и философские. Русский роман представительствует за все те гуманитарные области, которые у нас запрещены и развиваться не могут. Названные выше книги опубликованы, правда, не в СССР; как показывает опыт, существование параллельной беллетристики гораздо более реально, чем параллельной историографии или социологии.

2) Исторический сюжет в странах со всеохватывающей предварительной цензурой дает косвенную возможность высказаться на современные темы. Читатель, воспитанный цензурой, безошибочно угадывает смысл текста и намерения автора. Это относится к романам в такой же мере, как к стихам. Читая в стихах про Ивана Грозного, мы понимаем, кто имелся в виду. В год Большого террора Дм. Кедрин написал поэму "Зодчие", где сказал многое: речь шла о двух строителях московского собора Василия Блаженного, которым по приказу царя Ивана выжгли глаза, чтобы нигде больше они создать ничего подобного не могли. Каждая строка поэмы била в точку. Другой поэт, Давид Самойлов, сочинил трехчастную поэму "Стихи о царе Иване" (1947-1957), где все, особенно разговоры Ивана с холопом, содержит аллюзии; не менее современно звучала третья часть, "Смерть Ивана", где, например, есть такой народно-песенный диалог, заставляющий вспомнить о посмертной судьбе другого тирана:

- Где же то, Иване, жены твои? В монастырь отправлены, Зельями отравлены... - Где же то, Иване, слуги твои?
- Пытками загублены,
- Головы отрублены...

На демократическом Западе подобного двоящегося исторического жанра не существует — в нем нет общественной надобности.

3) Романизованная (или слегка беллетризованная) биография – жанр, особенно культивируемый в Советском Союзе и привлекающий широкий общественный интерес. Огромна популярность и переводных книг такого типа – "Мария Стюарт" и "Фуше" Стефана Цвейга, "Толстой" и "Бетховен" Ромена Роллана. Но ни в одной из современных зарубежных литератур серия "Жизнь замечательных людей" не могла бы занять такого места, какое занимает "ЖЗЛ" в нынешней России. Советская интеллигенция читает ее с жалностью, литераторы пишут такие биографии охотно и часто. Запретить жизнеописания великих писателей, дипломатов, президентов, ученых нельзя; напротив, начальство поощряет столь, казалось бы, невинные исторические писания. Не нужно, однако, обладать особой зоркостью, чтобы увидеть, как книги серии "ЖЗЛ" воспитывают читателей — идет ли речь о биографии Чаадаева, Салтыкова-Щедрина, Брехта или декабриста Михаила Лунина. Я далек от намерения утверждать, что авторы названных книг стремятся во что бы то ни стало "протаскивать" антисоветские идеи, - нет, просто всякое изображение бесстрашного правдолюбия, несгибаемой стойкости в убеждениях и дружбе, последовательной принципиальности, просто независимости — приобретает оппозиционный характер; ведь власти — тайком или открыто — поощряют противоположные свойства. В только что вышедшей биографии Пушкина профессора Ю.М.Лотмана (тираж 600 000!) нет, разумеется, ни единой строчки, намекающей на современные обстоятельства. И все же мы вздрагиваем, когда читаем, что "Николай I знал, что его нельзя любить, — он хотел, чтобы его боялись" или что "общество фамусовых устало стыдиться себя, своей отсталости и с облегчением встретило освобождение от стыда изъятие этого меньшинства лишило общество нравственной точки зрения на себя. Общественная безнравственность сделалась знаменем эпохи. Наивно было бы видеть здесь лишь личное влияние Николая I... Терявшее стыд общество столь же активно формировало своего императора, сколь он лепил общество по своему образу и подобию" (стр.154-155). Мы вздрагиваем оттого, что это столько же про нас, сколько и про ту эпоху. Ю.Лотману чужда дешевая игра в намеки и подмигивания; просто все тиранические режимы похожи друг на друга, отличаясь лишь степенью несвободы. Лотман не подыгрывает советскому читателю-вольнодумцу, когда пишет: "Так начал складываться неслыханный дотоле союз продажных литераторов и тайной полиции" (стр.164). Или: "Память о своем прошедшем составляет одно из богатств народа — его культуру и достояние каждого человека - основу его уважения к себе... Уважение к себе вызывает свободолюбие" (стр.176). Или: "Прогресс мыслится (Пушкиным - E.Э.) как очеловечение истории, торжество культурного и духовного начал над насилием и грубой материальностью власти... Не власть и не сила, а дух и культура дают бессмертие" (стр.226-227). Все это - глубокие и точные выводы из истории российского общества XIX века, но, подобно классической литературе, в условиях СССР они приобретают характер подрывных идей и фраз.

Книги из серии "Жизнь замечательных людей", да и параллельной ей серии под названием (безвкусным) "Пламенные революционеры", противопоставляют аморфной беспринципности советского общества жертвенную преданность идее, рабской покорности — гордое свободолюбие, мещанскому приспособленчеству — бесстрашие и честь. Здесь сама история культуры опровергает режим, основанный на враждебных культуре началах.

4) Жанры классицизма. Из прежних, в эпоху классицизма канонизированных жанров, на Западе не осталось ни одного; трагедия, комедия, элегия, ода, послание, эклога — все они приказали долго жить. В Советском Союзе продолжают, однако, существовать

два жанра, почти не изменившись: эпиграмма и басня. Эпиграммы — короткого сатирического стихотворения, которое завершается неизменным "острием" (pointe), — нет даже у французов, которые дали ей новую жизнь в XVI—XVIII веках; при полной свободе слова и отсутствии светских салонов эпиграмма не нужна. В свое время то был жанр, близкий к экспромту; такую роль он, во всяком случае, играл в салонах, точнее, прикидывался экспромтом. В СССР, разумеется, нет светской жизни, но вызванная цензурой необходимость устной словесности создает некий всеинтеллигентский салон. Всю историю СССР можно воспроизвести в эпиграммах, из которых большинство осталось неопубликованными. Существуют эпиграмматические портреты всех официальных деятелей и, в частности, литераторов. Вот на антисемита С.Смирнова:

Поэт горбат, стихи его горбаты. Кто виноват? Евреи виноваты.

Вот на доносчика и романиста Льва Никулина:

Каин, где Авель? Никулин, где Бабель?

А вот и на того Виталия Озерова, о статье которого шла речь выше:

Известный критик Озеров Рожден от двух бульдозеров: Там, где перо его пройдет, Там ни былинки не растет.

5) В эпоху сталинской бюрократической империи литература сохраняла и активно развивала другие жанры, характерные для системы классицизма: оду, трагедию, эпопею, идиллию. При этом они во многом утратили свойственные им прежде внешние стилевые черты: ода лишилась специфической строфы, трагедия обходилась без александрийского стиха и пятиактного членения; но по существу это были те же древние классические жанры. Одами были не только славословия Сталину и даже Буденному, выходившие из-под пера Суркова или Лебедева-Кумача, но и "Север" Н.Заболоцкого:

- О люди Севера, о вьюги Ванкарема,
- О мужеством рожденная поэма,
- О под людьми ломающийся лед,
- О первый Ляпидевского полет...

и особенно его же "Горийская симфония" (1936), в которой автор с благоговением думает о том,

Как ОН смотрел в небес огромный купол, Как гладил буйвола, как свой твердил урок, Как в глубине души своей баюкал То, что еще и высказать не мог. Даже Осип Мандельштам называл — и не без основания — свое (так и не увидевшее света в ту пору) стихотворение в честь Сталина одой.

Стихотворные трагедии, в основе своей продолжавшие традицию жанра, сочинял И.Сельвинский. Эпопеей прикидывалась даже "Дума про Опанаса" Э.Багрицкого. Вообще же в этом жанре выступали скорее официальные прозаики, писавшие повести и романы на историко-революционные темы — начиная с А.Серафимовича ("Железный поток") и до Шолохова, автора так и не родившегося романа "Они сражались за Родину". Об идиллиях нечего и говорить, на этом поприще подвизалось множество авторов, воспевших идеализированную деревню; достаточно назвать М.Исаковского, А.Твардовского ("Страна Муравия" и стихотворения типа "Ленин и печник"), Н. Дементьева ("Мать").

Следы классицистской жанровости сохраняются в советской литературе до сих пор. Конечно, это только реликты, — уже нет бюрократической империи, которая породила русский неоклассицизм (см. об этом в статье А.Терца (А.Синявского) "О социалистическом реализме"), но достаточно и таких следов, чтобы отличить советскую литературу от западной. Некоторые из них ныне можно найти в литературе диссидентской: черты эпопеи — в "Красном колесе" А.Солженицына и в цикле поэм С.Липкина "Держава и народ", черты оды — у И.Бродского; его стихотворение "На смерть Жукова" (1974) кончается строфой:

Маршал, поглотит алчная Лета Эти слова и твои прохоря. Все же прими их — жалкая лепта Родину спасшему, вслух говоря. Бей, барабан, и военная флейта, Громко свисти на манер снегиря.

6) Переводы — особая многосодержательная область литературы советского общества. Подобно истории, чужеязычный оригинал оправдывает любые аналогии. Нередко переводчики даже усиливают такие аналогии либо актуализируют текст другими, но тоже вполне узнаваемыми средствами. Блестящим переводчиком был Лев Гинзбург (1922—1980); большинство созданных им переводных стихотворений принадлежат к современной русской литературе не только благодаря языку, но и потому, что сохраняют актуальность. Эпиграмма Фридриха фон Логау (1604—1655) в его переводе звучит так:

Что значит в наши дни быть баснословно смелым? Звать черным черное, а белое звать белым. Чрезмерно громких од убийцам не слагать, Лгать только по нужде, а без нужды не лгать.

Удивительно ли, что даже люди, далекие от библиофильства, стояли в очередях за сборником "Немецкая поэзия барокко" в переводах Льва Гинзгбурга?

Тот же Лев Гинзбург выпустил "Лирику вагантов". Вагантами, то есть бродягами, называли странствующих средневековых школяров; они сочиняли стихи и песни по-латыни. Стихи Льва Гинзбурга — не просто перевод (хотя тексты его близки оригиналу).

С давних пор в советской литературе существет табу на все, что связано с питием; героям произведений социалистического реализма полагается быть воздержанными и

образцово нравственными. ¹ А вот в переводе, да еще со средневековой латыни, можно себе позволить все: ведь это происходит не у нас, а где-то там, в шестнадцатом веке.

Пьет народ мужской и женский, городской и деревенский, Пьют глупцы и мудрецы, пьют транжиры и скупцы, пьют скопцы и пьют гуляки, миротворцы и вояки, бедняки и богачи, пациенты и врачи. Пьют бродяги, пьют вельможи, люди всех оттенков кожи, слуги пьют и господа, села пьют и города.

В переводных стихах можно было протащить и этот гими бражников, и, например, такое вполне реалистическое изображение не только десятого века в Германии, но и двадцатого — в России:

Ложь и злоба миром правят. Совесть душат, правду травят, мертв закон, убита честь, непотребных дел не счесть. Заперты, закрыты двери доброте, любви и вере. Мудрость учит в наши дни: укради и обмани! Друг в беде бросает друга, на супруга врет супруга, и торгует братом брат. Вот какой царит разврат! "Выдь-ка, милый, на дорожку, я тебе подставлю ножку" ухмыляется ханжа, нож за пазухой держа...

Вот что можно себе позволить в переводной поэзии! Дело опять-таки не в коварных намерениях переводчика; дело в противостоянии советской действительности всей культуре человечества, да и самому человечеству.

В 1963 году группа молодых литераторов под моим руководством переводила "Разговоры беженцев" Бертольта Брехта. Говорилось в них о нацистской Германии, но как мы были рады, когда нам удавалось подставить на место немецкого оборота — советский, ничего не изменив у Брехта, и в то же время придав его тексту двойную направ-

¹ Об этом в моей статье "Советские табу" в журнале "Синтаксис", № 9, 1981.

ленность, каковою он несомненно обладал и по замыслу автора:

"Забота о человеке в последние годы очень возросла, особенно во вновь возникших государственных формациях. Это вам не то, что прежде, — о людях заботится государство. Великие личности, которые вдруг объявилисьв разных концах Европы, питают большой интерес к людям. Народу им надо много, на них людей не напасешься..."

"Поразительная способность нашей эпохи делать из мухи слона — вот то, что породило несметное множество значительных людей" (17).

"Все великие идеи гибнут из-за того, что есть люди" (36).

"Любви к отечеству сильно мешает отсутствие выбора. Как если бы человеку пришось любить ту, на которой он женится, а не жениться на той, которую он любит. Я предпочел бы сначала выбрать" (56).

"Что за чудесная страна была бы у нас, если бы она у нас была!" (57).

"Государству вовсе не обязательно думать, как набить своим гражданам брюхо, иногда вполне достаточно набить им морду" (86).

Особую разновидность художественных переводов представляют те, которые сделаны с оригиналов, почему-либо ставших для советского человека жгуче актуальными. Генрих Гейне всегда пользовался в России популярностью; но вот в 1927 году Юрий Тынянов переводит стихотворение "Ослы-избиратели", и его перевод воспринимается совершенно по-новому, иначе, чем если бы его читали всего лишь одним-двумя годами раньше. В 1926—27 гг. Сталин неудержимо двигался к единоличной власти и вскоре он стал полным хозяином. И вот как откликается на это переводчик гейневского стихотворения:

Свобода наскучила в данный момент; Республика четвероногих Желает, чтобы один регент В ней правил вместо многих.

Можно ли сомневаться в актуальности этого сюжета в годы, когда культ Сталина уже принимал гротескно-фантасма горические формы? Однако перед цензорами был всего лишь Гейне — революционный поэт и друг Маркса.

7) Литература для детей. Марина Цветаева писала в 1931 г. о советской литературе для детей как о лучшей в мире. Оценка писателя-эмигранта в данном случае представляет особый интерес. В чем, однако, причины расцвета именно этого раздела литературы? Они сходны с теми, что определилии неслыханные успехи советских шахматистов: интеллектуальная энергия, встречающая запруды на больших путях, устремляется в разрешенном направлении. В других обстоятельствах иной гроссмейстер, быть может, стал бы выдающимся дипломатом, политиком или финансистом; но путь открыт лишь в игру. Такие блестяще одаренные поэты, как С.Маршак, А.Введенский, Д.Хармс, Н.Олейников, К.Чуковский ушли в детскую поэзию, потому что там можно было выразить себя, к тому же на вполне благородном поприще. И они подняли поэзию для детей до уровня высокой, настоящей литературы. Впрочем, для этого существовали достаточно серьезные предпосылки и в истории русской словесности: сказки Пушкина не имеют себе равных в литературах других стран; ни Байрон, ни Расин, ни Бодлер, ни Шиллер, ни Гете специально для юного читателя не писали. Вероятно, это связано с народными

Б.Брехт, Театр, М. 1964, т. 4, стр. 9. Далее страницы указаны в скобках после цитаты.

корнями русской поэзии, с фольклорным источником, сохранившим свою жизненность и животворность дольше и лучше, чем в других литературах.

Обернуты не могли реализовать свою программу в открытой ими области художественного абсурда. Зато в детской книжке это становилось разрешенной игрой. "Иван Топорышкин" Хармса считался бы во "взрослых" стихах бредом безумца, в детских — становился в ряд со считалками; его абсурдность оказывалась детской забавой, а не философией. В сущности, все русские абсурдисты эмигрировали в детство.

В детской поэзии допускаются юмор, легкость и причудливость находок, смелое соединение реального быта с фантастикой, оживление вещей, очеловечение зверей, — иначе говоря, неограниченная писательская с в о б о д а. Та свобода, которой авторы не только в тридцатых, но уже в двадцатых годах в "большой литературе" были лишены. Детские стихи читались и взрослыми, которые умели воспринимать веселые побасенки как политические притчи или аллегории. Но тут мы вступаем в следующую область, последнюю, о которой у нас пойдет речь.

Читательское восприятие

Привыкнув к тому, что литература, обходя многочисленные цензуры и табу, создает произведения к о с в е н н ы е, читатели стали систематически и чаще всего инстинктивно вкладывать второй смысл даже в такие вещи, где второго смысла быть не может. Это своеобразная особенность литературной обстановки в СССР: особый тип читательского сотворчества. Ограничусь двумя примерами.

Первый — детская поэма К.Чуковского "Тараканшце", написанная как и "Мойдодыр", в 1921 году. Все мы помним ее наизусть. Надо ли удивляться тому, что в тридцатые годы эту детскую сказочку воспринимали как притчу о Сталине и ждали Воробъя-освободителя?

Второй пример совсем другого рода: роман Кафки "Процесс". Перевод его долго ходил в Самиздате, без имени автора. И многие читатели были уверены, что речь в этой рукописи идет о 37-м годе. В самом деле, "Процесс" кажется аллегорией советского террора: он ведь и начинается с того, как к господину К. приходят двое и говорят ему: "Вы арестованы." Причин ареста не знают ни они, ни он сам; на протяжении всего романа дело не становится яснее. Атмосфера зловещей загадочности как нельзя лучше соответствовала советской жизни — и в "Процесс" не без оснований вкладывали чуждое ему конкретное содержание. Этим, по-видимому, объясняется и тот факт, что для опубликования "Процесса" потребовалось больше усилий, чем даже для "Одного дня Ивана Денисовича"...

Таковы некоторые черты, отличающие литературу тоталитарного Советского Союза от литератур демократических стран. За более чем шесть десятилетий она развилась на основе собственных внутренних законов и приобрела вполне оригинальную, отличную от других структуру. Чтобы ее понять, недостаточно вникнуть в содержание романов, драм и стихотворений; нужно отдавать себе отчет в особых формах ее восприятия читателями, в установке авторов на специальную, ими же и режимом воспитанную аудиторию. В условиях тоталитаризма слово художественного произведения выразительнее и весомее, нежели в условиях демократии. Многочисленные запреты и ограничения ведут к тому, что слово отягчается дополнительными смыслами, которые непосвященным часто недоступны. И чем устойчивей неписаная договоренность между авторами и читателями, тем глубже расхождения между литературой официальной и, говоря условно, диссидентской. ●

Григорий ПОМЕРАНЦ (Москва)

СТРАСТНАЯ ОДНОСТОРОННОСТЬ И БЕССТРАСТИЕ ДУХА

Статьи третья и четвертая

Одно из затруднений, с которым я всегда сталкивался, — это множество взглядов, концепций, которые можно развить и построить. С некоторым насилием над собой я способен выстроить конструкцию, в которой логически проработан некий пучок ассоциаций, а остальное отброшено. Но по-настоящему свободно мысль чувствует себя, набрасывая перспективы развития идеи и не развивая их, отказываясь от нудной работы по отделке деталей и устранению противоречий (которые все равно набегут, которые мы через некоторое время всегда находим даже в самых стройных и логически отработанных системах).

Мои эссе — попытки создать целое, сохранив что-то от набросочности записных книжек. Это отчасти игра, хотя совершенно открытая. Работая над текстом, я стараюсь не терять набросочного духа, не ищу слишком большой логической стройности. Больше нажимаю на ритмические повторы, отточия, пустоты, в которых авось читатель сам угадает что-то не давшееся мне, не пробившееся в слово. Это письмо к умному читателю, который сам достроит, а не собьет пинком ноги неустойчивую, едва стоящую башенку...

Когда-то (в 1939 году) меня принял под свое научное руководство Владимир Романович Гриб; он совсем не руководил мной, а только удивительно умно слушал и изнутри моего собственного духа схватывал начало ошибки, не лучшее продолжение фразы, и давал мне это понять (односложным замечанием, жестом, даже движением губ). Я мгновенно соглашался, поворачивал в сторону и чувствовал, как умнею: за каждый разговор, длившийся 2—3 часа, на целый год. К несчастью, всех разговоров оказалось три: в начале марта 1940 г. Владимир Романович умер. Но с этих пор мой идеальный читатель похож на Владимира Романовича. Ему не надо ничего разжевывать. Наоборот, он умнее меня и угадает то, что я не совсем ловко выразил, что я не сумел выразить, а только топтался вокруг. Я не пропагандирую свои взгляды, т.е. не спускаю их сверху вниз, в удобном для усвоения виде, а ищу их и подаю свои находки снизу наверх.

Георгий Гачев как-то написал: "Спускаясь в буфет, я спросил такогото... Он мне ответил... И тут мне пришла мысль..." Редактор просмотрел текст и сказал: "Так нельзя". "А если я напишу, что прочел то-то в статье такого-то?" — спросил Гачев. "Пожалуйста", — ответил редактор. "Значит,

надо лгать?" Редактор промолчал. Научные приличия требуют, чтобы все было изложено как следует, после внимательного изучения источников (см. приложенную библиографию) и в установленной форме.

Написав "Параметры и ритмы исторического процесса" (1965), я по совету и с помощью друзей попытался изобразить из себя примерного ученого-марксиста. Каждая мысль, пришедшая в голову, была представлена как прямая между двумя цитатами... Таков был план, но цитат не хватило, мой немарксистский зад вылез наружу и получил пинка: Борис Федорович Поршнев заявил, что считает непринципиальным печататься под одной обложкой с немарксистом. Редакторы в панике побросали оружие, и статья была вырезана. Я ее когда-нибудь опубликую как вещественное доказательство моих честных усилий соблюдать приличия (в данном случае неважно — марксистские или антимарксистские).

Принято ходить по улице одетыми. Принято печатать статьи или читать лекции, прикрыв нижний бюст каким-нибудь измом (ну хоть коммунизмом или православизмом. Прошу прощения за неловкий термин: его ввел Геннадий Шиманов, заговорив, в "Московском сборнике", о православизации). Мундирность может быть не только идеологической. Чем меньше идеологии, тем выше требования логической строгости, и говорят, что в капстранах обходятся совсем без идеологии (судя по русским эмигрантским журналам, это неправда). Но мне все равно, марксизм, православизм или структурализм. Эссеистическая мысль — незащищенная (ни идеологией, ни логикой), голая.

Гачев пытается быть совершенно непосредственным и записывает все подряд, с городскими и сельскими пейзажами и запахами жилья. Но выходит очень длинно — десятки тысяч страниц. Из них приходится делать избранное, то есть все-таки идти на концентрацию потока научного сознания. Я отбрасываю то, что не ведет в глубину, углубляю (по мере сил и вдохновения) случайные находки и добиваюсь краткости. Это не только вопрос формы. Это вопрос смысла. Но в чем-то мои эссе перекликаются с гачевским Улиссом: на первом плане для меня не то, что логически можно вывести, а то, что я пережил. Мои выводы не очень далеко уходят от первого наброска, а наброски — от того, что я понял седцем.

Например, в 1936 году я с отвращением прочел "Повесть о Мутьянском воеводе Дракуле", а в 1939, еще не забыв этот текст, услышал от отца (отвозил ему в ссылку теплые вещи) рассказ, как пытали соседей по камере: сажали задом на ножку табуретки, а женщин, по слухам, — причинным местом. Сейчас же всплыло знакомое чувство тошноты: вспомнил, как Мутьянский воевода наказывал неверных жен (тем же местом на кол). И вдруг почувствовал, что в России еще что-то, начавшееся в XV, XVI вв.,

¹ Некоторая утомительная избыточность есть и в "Опавших листьях" В.В.Розанова.

не кончилось. Никакой концепции не было, просто чувство. Тридцать лет спустя я вспомнил его, когда писал "Ангелов Дионисия". Потом меня за это жестоко бранили, но я солгал бы, если бы это обошел. Я вышел к этой мысли именно так. Связь Мутьянского воеводы со сталинскими следователями — такой же факт, как то, что Анри Пуанкаре увидел решение задачи, поставив ногу на ступеньку автобуса или омнибуса, не помню, на чем тогда ездили. (Об этом можно прочесть у Жака Адамара.) Это реальное зачатие мысли. Потом Анри Пуанкаре рассказал о своем открытии сотте il faut, пристроил его к штабелю научных истин, как родившегося братика пристраивают к корпусу детских представлений о мире рассказом, что Андрюшу принес аист. А я веду себя сотте il ne faut pas.

Попытка идти своим личным ходом мысли — плохое средство убедить других. И все же я не могу от него отказаться, потому что это внутренняя правда. Мне возражали, что повесть переводная (но почти все русское православие - переводное, и даже не русскими переведено, а болгарами Кириллом и Мефодием); что воевода Дракула (т.е. дьявол) — не идеал автора, но я остаюсь при своем читательском впечатлении, что и автор, и переводчик, и читатели испытывали к Дракуле двойственное чувство садического влечения и нравственного отталкивания; мне разъясняли, что число оттисков XV-XVI вв. невелико, - но достаточно одного, царского, чтобы его прочел царевич Иван, будущий царь Иван Васильевич. Словом, если бы я умел писать романы, я непременно нарисовал бы сцену, как царевич Иван читает повесь о Мутьянском воеводе... А как было на самом деле? Не знаю, но это неважно. Эссе — жанр научно-художественный, и эссеист вправе рисовать не то, что было на уровне факта, а что могло быть, весьма вероятно могло быть, хотя кто знает? Может быть, и не произошло. Эссе иногда переходит в статью и убеждает, но потом снова возвращается к себе, к чемуто вроде философской поэмы в прозе, и стремится только заразить авторским чувством жизни. Если это вышло, вы мне поверили. А нет, так нет. Эссе не принуждает читателя принять, что 2 х 2 = 4, я оставляю вас умственно свободным. Можете не верить, но зачем приписывать мне какой-то окончательный приговор? Не приговор, а только взгляд.

Не существует никакого научного способа создать целостный образ Пушкина, Гоголя, России... "Идеальные модели", придуманные Максом Вебером, — научные мифы, недоказуемые конструкции, скорее поэтические, чем сооруженные по правилам логики. Они необходимы, чтобы не затеряться в фактах, чтобы видеть перед собой не деревья, а лес. Но лес взаправду можно увидеть, а Россию — только внутренним взором, и то, что мы видим, всегда наше внутреннее дело, наш миф. У Д.С.Лихачева один миф о России, у Даниила Андреева — другой. Мой миф ближе к андреевскому. Никакого поклепа на Святую Русь в нем нет. Я не отрицаю Святой Руси, я лишь утверждаю, что она России не исчерпывает; что есть Святая Русь и есть Русь Дьявольская. И меня волнует это сочетание, меня мучает вопрос: как в одной народной душе уместились Андрей Рублев и Иван Грозный?

Может быть, неприлично задавать такие вопросы, но как не писать о том, что тебя мучает? Только в России мучает? Нет, конечно; но в России — больше, потому что я живу в России, потому что моя судьба связана с Россией и потому что в России контрасты резче, размашистее. В каждом народе свой идеал Мадонны и свой идеал Содомский. Это поражает и в евангельской истории (Иисус Христос и Иуда Искариот), и в Германии XX века. Говоря ученым языком, культура гомеостатична, и одна крайность уравновешивает другую крайность. В Индии — крайний спиритуализм и крайний соматизм, плотскость, телесность (я не хочу произнести слово материализм, потому что материализм — европейская выдумка). В Китае церемонии, и в Китае юродство (даосов и буддизма чань). Но какое-то чутье говорит мне, что крайности в России плохо уравновещены, что все в любую минуту готово обвалиться, развалиться, провалиться в опричнину или пугачевщину. Абсолютно никакой научной доказательности здесь нет, как нет художественной доказательности большого прозаического текста, постепенно заманивающего читателя любовными и другими интригами... Эссе оставляет меня беззащитным. Но я и не хочу защищенности. Я пишу умному, а не глупому читателю, я хочу выразить, какие вопросы у меня вызывает жизнь; я живу с открытыми вопросами и не испытываю никакого желания спрятать голову в катехизис готовых ответов...

Примерно такое отношение к слову я чувствую у Абрама Терца, Андрея Синявского. Слово у него живое, открытое, легко уязвимое. И на него возможен только живой и незащищенный отклик.

•

Не знаю, кто прочел в "Неделе", в июне 1979 года (№ 23), статью В.С.Непомнящего "Начало". Дух "Прогулок" и дух "Начала" совершенно несовместимы. Космос и антикосмос. Сложить их — произошел бы взрыв. А между тем, по моему искреннему убеждению, Пушкин Непомнящего и Пушкин Терца одинаково подлинны — как два живых, личностных прочтения одного живого, личностного текста. Потому что объективное суждение о личном вообще невозможно, даже если личность так изучена-переизучена, как Пушкин.

Каждый личный отклик — еще одно впечатление о Руанском соборе. Истинность фиолетового собора не противоречит истинности розового собора. А реальный собор? Он не имеет единого цвета. А не равно А. И поэтому $A \approx B \approx C \approx ... \approx N$. Эту паралогическую формулу можно приложить и к Пушкину, и к его созданиям. Кто такой Онегин? Москвич в гарольдовом плаще? Да, но не только... Роман Пушкина — магический кристалл. Он поворачивается к читателю то одной, то другой гранью и каждый раз вызыва-

¹ Имеются в виду картины Клода Моне.

ет новые впечатления. Даже у одного читателя. И читатель творит из этого множества намеков и вскользь брошенных замечаний своего Онегина. Или отказывается от этого дела и заявляет, что никакого Онегина вовсе нет, что Пушкин только поманил к созданию образа, а сам это дело бросил:

"Более унизительной анатомии человеческого организма в ту пору никто не производил, и чтобы скрасить впечатление, оправдать затраты на эту разлезающуюся под скальпелем психическую ткань, автор наделяет ее приметами среды и времени, названиями от скуки перелистанных книжек и перепробованных блюд, то делает Евгения человеком толпы, добрым малым, каких много, то, противореча себе, высасывает из пальца "мечтам невольную преданность, неподражательную странность" (хоть тот ни о чем не мечтает и сплошь состоит из вялых подражаний), так что его в итоге можно тянуть куда угодно — и в лишние люди, и в карбонарии, и просто в недоросли, отчего нестойкий характер окончательно разваливается, уступая место для романа в стихах."

Возможен и такой отклик. В нем есть своя истина: четко обрисованные образы стеснили бы лирическую стихию романа в стихах. Но это относится и к Онегину, и к Татьяне. Оба они обрисованы эскизно и противоречиво. Почему же Татьяну А.Терц сквозь эскизность видит, угадывает, а живого Онегина не хочет угадать? Потому что такова его схема: человек (Онегин) должен стушеваться перед поэтом и его музой (Татьяной) — до полного исчезновения и небытия. Читатель видит то, во что он верит, и верит в то, что он видит. Тейлор сказал это про дикарей, объясняя устойчивость их предрассудков. Но таковы и наши собственные предрассудки. Мы видим жизнь сквозь свои концепции. И сквозь концепции воспринимаем истину, слишком многогранную, чтобы влезть в одну голову.

Вся русская литература смотрится в магический кристалл пушкинского романа, и вся она смотрится через этот кристалл, через роман в целом и через отдельные пушкинские эскизы характеров и бегло обрисованные сюжетные узлы. Сквозь Евгения разглядели себя Бельтов, Рудин, Райский — но в нем мелькает еще что-то, не раскрытое ни в одном из лишних людей (разве в Печорине)...

В.С.Непомнящий посвятил половину одного из своих чтений, зимой 1979—1980 года, тому, чтобы проследить тонкие ниточки, ведущие от Онегина к Ставрогину. Я слушал с большим интересом. Хотя, мне кажется, такое сближение вовсе не исключает других, не зачеркивает их (как и толкование Медного Всадника Терцем не зачеркивает прежних толкований поэмы). Эссеист не в праве запретить другому его новый опыт; иначе он тут же изменит своему собственному принципу.

Гуманитарное мышление, эссеистическое мышление не может быть точным. Но ему очень не хватает ясного сознания своей скользящей и усколь-

¹ "Прогулки с Пушкиным", Лондон, 1975, стр.150.

зающей логической структуры, более склонной к подобиям, чем к равенству, и к приближенному равенству, чем к тождеству. Личностное может быть подобно десятку вещей, и его определяет только открытый ряд: $A \approx B \approx C... \approx N$. Новое подобие или новое приближенное равенство вовсе не значит, что A = X и, следовательно, все прежнее понимание опрокинуто и упразднено. $A \approx X$ просто приписывается к ряду.

Этого, кстати, не понимают многие мои критики. Они воспринимают аналогии как тождества, т.е. приписывают мне мысль "А равно В, но не равно С" и торжественно это опровергают. Но я нигде не говорил того, что они оспаривали. Целое всегда остается для меня логически открытым, недосказанным и вовсе даже невыразимым (как бы резко ни формулировались отдельные положения).

Не разрушает ли эссеистическое мышление, как я его понимаю, свой предмет? Не превращает ли оно Онегина или Пушкина и самую истину в легион откликов? Нет, не разрушает, не разваливает, — если мышление сохранило способность постигать ряды подобий как живое целое. То есть не перестало в и д е т ь клубок, из которого мышление выдергивает и разматывает отдельные ниточки. Можно назвать эту способность метахудожественной. И мой упрек В.С.Непомнящему связан с тем, что у него метахудожественное мышление я безусловно признаю. Именно поэтому мне жаль, что Валентин Семенович чересчур увлекся интересным и глубоким сближением Онегина со Ставрогиным, до разрушения собственно онегинского в Онегине.

Можно увидеть в Онегине или в Печорине формирование нового для русской литературы типа великого грешника (героя Достоевского). Но литературный процесс не упраздняет литературного прошлого, не превращает его в навоз для прогресса. Лишние люди остаются сами по себе, они не растворяются в великом грешнике, они до сих пор продолжаются в литературах афро-азиатских стран, — всюду, где европейски образованный человек обречен на беспочвенность и бездействие. Об этом у меня в "Снах земли" (ч.2, "Моисеев прут") и в статьях по социологии. Тема великого грешника глубже, духовнее, и несомненная заслуга В.С.Непомнящего, что он ее открыл в Онегине. Но из этого для меня не следует, что лишний человек отменяется и все социальное отменяется, что оно от лукавого, что социология лишена своей истины на своем — пусть не столь глубоком — уровне...

Слушая Валентина Семеновича Непомнящего (сколько пришлось, кажется, три лекции), я расчленял его комментарий на три уровня: 1) бытийственный, глубже всякого искусства, 2) поэтический и 3) социально-исторический. Третий уровень только огорчал. Все сердечное, глубокое и религиозное соединилось в России, сухой рационализм и гедонизм свалены в Европу. О достоинствах (или, вернее, недостатках) такого противопоста-

вления я уже писал; кое-что даже напечатано. Повторять не стоит. Зато во всем, что касалось первого уровня, я испытывал глубокое сочувствие. Каждая глава романа (составлявшая предмет отдельной лекции) становилась толчком к упорному движению от поверхности, от обыденной суеты чувств в глубину, к предстоянию перед духом всякого бытия. На этом уровне р о м а н а почти нет, есть душа Пушкина, душа Непомнящего и всякая душа, преодолевающая соблазн сладкой жизни. Пушкин нынешней западной сладкой жизни не знал, он преодолевает ее отдаленного предшественника, но Валентин Семенович, смазывая времена, обнажал нечто более глубокое, чем время: движение к вечному. Акцент падал на мгновения, в которые душа Пушкина предстояла перед Богом. И лекции Непомнящего становились тогда тем, чего не хватает в храмах: вдохновенной и мудрой проповедью.

Но — тут мы переходим ко второму уровню — искусство Пушкина вовсе не шло простым путем от западного неверия к русской вере. Пушкин шел от русского вольтерианства (или парнианства) к нескольким разным высотам: к "Пророку", к "Капитанской дочке", к трагедиям и "Медному всаднику". Пушкинская религиозность, пушкинская народность и пушкинский трагизм не совсем совпадают; на рациональном уровне они вовсе не совпадают и если соединены, то разве неслиянно и нераздельно. То, что кажется мне самым замечательным у позднего Пушкина, наименее народно и совсем не православно. Трагическое чувство жизни и трагедия, как отчетливо сложившаяся форма искусства, - черта эллинской древности, и возрождается она в Европе вместе с общим поворотом к языческой красоте. Ни в одном культурном кругу, кроме Запада, сложившейся трагедии нет. Усвоение формы и души трагедии — знак глубокой европеизации, вестернизации России. Поворот от французской словесности к английской, который пропагандировал Пушкин, — втягивал русскую культуру еще дальше, еще глубже в западный мир. Борьба с Вольтером не есть борьба с Западом. Все романтики, современники Пушкина, боролись с Вольтером: в Германии, в Англии, в самой Франции...

Рационализм — безродный космополит. В Россию он пришел из Европы, в Европу — от Аверроэса и Авиценны. Своеобразие каждой культуры — скорее в ее иррациональном? Душа Европы в ее трагедии и в ее музыке.

Фрагменты работы по теории модернизации опубликованы в Москве, в сб. "Литература и культура Китая", 1972, и в Нью-Йорке, в сб. "Самосознание", 1975. "Антикрасноречие Достоевского и Толстого" – в альманахе "Россия", Турин, 1980, № 4.

Можно возразить, что рационализм китайский не тождественен аристотелевскому; но он ближе к нему, чем даосизм или буддизм чань — к "Ромео и Джульетте". Это очевидно, когда речь идет о больших культурных кругах. Другое дело — различия субкультур (национальных культур) в н у т р и культурного круга: Греция больше повернута к глубинам, Рим практичнее. Так же и на Западе. Однако в данном случае это неважно. Россия, начиная с Пушкина, открыта и европейскому рационализму, и европейскому иррационализму. Блок здесь более прав, чем Непомнящий: "Нам внятно все..."

Именно к этой душе Европы приобщил Россию Пушкин в "Пире во время чумы" и "Медном всаднике".

Чтобы сделать понятнее свою мысль, сошлюсь на один азиатский опыт сравнительного исследования Запада, - один из многих. Автор его - Тимоти Ч.Вон¹, вестернизированный китаец, сохранивший основы конфуцианского миросозерцания. По его воззрениям, Запад всегда есть Запад. Европа Нового времени (которая кажется нам отрицанием и разрушением Средних веков) сохраняет средневековые черты асоциального и антисоциального мистицизма. Они не исчезают, а только секуляризируются. (Я бы немного расширил концепцию Вона: средневековый мистицизм Европы по-своему сохраняет античный индивидуализм, нашедший свое воплощение в трагедии. Пропасть между человеком и Богом как-то связана с пропастью между двумя атомами, осознанной древними. Отсюда возможность обратной метаморфозы, возвращения к античной традиции, обогащенной средневековыми глубинами). В любовной лирике Средних веков и Возрождения, продолжает Т.Вон, — пропасть между человеком и Богом приняла форму пропасти между человеком и его идеалом любви. Начиная с лирики трубадуров, Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, расиновской Федры, самоубийство — вершина любовной поэзии.

"Страсть, подымающая над радостью разделенной любви, становится высшей ценностью, вплоть до конечной гибели и смерти, созерцаемой как окончательное бегство от отталкивающего, постылого мира. Такой резкий упор на личном, вместе со всеми произведениями и теориями литературы, вытекающими из него, естественно чужд китайцу, ищущему полноты и завершенности... — в том числе завершенной любви — только в земном окружении. При таком миросозерцании страстная любовь не должна перечеркивать социальных забот и мыслима только в социальном и природном контексте. Даже схваченные когтями страсти, китайские любовники находят время оглянуться вокруг себя, свободные от всепожирающей интенсивности западного чувства. Неудивительно поэтому, что китайские любовные новеллы непременно должны отражать непоследовательную (с точки зрения западной концепции любви — Г.П.) заботу о социальном, даже если сердце рвется на части" (стр.96).

Я прошу извинения за длинную цитату, но мне хотелось показать азиатского рационалиста, критикующего европейский иррационализм. Русскому читателю такие работы практически неизвестны, и только поэтому схема "рациональный Запад — иррациональная Россия" не режет глаза своей чрезмерной прямотой.

Я не во всем согласен с Тимоти Ч.Воном. Я не конфуцианец. Я думаю, что в глубине каждой культуры есть порыв к свободе, ломающий все раци-

Wong T.C. Self and society in Tang dinasty love tales. J. of the American oriental soc., Baltimore, 1979, 99, pp.95-100.

ональные и социальные рамки. Есть он и в Китае (сошлюсь на свои работы о буддизме чань). Но трагическое чувство любви — действительно западная форма прорыва сквозь здравый смысл. И это трагическое чувство любви вошло в русскую литературу вместе с Пушкиным. Вместе с любовью Онегина и Татьяны. Хотя трагическое развитие было в романе приторможено, приглушено, отодвинуто вглубь магического кристалла.

Роман Пушкина заключает в себе не только те возможности, которые реализованы в восьмой главе. Есть в нем и другие, и среди них — движение к трагической развязке. Чайковский почувствовал их и подчеркнул. Это драматизировало оперу. Раздумья Пушкина — "погибнешь, милая..." — Чайковский превращает в лирический монолог, повторенный дважды, устами Татьяны и устами Онегина; и если в первом случае гимн любви-наваждению сохраняет еще оттенок надежды на счастье, если это порыв скорее к риску, чем к смерти, то у Онегина, в финале, он звучит безусловно трагично:

Внимать вам долго, понимать Душой все ваше совершенство, Пред вами в муках замирать, Бледнеть и гаснуть — вот блаженство!

Валентин Семенович принимает оперного Ленского. Это ему нужно, чтобы противопоставить русскую жертву западному убийце. Почему Владимир Ленский, с душою прямо геттингенской, более русский, чем Онегин? В своем месте мы к этому вопросу еще вернемся. А здесь довольно сказать, что В.С.Непомнящий оперную трактовку Ленского принял и совсем не берет в расчет пушкинскую иронию. Он дорисовывает Ленского как молодого Константина Аксакова. Если это (как проба, как неожиданный поворот темы) допустимо, то почему не принять оперную трактовку в целом? Разумеется, только как один из поворотов, одно из прочтений текста. Но на время все-таки принять и оперного Ленского, и оперную Татьяну, и оперного Оненига. Тогда бросится в глаза, что тексты, положенные в основу центральных арий, глубоко связаны. Все они — гимны любви-смерти, любви-чуме: Пускай погибну я... Благословен и тьмы приход... Бледнеть и гаснуть — вот блаженство...

Для меня эти арии перекликаются еще с песней Вальсингама, с гимном Чуме:

Есть упоение в бою И бездны мрачной на краю...

Мрачной, но влекущей. Как влекут к себе бездны и Тютчева, и Толстого

В духе общих условий перехода от романа к драме, исследованных Г.Лукачем. Ср. "Исторический роман и историческая драма".

и Достоевского. Влекут — и срывают с плоскости обыденного сознания в глубины, из которых может вызволить лишь медитация или молитва. Влекут — к мистическому опыту. Гимн Чуме был один из лирических толчков, повернувших в глубину мою юность. Впрочем, меня волновал и захватывал даже Макбет, в котором я чувствовал, вопреки всему, светлое начало. Ибо в каждой сильной страсти, даже к чуме, даже к власти, есть подобие страстного влечения к вечности. И вот в лад со всем этим волновала опера Чайковского. Может быть, отчасти под ее влиянием мне показалось, что наброски путешествия Онегина напрасно отвергнуты, что Онегин остался недорисованным, трагическая линия не реализованной — словом, что Пушкин испортил свой роман.

Сейчас я больше ценю магический кристалл недосказанности, в котором мелькает то одна, то другая возможность. Сейчас я вижу, что трагическое развитие к катастрофе должно было в романе уступить место другой коллизии: неподвижному противостоянию цельного женского характера расколотому мужскому. То, что Пушкин нашел такую коллизию, собственно и сделало роман романом. И в течение полувека литература повторяла эту коллизию.

Славянофильская критика объяснила поведение Онегина беспочвенностью, отрывом от таинственных корней народного духа. Татьяна же сильна своей укорененностью в почве. Это отчасти сказано и в романе:

Татьяна, русская душою, Сама не зная почему...

Сама не зная почему — удивительно хорошо. Национальное так и должно жить, в подсознании; вытащенное наружу, превращенное в идею и принцип, оно засыхает; дерево, корни которого обнажены, гибнет. Татьяна русская, сама не зная почему. На рациональном уровне Пушкин говорит только о любви ее к природе:

Татьяна, русская душою, Сама не зная почему, С ее холодною красою Любила русскую зиму...

Но есть еще няня, и я готов согласиться с В.С.Непомнящим, что любимая с детства няня могла оказать на свою воспитанницу сильное влияние, по ту сторону ясно продуманных и высказанных идей и образов, всею собой. Это не выговорено до конца, но легко домыслить, вспоминая биогра-

¹ См. мою работу "Открытость бездне в творчестве Тютчева, Толстого и Достоевского".

² Эта идея уже неоднократно высказывалась.

фии Фонвизина и самого Пушкина. Онегину не повезло: его учил всему шутя monsieur l'Abbé, француз убогий... Татьяна — более русская и народная, чем Онегин. Или чем Ленский. В.С.Непомнящий чувствует Ленского своим, но это партийное чувство: немецкий романтизм — почва, в которую уходят философские корни славянофильства. В сороковые годы Ленский, наверное, стал бы славянофилом, Онегин — западником. Ну и что с того? Западник Герцен (чувствовавший личную близость к Онегину) — не менее характерная фигура русского XIX века, чем Хомяков или Киреевский. По-моему, славянофильская мечтательность так же беспочвенна, как западнический скептицизм. Я не согласен, что Ленский ближе Онегина к сути русского духа. Но Татьяна действительно ближе. Татьяна — русская душою, а Онегин

Москвич в гарольдовом плаще, Чужих причуд истолкованье, Слов модных полный лексикон...

На это пушкинское противопоставленье можно нанизать еще несколько, выведенных славянофильской критикой. Можно сказать (как это сделал Достоевский), что Татьяна зовет Онегина смириться и потрудиться на родной ниве. А Онегин не хочет смириться и застыл в гордыне обособления. Все это до некоторой степени верно, как одно из чтений романа, одна из объективных субъективностей. Я слишком люблю Достоевского, чтобы отбрасывать его чтение.

Однако текст романа не укладывается сколько-нибудь полно в славянофильскую концепцию. Неповторимое переплетение своего и заимствованного можно заметить во всех героях романа—в том числе и в Татьяне. А.Терц верно говорит о "зияниях в ее характере, не сводящем (сколько простору!) концы с концами— русские вкусы с французскими навыками, здравый смысл с туманной мечтательностью, светский блеск с провинциализмом, сбереженным в залог чему-то высшему и вечному..."

Таня родная в русском фольклоре, но чужая в русской литературе. Она не читает русских книг и журналов и настолько не владеет русским литературным языком, что любовное письмо (всем сердцем! Всей душой!) пишет по-французски. Из французских² романов выросло все ее миросозерцание. Няня могла поддержать чувство долга, неспособность обидеть, нарушить свое слово, научить благородному смирению — но никак не любви...

Каждый берет в книге то, что отвечает его склонностям, и Таня находила в романах такие страницы, которые поддерживали ее чувство глубины, становились для нее путем в глубину сердца, давали форму ее смутным порывам. Серьезность ее — это общехристианская серьезность, и совсем не

^{1 &}quot;Прогулки", стр.58.

² И английских, переведенных на французский язык.

антизападная. Таня доучивалась у Ричардсона тому, чему не доучил ее сельский батюшка. Ю.М.Лотман убедительно показал (в "Комментарии" к роману), что западная романтическая инфернальность и русская народная чертовщина слиты во сне Татьяны до полной неразличимости. Но решительно так же сливаются в восприятии героини и христианские элементы ее мировоззрения, откуда бы они ни пришли — из православия, католичества или протестантизма.

Таня вестернизована не меньше, чем Евгений, только иначе. Совершенно невозможно представить себе Татьяну Ларину в допетровской Руси (единственно подлинной, со славянофильской точки зрения). Девушка с ее задатками стала бы там св. Юлианией Лазаревской. Она не написала бы любовного письма соседу, не перенесла бы на него свои чувства, вызванные образами Христа и святых, не прошла бы через горечь отвергнутой любви, не стала бы "богиней роскошной царственной Невы". Вышел бы совершенно другой характер.

Она русская, — но, конечно, и европеянка. Здесь нет противоречия, потому что аристократическая Россия петербургского периода входила в европейское культурное пространство. Русская полития оставалась неевропейской, но домашний круг образованного дворянина был европейским, и женщина, не выходя за рамки этого круга, могла стать полным воплощением европейского идеала, не уступающим французскому или английскому в своем европеизме. Я уже писал о том, что Татьяна — не только более русская, чем Онегин; она и более европеянка, чем Онегин; с нее нельзя снять гарольдов плащ, она цельна в тождестве европейского и русского. Пушкин в VIII главе дважды подчеркивает, что Татьяна — европеянка по самому высшему европейскому счету.

Напротив, Онегин не только менее русский, но и менее европеец. Дожив без цели, без трудов до двадцати шести годов, Онегин застревает в этом состоянии. Мне уже не раз приходилось писать, что в России он европеец, оторванный от почвы, а в Европе, рядом с Фаустом, рядом с Растиньяком, рядом с мистером Домби, он неприкаянный русский. То же самое повторяется в жизни Рудина, Бельтова... Петровская реформа создала русскую европеянку, но не удалась в русском европейце. Образованный дворянин призван был к деятельности в более широком мире, чем дворянка. А действовать в России по-европейски, сохраняя личное достоинство и уважая личность другого, было очень непросто. Особенно в России дореформенной. Онегин может действовать — но не как европеец (ср.рассказ "После бала"); или мыслить и чувствовать, как европеец, но не действовать, замереть в инерции. Я эту коллизию хорошо понимаю; это и моя коллизия, она совсем не устарела. Все мы Онегины, — писал Герцен, — если не предпочитаем быть чиновниками или помещиками...

Упиваясь унижением Онегина, повергая его (символ Европы) к ногам Татьяны (символ России), славянофильская критика не замечает, что таким образом дезавуирует героиню. Если сердце у Татьяны вещее, то как

она могла ошибиться, на всю жизнь отдать свою любовь — кому? Даже не европейцу, а какой-то пародии на европейца... Тогда прав Онегин, уверяя Таню, что любовь ее — ошибка:

Сменит не раз младая дева Мечтами легкие мечты...

Но ведь это не так! В Онегине было что-то, угаданное Татьяной, достойное ее любви...

Даниил Андреев как-то сказал: Татьяна выше Онегина уже тем, что она его узнала, а он ее — нет. Мне кажется, это ближе к пушкинскому замыслу, чем западнические и почвеннические трафареты. Она его узнала:

...ты мне послан Богом, До гроба ты хранитель мой...

Но Онегин не узнал самого себя, не дорос до самого себя. Татьяна видит Онегина глазами любви, создавшей его, Божьей любви, — а Онегин не дотянулся до своей божественной мерки. При второй встрече, в Петербурге, страсть вспыхнула в нем — но поздно; не только потому, что Татьяна замужем. Она стала уже внутренне другой и не ищет больше романтической любви, — скорее религиозного преображения, способности к подвигу и жертве, и от Онегина хотела бы того же, хотя не может этого до конца понять и высказать, и то, что она высказывает, опять очень неточно и так же мельче Онегина, как прежнее его определение: москвич в гарольдовом плаще. Даже еще мельче, потому что тщеславия, желания похвастать своей победой у Онегина VIII главы нет вовсе. Татьяна совсем не оракул, в словах она очень может ошибаться, она умна только сердцем, и трагическую коллизию русского Гамлета, русского лишнего человека, только начинавшуюся и еще никем не растолкованную, она объяснить не в силах — ни самой себе, ни Онегину. Проповедь Татьяны в чем-то стоит проповеди Онегина: она основана на непонимании, на qui pro quo. Герои, созданные друг для друга (я верю юной Татьяне), останутся чуждыми, разобщенными, как русское сердце и русский ум. Это трагичнее и глубже, чем превосходство строгой нравственности над своевольным порывом чувства.

Дело, по-моему, никак не сводится к тому, что Татьяна другому отдана и будет век ему верна. Наташа Ихменева сохраняет нравственное превосходство над молодым князем и после того, как стала его любовницей. А что если бы Онегин сразу ответил Татьяне, но не смог бы жениться? Пошла бы она в монастырь, как героиня западника Тургенева? Или отдалась любви, как героиня почвенника Достоевского? Не знаю. Знаю одно (это сказано): страсть Онегина бесплодна (печален страсти мертвый след)...

И все же мелкой ее можно назвать только по очень большому счету, только с очень высокой религиозной меркой. По обычному, будничному счету это великая страсть, до полной гибели всерьез. И сквозь неповторимо

русский роман лишнего человека просвечивает (удваивая его напряжение) классическая трагедия любви. В которой двойное самоубийство Ромео и Джульетты произошло не потому, что опоздал Лоренцо. Наоборот, Лоренцо опоздал, чтобы совершилось самоубийство...

Все, все, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Неизъяснимы наслажденья, Бессмертья, может быть, залог...

Медный Всадник поэзии проносится и в романе Пушкина. И если прислушаться, как научил нас слушать Абрам Терц, можно различить звон его копыт...

Этот всадник может сшибить с ног (пусть!), может разбить на смерть (пусть! Кто не гибнет — не воскреснет). Но буря, из которой звучит голос Бога, тоже смертоносна. Таков закон Божьего мира, закон космоса, и таков закон поэзии. По крайней мере, поэзии объективной, эпоса и драмы. В лирике поэт может взлетать на седьмое небо и опускаться в ад, но действи и е протекает на земле, и мир, сотворенный человеком, не может быть совершеннее Божьего Мира. Попытки превзойти Творца в нравственном совершенстве действия ведут к бесплодной утопии. Поэзия, перестав быть стихийной, как наводнение, — перестает быть поэзией.

В поэтической стихии есть нравственные ориентиры. Они отчетливее, яснее видны, чем в природе. Труд поэта не безразличен к добру и злу. Он проясняет их лики. Но окончательный выбор добра остается делом свободной воли читателя — как и в живой жизни, полной искушений. И пушкинский роман не свободен от искушения трагической любви. Без этого искушения, при абсолютной нравственной победе Татьяны над совершенно ничтожным Онегиным, он потерял бы часть своей силы.

Разлив трагической стихии нельзя целиком пустить в арыки. Часть живительной влаги льется мимо. И поэтому любовь приходит иногда как чума, и Петр (что бы он ни представлял — государственность или поэзию, или еще что-то) так же вне суда совести, как Вальсингам. Но с этой точки эрения и страсть Онегина вне суда, и не так важно, почему он слишком поздно полюбил; важно только, что полюбил он не вовремя, что Татьяна не могла ему ответить, как прежде не мог ей ответить он сам, и оба медленно погибают — без крови и без сочувствующего хора, в отчужденном одиночестве своего прозаического века.

Добро побеждает трагически — убивая и нравственно цельную героиню, и расколотого героя. Убивая вечным непониманием и вечной разлукой...

Я пожимал плечами, когда В.С.Непомнящий, захваченный своим пафосом, превращал роман господ в роман слуг (ибо слуги вели себя нравстенно правильнее, чем господа: сдвиг, наметившийся еще у Достоевского и Льва Толстого). Я не могу согласиться с тем, что главными героями делаются ключница Онегиных, умиленно помнящая, как старый барин с ней

играть изволил в дурочки, и няня, вырастающая в фигуру масштаба Платона Каратаева и мужика Марея. Пушкин сердечно относился к народному, но оно еще не стало для него кумиром. Он не ставит няню на пьедестал. Народное у Пушкина — фон, а герои его — Петр, Моцарт, Дон Гуан. Пушкинский Моцарт и пушкинская Татьяна умеют прислушаться к народной песне, к лепету листьев, к журчанью воды; но они еще не зовут опроститься, как Лев Толстой.

Религиозный морализм В.С.Непомнящего — черта поколения, которое рвется прочь от миросозерцания 20-х годов. Видимо, славянофильство Пушкина так же нужно В.Непомнящему в его проповеди добра, как другие крайности — Абраму Терцу в утверждении абсолютной свободы поэта. Хочется отмести рационализм как что-то чуждое России, увидеть идеал в чисто русском, не знавшем западного влияния. Но несколько лишних шагов — и разрушится пушкинский, европейско-русский роман, в котором западное и русское слились, как в Татьяне, как в Адмиралтействе, как в Медном Всаднике Фальконе, — неслиянно и нераздельно.

В глазах Валентина Непомнящего, когда он говорил, я чувствовал горящее сердце, и все концепции, все исповедания хороши, если от них горит сердце. Его ошибки — это волшебные ошибки (по выражению В.Серова). Это неточности, гиперболы, еще не застывшие, еще теплые теплом истины. Можно прогуливаться с Пушкиным, можно идти с ним к святым местам, — все это жизнь. Все лучше, чем стоять перед литературным генералом навытяжку в мундире ИМЛИ. Любые крайности, если они сердечны, лучше пустого сердца. Но путь к целостной истине лежит с к в о з ь волшебные ошибки.

(Эссе опубликовано без согласования с автором.)

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

Москва, оргкомитет Союза писателей Из Харбина, 19.4

Решив покинуть Дальний Восток и в конце мая выехать в Москву, прошу передать Правительству мою глубокую благодарность за помощь и содействие по переезду моему в столицу великой страны, сказочно превратившейся из отсталого государства в авангард мировой культуры.

Ураганом событий надолго оторванный от моей страны, я сердцем, мыслью не отрывался от нее, взоры мои всегда были прикованы к ней.

Горд возможностью вернуться и продолжать в рядах работников советской литературы борьбу за строительство новой жизни.

Шлю привет родному для меня героическому классу трудящихся, под руководством своих славных вождей повернувшему судьбу мира к лучезарной эпохе будущего, близко вставшего перед глазами человечества.

Слава мужественным вождям нашей страны! Поклон родной литературе.

Скиталец

("Известия", 21 апреля 1934 г.)

Скиталец (псевдоним С.Г.Петрова, 1869—1941), поэт и писатель. В 1922—1934 гг. жил в эмиграции. Умер в Москве. Посредственные стихи Скитальца заслужили похвалу Ленина. С конца тридцатых годов был надолго отлучен от советской литературы, переиздан после смерти Сталина.

ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

...Или вот еще мода. Она управляет всем. Модными бывают одежды, прически, направления в живописи или литературе, марки автомобилей, почтовые марки, виды спорта, развлечения, места отдыха. А бывают модные мировоззрения.

Как-то еще в Москве я оказался в одной интеллигентной компании. Сидя на кухне, пили чай и, как водится, обсуждали все или почти все мировые и местные проблемы и события. Говорили о недавнем аресте двух диссидентов, об обыске у третьего, о новом повышении цен на золото (интересы присутствоваших это повышение никак не затрагивало), о пресс-конференции Рейгана, о заявлении Сахарова, о Северной Корее, об Южной Африке, уносились в будущее, возвращались в прошлое, стали обсуждать случившееся сто лет назад убийство народовольцами царя Александра Второго.

Одной из собеседниц была экспансивная и храбрая молодая женщина. Она уже отсидела срок за участие в каком-то самиздатском журнале, ее, кажется, собирались посадить во второй раз, таскали в КГБ, допрашивали, она вела себя смело, дерзила следователю и не дала никаких показаний.

Теперь о событии столетней давности она говорила так же возбужденно, как о вчерашнем допросе в Лефортовской тюрьме:

- Ах, эти народовольцы! Эта Перовская! Если бы я жила тогда, я бы ее задушила своими руками!
- Вы на себя наговариваете, сказал я. Перовскую вы бы душить не стали.

Женщина возбудилась еще больше.

- Я? Ee? Эту сволочь? Которая царя-батюшку бомбой... Клянусь, задушила бы.
- Да что вы, сказал я, зачем же так горячиться? Вы себя плохо знаете. Тогда вы не только не стали бы душить Перовскую, а вместе с ней кидали бы в царя-батюшку бомбы.

Она ожидала любого возражения, но не такого.

- Я? В царя-батюшку? Бомбы? Да вы знаете, что я убежденная монархистка?
- Успокойтесь, я вижу, что вы убежденная монархистка. Потому что сейчас модно быть убежденной монархисткой. А тогда модно было кидать

в царя-батюшку бомбы. А уж вы с вашим характером непременно оказались бы среди бомбистов.

Я не знаю точно, какие идеи владели умом этой дамы в прошлом, но догадываюсь.

В Москве и сейчас живет литератор, с которым мы дружили лет двадцать. Когда мы познакомились, это был еще сравнительно молодой человек, очень пылкий, романтичный и убежденный в том, что у него есть глубокие убеждения. На самом деле собственных убеждений у него никогда не было, те убеждения, которые он считал своими, были добыты не из непосредственного наблюдения над жизнью, а состояли из цитат основателей вероучения, одним из многочисленных последователей которого он был. Мир для него был простым и легко познаваемым, на любой сложный вопрос, задаваемый жизнью, всегда находился всеобъясняющий ответ в виде подходящей цитаты.

Как легко догадаться, его непогрешимым вероучением, его единственно правильным мировозэрением был марксизм, овладевший умами миллионов, но в то время уже начинавший выходить из моды. К моменту моего знакомства мой друг уже разочаровался в Сталине и "вернулся" к Ленину. Маленький портрет Ленина в рамке стоял у него на письменном столе, на стене висел портрет Маяковского, а на подставке от цветов стоял большой бюст Гарибальди.

Мой друг считал меня циником, потому что я подтрунивал над его кумирами, мои язвительные замечания о Ленине воспринимал как богохульство, я был непрогрессивным, отсталым, не мог правильно оценить явления в их сложной взаимосвязи, потому что с трудами Ленина был знаком лишь поверхностно. "Если бы ты читал Ленина, — назидательно говорил мне мой друг, — ты бы все понял, потому что у Ленина есть ответы на все вопросы".

Я не был антиленинцем, но не верил, что один человек, пусть даже трижды гений, может ответить на все вопросы, волнующие людей через десятилетия после его смерти.

Шли годы. Друг мой не стоял на месте, он развивался. Портрет Ленина однажды исчез, его место заняла Роза Люксембург. Рядом с Маяковским появился Бертольт Брехт. Потом, сменяя друг друга, а иногда соседствуя во временных сочетаниях, появлялись портреты Хемингуэя, Фолкнера, Че Гевары, Фиделя Кастро, Пастернака, Ахматовой, Солженицына. Недолго висел Сахаров. Гарибальди продержался дольше других, может быть потому, что бюсты менять дороже.

Как-то мы поссорились.

Появившись в доме моего друга несколько лет спустя, я увидел, что декорации резко переменились. На стенах висели иконы, портреты Николая Второго, отца Павла Флоренского, Иоанна Кронштадтского и других, неизвестных мне лиц в рясах и монашеских клобуках. Гарибальди, покрытого толстым слоем пыли, я нашел за шкафом.

Мы поговорили о том, о сем, и когда я высказал по какому-то поводу свои отсталые взгляды, мой друг снисходительно сказал мне, что я заблуждаюсь, и мои заблуждения объясняются тем, что я незнаком с сочинениями отца Павла Флоренского, который по этому поводу говорил... И тут же мне была приведена цитата, которая должна была меня совершенно сразить. И я понял, что годы, когда мы не виделись, не прошли для моего друга даром, он уже вполне овладел новым, передовым и единственно правильным мировоззрением, и мне его опять не догнать.

Схема развития моего друга характерна для многих людей моего и нескольких предыдущих поколений. Бывшие марксисты и атеисты теперь пришли кто к православию, кто к буддизму, кто к сионизму, а кто к парапсихологии или бегу трусцой.

А когда-то это были романтически настроенные мальчики и девочки, с пылающим взором и мозгами, забитыми цитатами из сочинений классиков единственно правильного мировоззрения. Я лично их опасался гораздо больше, чем профессиональных чекистов или стукачей. Те по лени или отсутствию разнорядки могли что-то пропустить мимо ушей. А эти, преданные идеалам, с принципиальной прямотой могли в лучшем случае обрушить на вас град цитат, а в худшем и вытащить на собрание, не пожалев ни ближайшего друга, ни любимого учителя, ни папу, ни маму.

Теперь эти бывшие мальчики и девочки в своих идеалах разочаровались. Некоторые из них отошли от активной деятельности, сосредоточились на своей работе, истину или не ищут или ищут, но не в сочинениях своих прежних кумиров. И ведут себя тихо.

Но есть и другая категория. Те, которые быстро раскаялись и сами себя простили. И теперь утверждают, что тогда все были такими, как они. А это неправда. Это даже клевета.

Конечно, мы все или большинство из нас подверглись невиданной обработке. Идеология вдалбливалась в нас с пеленок. Некоторые в нее поверили искренне. Другие относились, как к религии, со смесью веры и сомнения: раз столь ученые люди (не нам чета) утверждают, что марксизм непогрешим, так может быть, им виднее. Большинство молодых людей, если они не росли в семьях религиозных сектантов, были пионерами и комсомольцами, потому что другого пути не знали. Даже невступление в комсомол было уже вызовом всесильной власти (ведь кто не с нами, тот против нас). Но, вступая в комсомол (а иногда даже и в партию), посещая собрания и платя членские взносы, большинство все-таки сохранило способность к сомнениям. И инстинкт совести не каждому позволял вытаскивать на собрание товарища, который шепотом рассказал анекдот о Сталине или признался, что его отец погиб не на войне, а был расстрелян как враг народа. Большинство, конечно, не возражало (возражавших просто уничтожали), но отмалчивалось и уклонялось. Многие люди совмещали искреннюю веру в марксизм-ленинизм с вполне порядочным личным поведением.

Бывшие пламенные мальчики—девочки теперь иногда всерьез верят, что раньше все были такие, потому что они не слышали никого кроме себя. Некоторые из них, провозглашая теперь антикоммунистические лозунги, опять кричат громче других, хотя именно им, хотя бы из чувства вкуса, следовало бы помолчать.

Я знаю одну немолодую даму, которая, будучи девочкой, так оголтело боролась в своем высшем учебном заведении с идеологической ересью, что даже парторги ее останавливали. В пятьдесят третьем году она обвинила свою подругу на комсомольском собрании, что та не плакала в день смерти Сталина. И теперь, когда эта бывшая девочка пишет в эмигрантской печати: "мы христиане", меня это, право, коробит. Для меня понятие "христианин" всегда было связано с понятием "совестливый человек", но далеко не каждого из наших новообращенцев можно отнести к этой категории людей.

Я вовсе не против того, чтобы люди меняли свои убеждения, Напротив, я совершенно согласен со Львом Толстым, сказавшим однажды примерно так: "Говорят, стыдно менять свои убеждения. А я говорю: стыдно их не менять."

Придерживаться убеждений, которые стали противоречить жизненному или историческому опыту, глупо, а иногда и преступно. Впрочем, я лично (прошу простить за категоричность) никаким убеждениям не доверяю, если они не сопровождаются сомнениями. И в то, что какое-либо учение может быть приемлемо для всех, тоже не верю.

А вот мой бывший друг в это поверил. Перейдя из одной веры в другую, он верит, что изменился. На самом деле, каким он был, таким остался. Только выкинул из головы одни цитаты и забил ее другими. Но остался таким же воинственным, как и раньше. И оперируя новыми (старыми) цитатами, намерен пользоваться ими не только для самоудовлетворения, не только идти самому к новой цели, но и тащить к ней других.

Мой друг и его единомышленники повторяют давнишнюю выдумку, что Россия страна особенная, опыт других народов ей никак не подходит, она должна идти своим путем (как будто она им не шла). Демократия создателей новых учений не устраивает. Демократические общества, говорят они, разлагаются от излишних свобод, слабы, они слишком много внимания уделяют правам человека и слишком мало его обязанностям, и руководят этими обществами фактически не выдающиеся личности, а серое большинство. Демократии противопоставляется авторитаризм не как компромиссная, а как наиболее разумная форма правления. Я многих сторонников авторитаризма спрашивал, что это такое. Мне говорят вполне невразумительно, что это власть авторитета, то есть некой мудрой личности, которую все будут считать Авторитетом. Но если отбросить испытанную веками

практику демократического избрания авторитетной личности путем всеобщих и свободных выборов на ограниченное время и с ограниченными полномочиями, то каким иным способом, кем и на какое время будет устанавливаться чей бы то ни было авторитет? Не будет ли этот Авторитет назначать на эту должность самого себя? И не превратится ли общество опять под мудрым водительством Авторитета в стадо оголтелых приверженцев с цитатами и автоматами? И разве для сотен миллионов людей не были авторитетами (причем вовсе не дутыми) Ленин, Сталин, Гитлер, Мао? А чем Хомейни не авторитетная личность?

Все эти мудрствования о просвещенном авторитарном правлении могут окончиться новым идеологическим безумием. Они не основаны ни на каком историческом опыте, ни на каких реальных фактах. Где, в какой стране существует хотя бы один мудрый авторитарный правитель? Чем он лучше правителей, избранных демократически и контролируемых "серым" большинством? Чем авторитарные страны лучше демократических?

Эмигрировавшие из Советского Союза проповедники авторитаризма красноречиво отвечают на этот вопрос, местами своего жительства выбирая демократические и никогда — авторитарные страны.

Авторитаристы, как и предшествовашие им создатели единственно правильных мировоззрений, весьма склонны к риторике и демагогии. Они говорят: "Ну хорошо, ну, демократия, а что дальше?" Можно и их спросить: "Авторитаризм, а что дальше?"

Некоторые авторитаристы уже сейчас, называя только себя истинными патриотами (что по крайней мере нескромно), всех несогласных с собой объявляют клеветниками и ненавистниками России (точно так же, как большевики своих оппонентов называли врагами народа), и мне совсем нетрудно представить, как и против кого они используют полицейский аппарат будущего авторитарного строя, если он когда-нибудь будет создан.

Пока этого не случилось, я рискну сказать, что никаких серьезных проблем без демократии решить нельзя. Вопрос "демократия, а что дальше?" бессмыслен, потому что демократия не цель, а способ существования, при котором любой народ, любая группа людей, любой отдельный человек могут жить в соответствии со своими национальными, религиозными, культурными или иными склонностями, не мешая другим проявлять свои склонности тоже. Демократия, в отличие от единственно правильных мивовозэрений, не лишает никакой народ своего своеобразия, при ней немцы остаются немцами, англичане англичанами, а японцы — японцами.

Я не могу с уверенностью утверждать, что Россия уже сейчас готова к демократии, но я надеюсь, что переболев марксизмом, пройдя, может быть, через какую-то вынужденную, но промежуточную форму правления, она все-таки не поддастся соблазну нового (любого) непогрешимого вероучения, не сотворит новых кумиров и ступит когда-нибудь на путь свободного, здорового, демократического развития. ●

Восемьдесят семь лет назад наши отцы создали на этом материке новое государство, учредив его на началах свободы и исходя из того, что все люди сотворены равными.

Ныне мы вовлечены в великую гражданскую войну, которая покажет, способно ли устоять это государство или всякое другое, основанное на тех же началах и преданное тем же идеям. Мы собрались на поле великой битвы этой войны. Мы пришли, чтобы сделать часть его местом последнего упокоения тех, кто пожертвовал жизнью, чтобы жило наше государство. Долг и благоприличие велят нам совершить это.

Но в некотором высшем смысле мы не сможем освятить, не сможем благословить эту землю. Храбрые мужи, живые и мертвые, те, кто сражался здесь, уже освятили ее, и это благословение превосходит все, что могли бы прибавить или убавить наши слабые способности. Мир не придаст значения нашим словам и скоро забудет их, но того, что сделали они, мир не забудет. Нам же, оставшимся в живых, надлежит посвятить себя завершению того дела, которому те, кто здесь бился, столь славно споспешествовали. Нам надлежит посвятить себя великой задаче, завещанной нам, дабы от сих павших и украшенных славой мы переняли преданность делу, которому они дали высшее доказательство своей преданности, - дабы мы доказали, что эти мертвые умерли не напрасно, дабы государство наше, под сенью Бога, дало вновь родиться свободе и правительство народа, созданное народом и действующее во благо народа, не исчезло с лица земли.

Речь Авраама Линкольна на открытии национального кладбища в Геттисберге 19 ноября 1863 года

О МИРНЫХ УСИЛИЯХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

в следующем номере